ИСТОРІЯ
44-го ДРАГУНСКАГО
НИЖЕГОРОДСКАГО
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ
НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА
ПОЛКА.

40
П-64

1377/7

ТОМЪ V.

Составилъ В. ПОТТО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Р. Голике, Спасская улица, д. № 17.
1894.

10
П64

ИСТОРІЯ
44-го ДРАГУНСКАГО
НИЖЕГОРОДСКАГО
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ
НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА
ПОЛКА.

10
П-64

ТОМЪ V.

1347/1

Составилъ В. ПОТТО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Р. Голике, Спасская улица, д. № 17.
1894.

2 экз

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 12 Іюля 1894 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
537422

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Отъ Караагача до Чиръ-Юрта 1

Переформированіе полка въ десяти-эскадронный составъ, и новые штаты.—Драгунскій уставъ и примѣненіе его къ военнымъ цѣлямъ.—Назначеніе шефа и новое наименованіе полка.—Приготовленіе къ походу въ Чиръ-Юртъ.—Выступленіе полковыхъ обозовъ и трудный перевалъ черезъ Кавказскія горы.—Походъ полка отъ Караагача до Екатериноградской станицы на Терекѣ.—Драгунскій корпусъ.—Императоръ Николай самъ формируетъ четыре эскадрона для Нижегородскаго полка.—Выступленіе маршевыхъ эскадроновъ на Кавказъ и встрѣча ихъ съ полкомъ въ Екатериноградѣ.—Дальнѣйшій походъ по линіи.—Тревога въ Червленной, и участіе полка въ походѣ къ Внезапной.—Чиръ-Юртъ.—Его окрестности, топографія, флора и фауна.—Сулакская линія и ея стратегическое значеніе для края.—Легенды Чиръ-Юрта.

Рисунки:

1) Тріумфальныя ворота въ Екатериноградѣ.
2) Ночлегъ обоза въ горахъ у Кайшаура.
3) Развалины крѣпости Внезапной.

II. Въ Чиръ-Юртѣ на новоселье 21

Взрывъ Евгеніевскаго укрѣпленія.—Сборы противъ него непріятельскихъ партій.—Первая линейная служба драгунъ на Хутумбашѣ.—Прибытіе полковыхъ обозовъ.—Основаніе штабъ-квартиры.—Вопросы фуражный и строительный.—Чиръ-Юртъ въ окончательной отдѣлкѣ.—Постепенность работъ въ немъ.—Офицерскіе домики.—Старая и новая слободки.—Мѣры военной охраны.—Круковскій въ роли начальника передовой линіи.—Полковая жизнь: «Грузины» и «Русскіе».—Дуэль между Тутолминымъ и Яковлевымъ.—Сатира, озаглавленная «Чиръ-Юртскій монастырь».—Новый складъ полкового общества и постепенное сближеніе партій.

Рисунки:

1) Обрывъ надъ Сулакомъ въ Чиръ-Юртѣ.
2) Нижегородскій пикинеръ.
3) Команда за водой изъ Евгеніевскаго.

III. Драгуны въ Кутишинскомъ бою 37

Тревожная осень 1846 года на Сулакѣ.—Вторженіе Шамиля въ Даргинскій округъ.—Приготовленіе Нижегородцевъ къ походу.—Спѣшное выступленіе четырехъ эскадроновъ въ Шуру.—Аймякинскій штурмъ.—Движеніе къ Кутишамъ.—Драгуны верхами врываются въ аулъ, защищаемый Шамилемъ.—Бой спѣшенныхъ драгунъ въ улицахъ.—Отдѣльные эпизоды и подвиги.—Заключительный актъ Кутишинскаго боя—пораженіе 4-мъ дивизіономъ Хаджи-Мурата.—Потери Нижегородцевъ и ихъ трофеи.—Торжественная встрѣча драгунъ въ Шурѣ и Чиръ-Юртѣ.—Отзывы о драгунахъ князя Воронцова.—Резолюція императора Николая.—Приказъ по драгунскому корпусу.—При-

скорбный эпизодъ въ полку—подполковникъ Обуховъ и штабсъ-капитанъ Мочабѣли.—Награды за Кутишинское дѣло.—Устройство въ Чиръ-Юртѣ постояннаго моста.—Тревоги 1-го и 29-го ноября.—Уничтоженіе Зубутской переправы.—Отважный набѣгъ Хаджи-Мурата на Дженгутай и похищеніе Мехтулинской ханши.—Тревога, вызванная этимъ событіемъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ.—Святки въ Чиръ-Юртѣ.

Рисунки:

1) Аулъ Кутиши.
2) Султанъ-Янги-Юртъ (сакля князя Буддая). Изъ альбома кн. Гагарина.
3) Походные кавказскіе вьюки.

IV. Въ Чиръ-Юртѣ отъ экспедиціи до экспедиціи 51

Встрѣча новаго 1847 года.—Затишье на линіи.—Двѣ тревоги въ Таркахъ и у Зубута.—Необходимость развлеченій выступаетъ опять на первое мѣсто.—Заботы объ устройствѣ домашнихъ спектаклей.—Первое представленіе, данное въ крѣпости.—Мнѣніе о немъ Круковскаго.—Спектакли въ самомъ Чиръ-Юртѣ.—Комедія Петрова: «Старый служака».—Водевиль: «Покойная ночь» и заключительные куплеты съ мѣстнымъ кавказскимъ колоритомъ.—Запоздавшій снѣгъ.—Первая пороша и внезапное нападеніе горцевъ на Султанъ-Юртъ.—Приготовленія къ общей тревогѣ на Сулакѣ.—Борьба съ саранчей, угрожавшей полковымъ покосамъ и огородамъ.—Новая домашняя драма—дуэль Покатилова и Щепановскаго.—Круковскій и князь Воронцовъ.

Рисунки:

1) Чиръ-Юртъ. Домъ штабсъ-капитана Джемарджидзе.
2) Чиръ-Юртъ. Офицерская квартира.
3) Чиръ-Юртская слободка. Домъ капитана Гончарова.

V. Гергебиль и Салты 67

Посѣщеніе Чиръ-Юрта княземъ Воронцовымъ.—Выборъ изъ полка людей въ гвардію.—2-й дивизіонъ конвоируетъ намѣстника въ Дагестанскій отрядъ.—Походъ къ Гергебилю.—Рекогносцировка крѣпости и роковыя послѣдствія ея—холера въ русскомъ лагерѣ.—Неудачный штурмъ Гергебиля.—Отступленіе отряда.—Переходъ драгунъ изъ Дагестанскаго въ Самурскій отрядъ.—Стоянка на Турчидагѣ.—Аулъ Салты и его значеніе для Южнаго Дагестана.—Участіе драгунъ въ пораженіи воспомогательнаго непріятельскаго отряда на Кегерскихъ высотахъ.—Занятіе садовъ и тѣсная блокада крѣпости.—Нижегородскіе охотники на штурмѣ Салтовъ.—Поручикъ Вердеревскій.—Паденіе крѣпости.—Награды.—Солдатская пѣсня, какъ памятникъ Салтинскаго похода.

Рисунки:

1) Аулъ Гергебиль.
2) Салтинскій мостъ.
3) Мостъ на Кара-Койсу подъ Салтами.

VI. Въ Чиръ-Юртѣ между двумя экспедиціями 79

Холера въ Чиръ-Юртѣ и борьба къ нею Круковскаго.—Жертвы, похищенныя эпидеміей въ Нижегородскомъ полку.—Выступленіе своднаго дивизіона на усиленіе Темиръ-Ханъ-Шуринскаго гарнизона.—Обратный проѣздъ черезъ Чиръ-Юртъ главнокомандующаго.—Подробный осмотръ имъ полковой штабъ-квартиры.—Тревога у Зубута.—Новое административное дѣленіе Дагестана.—Князь Аргутинскій въ роли командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ.—Попытка Шамиля повторить событія 1846 года.—Осада Цудахара.—Участіе въ экспедиціи четырехъ эскадроновъ Нижегородскаго полка.—Зимній

походъ въ Вицхинскій горный магалъ.—Суровая зима на Сулакѣ.—Замыслы сосѣднихъ наибовъ.—Блистательное дѣло штабсъ-капитана Петрова на Міатлинской переправѣ 28-го марта 1848 года.—Отзывъ о Петровѣ Круковскаго.—Трагическій случай въ Канчугаѣ.—Странная тревога въ Чиръ-Юртѣ, и охота за гіеной.—Посѣщеніе Чиръ-Юрта княземъ Барятинскимъ.—Пріѣздъ главнокомандующаго весною 1848 года.

Рисунки:

1) Міатлинскій бродъ на Сулакѣ.
2) Міатлинская башня. Изъ альбома кн. Гагарина.
3) Крѣпость Грозная.

VII. Опять подъ Гергебилемъ и въ трущобахъ Ичкеріи 97

Вторичная осада Гергебиля.—Драгуны на Аймякинскихъ высотахъ.—Аймякинское ущелье.—Тревога 22 іюня.—Покореніе Гергебиля, и роспускъ Дагестанскаго отряда.—Набѣгъ въ Ичкерію.—Сборъ войскъ подъ Герзель-ауломъ.—Ночное движеніе.—Штурмъ Ахметъ-талы.—Возвращеніе отряда.

Рисунки:

1) Видъ на плашкоутный мостъ со стороны Чиръ-Юрта.
2) Аймякинское ущелье (изъ альбома князя Гагарина).
3) На перевалѣ у Кутишинскаго озера.

VIII. Драгуны въ Малой Чечнѣ 107

Назначеніе одного дивизіона въ составъ чеченскаго отряда.—Препятствія, которыя пришлось преодолѣть при этомъ князю Воронцову.—Командиръ 1-го дивизіона маіоръ Золотухинъ.—Маршрутъ, высланный главнокомандующимъ.—Хассавъ-Юртъ.—Опасный путь до Сунжи.—Начальникъ колонны полковникъ Веревкинъ.—Переправа Нижегородцевъ черезъ Сунжу вплавь.—Дорога въ Грозную.—Ханкальское ущелье, и воспоминаніе, вызванное имъ въ драгунахъ.—Крѣпость Воздвиженская.—Первый ночлегъ въ лагерѣ.—Вступленіе въ Чечню.—Гойта.

Рисунки:

1) Крѣпость Воздвиженская.
2) Драгунскій барабанщикъ на конѣ.
3) Лагерь маркитантовъ подъ Воздвиженской.

IX. На Гойтѣ и Мартанѣ 121

Переходъ черезъ Гойту.—Черная поляна.—Первое знакомство драгунъ съ чеченскою конницею на фуражировкѣ.—Закладка новой крѣпости.—Истребленіе кукурузнаго поля.—Обманчивая тишина и сюрпризъ, устроенный чеченцами при возвращеніи колонны.—Драгуны не остаются въ долгу, и на сюрпризъ отвѣчаютъ сюрпризомъ.—Кавалерійская атака въ Гойтинскомъ лѣсу, и пораженіе въ чащѣ его пѣшихъ чеченцевъ.—Появленіе передъ колонной главнокомандующаго.—Находчивый отвѣтъ полковника Преображенскаго.—Награды дивизіону.—Празднество въ драгунскомъ лагерѣ и ночныя канонады.—Непріятель отводитъ воду.—Критическое положеніе отряда.—Канонада на Гойтѣ.—Эскадронъ, заблудившійся въ Гойтинскомъ лѣсу.—Золотухинъ ставитъ себѣ задачей взять непріятельскія пушки.

Рисунки:

1) Укрѣпленіе Урусъ-Мартанъ.
2) Атака въ Гойтинскомъ лѣсу Золотухина.
3) Чеченецъ (съ рисунка Горшельдта).

X. Въ глубинѣ Чеченскихъ лѣсовъ 141

Новая канонада по лагерю.—Попытка Золотухина захватить орудія на Гойтѣ.—Возвращеніе въ лагерь и неожиданная тревога.—Новая попытка взять артиллерію.—Драгуны—«Богомъ хранимое войско».—Торжество въ драгунскомъ лагерѣ.—Послѣдній бой.—Пѣсня о чеченской экспедиціи.—Возвратный путь.—Червленная станица.—Набѣгъ изъ Хассавъ-Юрта.—Пѣсня, которую пѣли драгуны, вступая въ штабъ-квартиру.

Рисунки:

1) Чеченское кладбище.
2) Станица Червленная (изъ альбома кн. Г. Гагарина).
3) Типъ казака изъ Червленной.

XI. Ахты и Мискинджи 156

Сводный дивизіонъ въ Шурѣ.—Извѣстіе о вторженіи Шамиля въ Самурскій округъ.—Быстрое выступленіе войскъ.—Слухъ объ отчаянномъ положеніи Ахтынскаго гарнизона.—Форсированный маршъ.—Невозможность переправиться черезъ Самуръ, и отступленіе отряда въ виду осажденной крѣпости.—Трудное обходное движеніе черезъ горныя выси.—Мискинджинскій бой, и Джафаръ-Кули-Ага-Бакихановъ въ роли начальника кавалеріи.—Дѣйствія въ бою маіора Тихоцкаго.—Вступленіе въ Ахты.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о геройской защитѣ крѣпости.—Царскія награды за Ахты и Мискинджинскій бой.—Движеніе войскъ по Самуру.—Грозныя кары Аргутинскаго.—Разгромъ аула Хрюкъ.—Усмиреніе мятежа и роспускъ отряда.—Обычныя тревоги въ Чиръ-Юртѣ съ началомъ 1849 года.—Тревога 15-го марта—послѣдняя въ командованіе Круковскаго.—Назначеніе его наказнымъ атаманомъ.—Сдача полка и выѣздъ его изъ Чиръ-Юрта.

Рисунки:

1) Мискинджи.
2) Шамиль въ аулѣ Ахты.
3) Мостъ черезъ рѣку Ахты-Чай.

Приложенія къ V тому.

1) Портретъ Круковскаго.
2) Чиръ-Юртъ. Штабъ-квартира Нижегородскаго полка.
3) Драгуны на штурмѣ аула Кутиши.
4) Рѣка Гойта въ Малой Чечнѣ.
5) Возвращеніе эскадрона изъ Чеченской экспедиціи (станица Червленная).
6) **Акварель:** Типы Нижегородскаго полка (изъ альбома кн. Гагарина).
7) Карта Чечни.
8) Карта Сѣв. и Южн. Дагестана.

ИСТОРІЯ
44-го Драгунскаго Нижегородскаго полка.

Генералъ-Маіоръ Круковскій.

Полковникъ - Круковскій

Тріумфальныя ворота въ Екатериноградѣ.

I.

Отъ Караагача до Чиръ-Юрта.

Переформированіе полка въ десяти-эскадронный составъ, и новые штаты.—Драгунскій уставъ и примѣненіе его къ военнымъ цѣлямъ.—Назначеніе шефа и новое наименованіе полка.—Приготовленія къ походу въ Чиръ-Юртъ.—Выступленіе полковыхъ обозовъ и трудный перевалъ ихъ черезъ Кавказскія горы.—Походъ полка отъ Караагача до Екатериноградской станицы на Терекѣ.—Драгунскій корпусъ.—Императоръ Николай самъ формируетъ четыре эскадрона для Нижегородскаго полка.—Выступленіе маршевыхъ эскадроновъ на Кавказъ и встрѣча ихъ съ полкомъ въ Екатериноградѣ.—Дальнѣйшій походъ по линіи.—Тревога въ Червленной, и участіе полка въ походѣ къ Внезапной.—Чиръ-Юртъ.—Его окрестности, топографія, флора и фауна. — Сулакская линія и ея стратегическое значеніе для края.—Легенды Чиръ-Юрта.

Январь 1846 года принесъ Нижегородскому полку давно ожидаемое извѣстіе о переформированіи его въ десяти-эскадронный составъ.

Идея эта въ сущности была не новою. Еще въ 1829 году, во

время турецкой войны Паскевича явилось предположеніе присоединить къ Нижегородскому полку находившійся тогда въ Грузіи Сводный уланскій полкъ, долженствовавшій образовать при немъ четыре пикинерные эскадрона. Уланы, дѣйствительно, остались на Кавказѣ, но ихъ только и хватило, чтобы заполнить бреши, оставленныя войною; сформировать же новые четыре эскадрона было не изъ чего, и такимъ образомъ самая мысль объ усиленіи Нижегородскаго полка была оставлена. Мало того, реформа не коснулась его даже тогда, когда при общемъ преобразованіи русской кавалеріи, въ 1833 году, всѣ драгунскіе полки усилены были до десяти эскадроновъ, и только одинъ Нижегородскій полкъ еще 12 лѣтъ оставался въ своемъ прежнемъ составѣ.

Теперь очередь, наконецъ, дошла и до него.

12-го января 1846 года послѣдовалъ высочайшій приказъ:

1) Нижегородскій драгунскій полкъ, состоявшій изъ шести дѣйствующихъ и одного запаснаго эскадроновъ, имѣть впредь въ составѣ десяти дѣйствующихъ и одного пѣшаго резервнаго эскадроновъ,—и

2) На усиленіе его обратить четыре эскадрона въ полномъ составѣ, сформированные по особому распоряженію изъ полковъ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса и упраздненнаго Уфимскаго казачьяго полка.

Самое переформированіе выходило, такимъ образомъ, крайне несложнымъ. Первые шесть эскадроновъ полка остались въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ находились прежде, а четыре эскадрона, ожидавшіеся изъ Россіи, должны были образовать 4 и 5-й дивизіоны. Запасный эскадронъ, переименованный въ резервный, принялъ № 11 и, передавъ своихъ лошадей дѣйствующимъ эскадронамъ, остался пѣшимъ.

По новому уставу только первые восемь эскадроновъ предназначались для спѣшиванія. 9-й же и 10-й, называвшіеся пикинерными, вмѣсто ружей имѣли короткіе кавалерійскіе карабины на панталерахъ, и пики, съ обыкновенными уланскими флюгерами. Цвѣтъ флюгеровъ былъ бѣлый съ красными углами.

Всѣ эскадроны были двадцатирядные и имѣли по 18-ти конныхъ унтеръ-офицеровъ. На каждый драгунскій эскадронъ полагалось по два трубача и по два барабанщика; на пикинерный же только три трубача. Эскадронами командовали капитаны, а дивизіонами—штабъ-офицеры (1).

По сущности уставовъ того времени отъ драгунъ требовали полной замѣны линейной пѣхоты, и спѣшиваніе производилось обыкновенно ра-

зомъ восемью эскадронами, строившимися по батальонному расчету; пикинеры располагались всегда на флангахъ полка по-эскадронно, а при спѣшиваніи прикрывали его коноводовъ.

Чрезъ десять дней послѣ приказа о переформированіи полка, наслѣдный принцъ Виртембергскій Карлъ, только что обрученный тогда съ русскою великою княжною Ольгой Николаевной, назначенъ былъ шефомъ Нижегородскаго полка, которому и повелѣно 22 января 1846 года именоваться впредь Драгунскимъ Его Королевскаго Высочества наслѣднаго принца Виртембергскаго полкомъ *).

Въ то время какъ въ штабѣ Кавказскаго корпуса во всѣхъ деталяхъ разрабатывался вопросъ о переформированіи полка и водвореніи его на новомъ мѣстѣ, въ уютныхъ и красивыхъ домикахъ Караагача, вездѣ, гдѣ только жили драгуны, шли несмолкаемые разговоры, строились планы и дѣлались предположенія о будущемъ. Предметомъ этихъ разговоровъ служили все тѣ же вопросы, одинаково занимавшіе всѣхъ, и болѣе всего, конечно, людей семейныхъ. Этимъ послѣднимъ предстояло проститься даже съ тѣмъ скромнымъ комфортомъ, который представляла Кахетія, и покориться невзгодамъ и лишеніямъ, неразлучнымъ съ жизнію на передовой линіи, стоявшей лицомъ къ лицу съ дерзкимъ и въ высшей степени предпріимчивымъ врагомъ. Всѣ чувствовали, что полкъ вступаетъ въ новый фазисъ своего существованія, что въ его жизни совершался переломъ, который не могъ не отразиться на закатѣ стараго періода (²).

Первые четыре мѣсяца 1846 г. проведены были въ старой штабъ-квартирѣ въ дѣятельномъ приготовленіи къ предстоящему походу. Передвиженіе полка, послѣ тридцатипятилѣтней стоянки, для многихъ сопряжено было съ полнымъ матеріальнымъ разореніемъ; мебель и вся домашняя утварь распродавались за безцѣнокъ; дома приходилось бросать на расхищеніе армянъ, которые, какъ жадные шакалы, набросились по уходѣ полка на его прекрасную штабъ-квартиру и превратили ее въ пустыню.

Наконецъ наступило 15-е мая, день выступленія перваго эшелона,— и въ путь тронулись резервный эскадронъ и инвалидная рота, подъ общей командой капитана Яневича, офицера умнаго и распорядительнаго.

*) При дальнѣйшемъ изложеніи, для краткости, мы будемъ называть полкъ его старымъ именемъ—Нижегородскимъ.

Подъ ихъ прикрытіемъ двигались всѣ тяжести полка, и огромный обозъ семейныхъ нижнихъ чиновъ, всего, пожалуй, болѣе трехсотъ возовъ, нагруженныхъ до верху разною домашнею рухлядью, которую не хотѣлось бросать, въ предвидѣніи, что на новомъ мѣстѣ не найдешь и этого. Растянувшись по дорогамъ, медленно тянулся огромный транспортъ подъ палящими лучами солнца, которое давало себя чувствовать и людямъ, и животнымъ; только за Мцхетомъ стало нѣсколько прохладнѣе, а тамъ уже, чѣмъ далѣе углублялись въ горы, тѣмъ холодъ становился ощутительнѣе, и 27-го мая, при подъемѣ на Койшаурскую гору, разыгралась такая снѣговая мятель, что обозъ долженъ былъ остановиться. Пришлось провести бѣдственную ночь, о которой долго вспоминали участники похода. Буря гудѣла въ ущельяхъ; мѣстность кругомъ была безотрадно-пустынная: голыя скалы, опушенныя инеемъ, рыхлый снѣгъ на дорогѣ, — и нигдѣ никакого пристанища, ни одного привѣтливаго огонька. Присутствіе въ обозѣ женщинъ, дѣтей и даже грудныхъ ребятъ увеличивало затруднительное положеніе эшелона,—а впереди предстояли еще два трудные перевала черезъ Гудъ-гору и Крестовую, — эти кульминаціонные пункты военно-грузинской дороги, на которые взобраться безъ помощи туземнаго населенія оказывалось невозможнымъ. Тяжело нагруженныя подводы грузли въ снѣгу по самыя ступицы, и ихъ приходилось вытаскивать и переносить на рукахъ. Къ счастію удалось собрать нѣсколько сотъ осетинъ со всѣхъ окрестныхъ ауловъ, и только съ ихъ помощью обозъ могъ наконецъ сдвинуться съ мѣста. До какой степени труденъ былъ перевалъ, можно судить по тому, что на переходъ отъ Койшаура до Коби—всего 16 верстъ, употреблено было четверо сутокъ. Несмотря, однако, на всѣ невзгоды и рѣзкія перемѣны климата, эшелонъ совершилъ длинный походъ отъ Царскихъ Колодцевъ до Екатериноградской станицы на Терекѣ вполнѣ благополучно, и изъ пятисотъ восьмидесяти душъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, только шесть человѣкъ оставлены были по пути во владикавказскомъ госпиталѣ (3).

Въ тотъ самый день, 27-го мая, когда передовой эшелонъ былъ застигнутъ у Койшаурской горы разыгравшеюся бурей, Нижегородскій драгунскій полкъ выступилъ изъ Караагача. Утро было пасмурное и дождливое. Многимъ это казалось дурнымъ предзнаменованіемъ. Лица у всѣхъ также были пасмурныя. Напутственный молебенъ служили подъ открытымъ небомъ. Трогательная молитва, которая читается во время

колѣнопреклоненія «о путешествовати хотящихъ», у многихъ вызвала слезы. Не легко было разставаться полку съ дорогимъ мѣстомъ, на которомъ онъ сидѣлъ больше тридцати пяти лѣтъ, съ которымъ у каждаго

Ночлегъ обоза въ горахъ у Койшаура.

соединялось столько отрадныхъ и свѣтлыхъ воспоминаній. При 25-лѣтнемъ срокѣ службы для большей части нижнихъ чиновъ мѣсто это замѣняло родину: сюда они приходили молодыми, здѣсь достигали зрѣлаго

возраста, здѣсь старились, и здѣсь же, поселяясь въ слободкѣ отставными ветеранами, складывали свои старыя кости. Если же кому изъ нихъ и случалось возвращаться на настоящую родину, то онъ находилъ тамъ уже новыя поколѣнія, которыя его не знали, а изъ тѣхъ, кто провожалъ его на царскую службу, онъ не заставалъ почти никого.

Послѣ молебна стройный всадникъ, съ длинными черными усами и съ бодрой осанкой, на бѣломъ конѣ медленно проѣхалъ по фронту и поздравилъ съ походомъ. Раздалась команда: «справа по шести!» Эхо окрестныхъ скалъ въ послѣдній разъ повторило эту команду—и полкъ тронулся съ мѣста. Этою командою заканчивается, можно сказать, первый періодъ исторіи Нижегородскаго полка и начинается ея второй періодъ. Поднимаясь на гору, по дорогѣ къ Царскимъ Колодцамъ, многіе оглядывались, какъ бы прощаясь съ штабъ-квартирой, которую они покидали навсегда. По мѣрѣ приближенія къ Царскимъ, она постепенно уходила въ даль, и наконецъ скрылась совсѣмъ за поворотомъ дороги. Съ тѣмъ же тяжелымъ чувствомъ прошли драгуны мимо своихъ «лѣтниковъ», точно предчувствуя, что уже некому будетъ больше ходить за этими укромными, благодатными рощами. И, дѣйствительно, теперь уже нѣтъ этихъ славныхъ лѣтниковъ: тѣнистыя деревья ихъ срублены, родники пересохли, и отъ оживленной нѣкогда лагерной стоянки Нижегородцевъ осталось одно названіе. Догадаются ли будущіе археологи, производя раскопки въ этой заброшенной мѣстности, что здѣсь когда-то былъ станъ витязей, которые умѣли веселиться, когда не было на рукахъ другого дѣла, и еще лучше умѣли умирать, когда того требовала честь и достоинство родины.

Въ Тифлисѣ полкъ былъ встрѣченъ княземъ Воронцовымъ, который не могъ скрыть своего удовольствія при видѣ этой стройной массы кавалеріи, двигавшейся по его указанію туда, гдѣ она могла быть наиболѣе полезною. Всѣмъ, что видѣлъ на смотру главнокомандующій, онъ остался доволенъ, горячо благодарилъ Круковскаго, и, прощаясь, благословилъ драгунъ на предстоявшее имъ новое славное поприще.

Переходъ черезъ горы, съ сравнительно небольшимъ и легкимъ обозомъ, не представлялъ особенныхъ трудностей, но тѣмъ не менѣе дороги были до того размыты и испорчены таяніемъ снѣговъ, что полкъ опоздалъ во Владикавказъ на два дня противъ маршрута (4). Отсюда до Екатериноградской станицы онъ шелъ уже безъ дневокъ, чтобы навер-

стать потерянное время. На всемъ пути, во всѣхъ станицахъ и на казачьихъ постахъ, только и было разговора, что о недавнемъ вторженіи Шамиля въ Кабарду и о той опасности, которой подвергалась военно-грузинская дорога въ то время, когда Шамиль стоялъ около Змейской станицы. Опасность давно миновала, но она все еще продолжала занимать впечатлительные умы населенія, привыкшаго считать военно-грузинскій трактъ недоступнымъ для большихъ непріятельскихъ вторженій. Переполохъ, о которомъ шла рѣчь, коснулся отчасти и нашего Нижегородскаго полка. Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ предполагалось двинуть его форсированнымъ маршемъ на Сунжу въ отрядъ генерала Фрейтага. Но полкъ, готовившійся тогда къ перемѣщенію изъ одной штабъ-квартиры въ другую, абсолютно не былъ готовъ къ выступленію: онъ былъ похожъ на разснащенный корабль, которому не только въ бурную, но и въ тихую погоду, при попутномъ вѣтрѣ, шагу нельзя было сдѣлать изъ гавани,—и эпопея въ центрѣ Кавказской линіи разыгралась безъ его участія.

Въ то время, какъ полкъ подходилъ къ Екатериноградy, тамъ находился уже эшелонъ капитана Яневича, и почти три недѣли стояли, въ ожиданіи его, четыре, прибывшіе изъ Россіи, эскадрона.

Теперь вернемся назадъ и скажемъ нѣсколько словъ о томъ, откуда повели свое начало эти четыре «русскіе» эскадрона.

Осенью 1845 года императоръ Николай Павловичъ смотрѣлъ драгунскій корпусъ въ Чугуевѣ. Драгуны пользовались особымъ расположеніемъ государя, любившаго въ нихъ свое собственное созданіе. И, дѣйствительно, этотъ сильный корпусъ въ 80 эскадроновъ, съ собственною пѣхотою и собственными уланами, имѣвшій въ своемъ распоряженіи достаточное количество конной артиллеріи и конныхъ саперъ (піонеръ)—представлялъ такую самостоятельную боевую единицу, которая не нуждалась въ посторонней помощи. Сплоченный единствомъ духа и узами товарищества, развивающимися всегда въ значительной степени при извѣстномъ массированіи частей подъ одною общею командой, онъ былъ на столько же проникнутъ духомъ своего превосходства надъ остальною легкою кавалеріею, на сколько превосходилъ ее чисто матеріальнымъ устройствомъ.

Всѣмъ памятенъ Бѣлоцерковскій смотръ, на которомъ императоръ Николай, послѣ нѣсколькихъ горячихъ перестроеній, когда весь корпусъ, имѣя полки въ густыхъ эскадронныхъ колоннахъ, выстроился въ

линію,—подалъ сигналъ «атака». Земля загудѣла подъ топотомъ 80-ти эскадроновъ, несущихся карьеромъ, и пыль застлала и землю, и небо. Знаменитая атака такою громадною массою конницы была произведена на разстояніи трехсотъ шаговъ, по мѣстности, изрытой канавами. И едва прозвучалъ «отбой», и улеглась, поднятая скачкою, пыль, полки представились государю стоявшими, какъ вкопанные: ни одна пика не шевельнулась въ пикинерныхъ эскадронахъ. Императоръ былъ восхищенъ и громко произнесъ свою знаменитую фразу: «Только одинъ я могу производить такую атаку!» Иностранцевъ особенно поражалъ маневръ, когда полки, построенные въ густыя колонны, пускались съ мѣста въ карьеръ, спѣшивались на полномъ скаку, и не успѣвала разсѣяться пыль, какъ передъ изумленными зрителями развертывались длинныя пѣхотныя линіи. Грозные батальоны съ примкнутыми штыками, подъ глухой рокотъ барабановъ, шли на непріятеля, а по сторонамъ коноводовъ весело пестрѣли и колыхались флюгера 16-ти уланскихъ эскадроновъ. Такія эволюціи, производимыя корпусомъ болѣе чѣмъ въ десять тысячъ коней, имѣли за собою весьма внушительный военный характеръ. Если бы такой корпусъ появился въ глубинѣ непріятельской земли, все что составляетъ жизненную силу войскъ: казна, запасы, депо и учрежденія—все неминуемо должно бы было сдѣлаться его добычею, особенно при той быстротѣ и выносливости, какою могли отличаться русскіе степные кони.

Таковъ былъ драгунскій корпусъ, созданный императоромъ Николаемъ Павловичемъ, и изъ него-то должны были формироваться теперь 4 и 5-й дивизіоны, предназначавшіеся для Нижегородскаго драгунскаго полка. По окончаніи смотровъ государь именно съ этою цѣлью остался еще на нѣсколько дней въ Чугуевѣ—и лично отдѣлилъ въ каждомъ драгунскомъ полку съ лѣваго фланга отъ четвертыхъ взводовъ 7, 8, 9 и 10 эскадроновъ по десяти рядовъ, составившихъ въ первой дивизіи 7 и 9-й, а во второй—8 и 10-й эскадроны—всѣ двадцатиряднаго состава. Люди поступали пѣшими, безъ оружія и аммуниціи, которыя должны были доставить имъ изъ Ставрополя, а лошадей принимали тутъ же отъ расформированнаго въ Чугуевѣ Уфимскаго казачьяго полка (5).

Для 4-го дивизіона масть лошадей опредѣлена была вороная, а для пикинернаго бурая. Въ то же время 4-му дивизіону пожалованъ былъ простой штандартъ, изъ числа старыхъ, хранившихся за излишествомъ

Типы Нижегородцевъ.

(Съ акварели Кн. Гагарина).

въ московскомъ арсеналѣ; 5-му же, какъ пикинерному, на основаніи положенія о переформированіи армейской кавалеріи, штандарта не полагалось совсѣмъ. По окончательномъ сформированіи и назначеніи офицеровъ, изъявившихъ на то желаніе, эскадроны были оставлены на зиму въ округахъ харьковскаго военнаго поселенія и расположились въ районѣ Псковскаго кирасирскаго полка въ Ново-Псковѣ и слободѣ Шульгинкѣ ([6]).

11-го марта 1846 года они были осмотрѣны командиромъ 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса генераломъ Пиллеръ-фонъ-Пильхау и найдены въ прекрасномъ состояніи. Солдаты уже были обмундированы и снаряжены по формѣ Нижегородскаго полка, и въ новой своей одеждѣ смотрѣли молодцами; лошади были свѣжи и сильны, хотя весьма некрасивы. Съ послѣднимъ обстоятельствомъ приходилось, однако, мириться, во-первыхъ потому, что лошади назначены были по личному выбору самого государя, а во-вторыхъ, онѣ оказались настолько способными къ выѣздкѣ, что въ короткое время ходили на мундштукахъ уже вполнѣ удовлетворительно. Лучшимъ эскадрономъ во всѣхъ отношеніяхъ оказался 9-й, капитана Шульца ([7]).

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого смотра, 11-го апрѣля, эскадроны выступили въ походъ, по тракту на Донскую область. Шли они въ самое неблагопріятное время года, когда, вслѣдствіе таянія снѣговъ, по всѣмъ лощинамъ и оврагамъ бѣжали рѣки, которыхъ въ остальное время не было, а настоящія рѣки выступили изъ береговъ и разлились такъ широко, что одна переправа черезъ Донъ, затопившій всю первую станцію отъ Аксая на протяженіи 12 верстъ, заняла цѣлыхъ три дня. Людей пришлось перевозить на плоскодонныхъ паромахъ, медленно двигавшихся при помощи шестовъ, а лошадей перегоняли вплавь табунами. За Дономъ начались уже пустынныя, малозаселенныя степи, въ которыхъ саранча истребила всѣ всходы, и цѣны на фуражъ стояли баснословныя; сѣно еще можно было достать, платя отъ 80-до 100 руб. ас. за маленькій возъ, но овса не было вовсе, и лошади выступали съ ночлеговъ полуголодныя. Лишенія маршевыхъ эскадроновъ этимъ не ограничились: на встрѣчу имъ шли полки 5-го пѣхотнаго корпуса, возвращавшіеся съ Кавказа послѣ Даргинской экспедиціи, и всѣ окрестныя деревни были биткомъ набиты войсками; драгунамъ недоставало помѣщеній, и несмотря на дожди, холодные туманы и сырость, имъ не одну ночь пришлось проводить бивуакомъ ([8]).

Несмотря на эти невзгоды, эскадроны явились въ Ставрополь «въ

блестящемъ видѣ» (9), и послѣ шестидневнаго отдыха двинулись дальше въ Екатериноградскую станицу. По линіи шли уже съ заряженными ружьями и съ военными предосторожностями. «Ворота на нашъ Кавказъ», говорили имъ линейные казаки, «широки, а отсюда узки. Много-много идетъ сюда народу, а возвращается мало: вотъ и изъ 5-го корпуса ушли назадъ одни только знамена». Въ Екатериноградѣ, въ ожиданіи полка, пришлось простоять около мѣсяца. Это была большая, богатая станица Горскаго казачьяго полка, ничѣмъ не напоминавшая, однако, былую обстановку намѣстническаго города. Только, какъ величавые остатки древности, и сохранились въ ней большой Божій храмъ на станичной площади, да тріумфальная арка, гостепріимно пріютившая въ своихъ темныхъ углахъ и трещинахъ цѣлыя стаи летучихъ мышей. Судьба, какъ нарочно, привела молодыхъ Нижегородцевъ въ то мѣсто, гдѣ была колыбель стараго полка, и они съ живымъ интересомъ слушали разсказы стариковъ, помнившихъ то время, когда на этой площади появлялись характерныя фигуры Сталя и Глазенапа. Много говорили имъ казаки и о новомъ полковомъ командирѣ ихъ Круковскомъ, котораго знали лично, и который именно здѣсь, въ этой станицѣ началъ свою славную кавказскую службу. Молодежь восторгалась его боевыми дѣлами, старики любили въ немъ человѣка, въ лучшемъ значеніи этого слова. И молодые Нижегородцы, готовившіеся стать подъ его начальство, заранѣе проникались къ нему глубокими симпатіями и уваженіемъ.

Здѣсь же отъ старыхъ, заслуженныхъ казаковъ драгуны услыхали въ первый разъ правдивый и обстоятельный разсказъ о вторженіи Шамиля въ Кабарду и о кровавомъ побоищѣ, происходившемъ за два мѣсяца передъ тѣмъ у Минарета, когда маленькій отрядъ полковника Левковича былъ разбитъ и отброшенъ къ Урухской станицѣ. Драгуны не мало были удивлены несходствомъ донесенія о томъ же дѣлѣ, опубликованномъ въ газетахъ. «Левковичъ вашъ старый Нижегородскій драгунъ», поясняли имъ казаки, «да подъ командой-то его на этотъ разъ были не драгуны». Это былъ, дѣйствительно, тотъ самый Левковичъ, который подъ Джеванъ-Булахамъ взялъ «побѣдное» знамя, а теперь командовалъ на линіи Тенгинскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Цѣлые вечера проходили въ подобныхъ бесѣдахъ, и драгуны, наслушавшись о линейныхъ тревогахъ, набѣгахъ и другихъ заманчивыхъ перипетіяхъ Кавказской войны, съ нетерпѣніемъ ожидали полка, чтобы какъ можно

скорѣе начать новую жизнь, исполненную столькихъ сильныхъ ощущеній ([10]).

И вотъ, 22-го іюня по дорогѣ изъ Котляревской станицы, въ голубоватой мглѣ лѣтняго утра, показались наконецъ бѣлые кителя старыхъ кавказскихъ драгунъ. Впереди, на бѣломъ кабардинскомъ конѣ, въ сопровожденіи только одного трубача, ѣхалъ полковой командиръ. Маршевые эскадроны выстроились у воротъ станицы, чтобы встрѣтить своихъ старшихъ по ремеслу товарищей, и отдать честь не дешево доставшимся полку старымъ георгіевскимъ штандартамъ.

Какъ водится, офицеры полка дали прибывшимъ собратамъ обѣдъ; тѣ отвѣтили тѣмъ же; но слитіе общества въ одно не клеилось. Это были люди одного и того же полка, но еще съ рѣзко обозначавшимися оттѣнками. Прибывшіе съ перваго раза получили названіе «русскихъ», и въ свою очередь назвали другихъ «грузинами». Несмотря на наружную вѣжливость, обѣ стороны не сближались между собою.

Офицеры прежняго состава полка были большею частію народъ бывалый, закаленный въ бояхъ, и сильный тѣмъ духомъ, который вырабатывается только въ суровой обстановкѣ войны. Незнакомые съ тонкостями фронтовой службы, которыми отличались русскіе эскадроны, кавказцы сидѣли на коняхъ хоть крѣпко, но всякій молодецъ на свой образецъ, и своею посадкой на уздечкѣ и короткихъ стременахъ приводили въ ужасъ новоприбывшихъ. Сухіе, мускулистые кони ихъ махали головами во фронтѣ, на аллюрахъ безпрестанно сбивались, а галопировали такъ, какъ галопируютъ на свободѣ рѣзвые питомцы степей. Гордые доселѣ сознаніемъ своего достоинства, кавказцы къ удивленію своему увидѣли, что и имъ, старымъ служакамъ, придется кое-чему поучиться, чтобы не дѣлать рѣзкой разницы во фронтѣ. Самолюбіе было задѣто.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было не любоваться прибывшими дивизіонами. Лошади, мастерски выѣзженныя, держали вѣрный аллюръ, при «смирно»—стояли какъ вкопанныя. Люди сидѣли однообразно, и управляли лошадьми какъ одинъ; про офицеровъ нечего и говорить. Не было у нихъ одного условія, въ боевой жизни главнаго: не было спокойнаго самоувѣреннаго взгляда, удали въ движеніяхъ, и бойкой рѣчи, характеризующей кавказцевъ. Но это было дѣломъ уже будущаго. И надо сказать, что между прибывшими офицерами были такія личности, которыя при первыхъ встрѣчахъ съ непріятелемъ заставили преклониться передъ

своими военными доблестями, хотя эти доблести пока и были еще скрыты, какъ искры въ кремнѣ. Но этого мало: живя до сихъ поръ при совершенно различныхъ условіяхъ, «русскіе» имѣли свои воспоминанія и свои интересы, не имѣвшіе ничего общаго съ воспоминаніями и интересами «грузинъ». Сойдясь вмѣстѣ, первые недовѣрчиво покачивали головами, выслушивая полумиѳическіе разсказы Нижегородцевъ, часто не клеившіеся съ тѣми тактическими правилами, примѣненіе которыхъ къ дѣлу они столько разъ наблюдали на блестящихъ маневрахъ. Да и какъ они могли вѣрить, напримѣръ, хоть тому, что при взятіи одного завала драгуны на коняхъ взлетѣли на гору, и спѣшились уже чуть не на плечахъ непріятеля, тогда какъ на маневрахъ это сдѣлалось бы совершенно иначе: спѣшились бы у подошвы горы, отвели бы коноводовъ назадъ, а спѣшенный взводъ, равняясь на середину, бѣглымъ шагомъ пошелъ бы на приступъ. Не вѣрующіе и не подозрѣвали, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они и сами такимъ же отчаяннымъ способомъ овладѣютъ ауломъ, который защищалъ Шамиль.

Въ свою очередь «грузины» насмѣшливо улыбались при разсказѣ стараго капитана Курдяева о томъ, что уже десять лѣтъ, какъ на корпусныхъ смотрахъ его эскадронъ ставится въ приказахъ первымъ нумеромъ по пригонкѣ сѣделъ, мундштуковъ и вальтраповъ. За немногимъ исключеніемъ офицеры обѣихъ партій холодно смотрѣли другъ на друга, и первый шагъ къ сближенію сдѣланъ былъ уже послѣ знаменитаго Кушлинскаго дѣла ([11]). Въ Екатеринодарѣ полкъ окончательно сформировался, и 26-го іюня въ первый разъ, въ полномъ своемъ боевомъ составѣ, выстроился на екатеринодарской площади. Это былъ единственный полкъ въ Россіи, сидѣвшій въ то время на разномастныхъ коняхъ: въ 1-мъ дивизіонѣ лошади были гнѣдыя, во 2-мъ рыжія, въ 3-мъ караковыя, въ 4-мъ вороныя и въ 5-мъ бурыя. Но эта разношерстность, при хорошемъ подборѣ мастей въ эскадронахъ, не портила общаго впечатлѣнія, и въ нѣкоторой спепени была даже красива. Послѣ небольшого смотра, на площади появился старый станичный священникъ, и началось напутственное молебствіе. Не сходя съ коней молились драгуны. Утро было прекрасное. Подъ лучами яркаго солнца сверкали закинутыя за спину ружья, красиво колыхались флюгера на пикахъ, и подобравъ головы, чутко шевеля ушами, смирно стояли добрые степные кони. Старая станица, съ ея тріумфальною аркой, еще никогда не ви-

дѣла у себя такой массы прекрасной стройной конницы, представлявшей собою совсѣмъ не то, что удалые казацкіе джигиты. Это была сила внушительная, грозная, передъ которой не могли устоять азіатскія полчища.

Съ послѣднимъ словомъ молитвы трубачи протрубили отбой. Круковскій на своемъ иноходцѣ первый проѣхалъ подъ тріумфальную арку, а за нимъ длинною лентой потянулся полкъ по пыльной дорогѣ къ Моздоку, расположенному у входа въ одинъ изъ самыхъ бойкихъ районовъ Восточнаго Кавказа.

3-го іюля, когда полкъ подходилъ къ Червленной станицѣ, за правымъ берегомъ Терека, къ сторонѣ Внезапной, вдругъ послышались пушечные выстрѣлы, перешедшіе черезъ полчаса въ сильную канонаду. Въ Червленной уже знали, что Шамиль спустился на Кумыкскую плоскость и осадилъ Внезапную. Драгуны не успѣли еще разбить коновязей, какъ прискакалъ нарочный отъ генерала Фрейтага съ приказаніемъ немедленно переправляться черезъ Терекъ и форсированнымъ маршемъ итти въ Ташъ-Кичу. Круковскій, зная, что на открытыхъ Кумыкскихъ равнинахъ нужна будетъ добрая конница, взялъ съ собой, кромѣ старыхъ эскадроновъ, еще пикинерный дивизіонъ, приказавъ обозу слѣдовать далѣе, подъ прикрытіемъ только 7 и 8-го эскадроновъ.

Тревога между тѣмъ распространилась уже по всѣмъ станицамъ, и когда Нижегородцы приблизились къ переправѣ, нашли её уже занятою казачьимъ полкомъ князя Эристова, который также торопился къ Внезапной. Несмотря на энергическія усилія гребцовъ, работавшихъ изо всѣхъ силъ, паромы ходили медленно, и часто, сбиваемые быстротою Терека, уносились теченіемъ. Все это задержало Нижегородцевъ на столько, что когда они переправились, то канонада замѣтно стала слабѣть и, наконецъ, совсѣмъ прекратилась. Въ крѣпости они нашли только дымящіяся развалины форштадта и полуразрушенную батарею, съ которой Шамиль громилъ Внезапную. Скоро показались густыя облака пыли — то возвращалась наша пѣхота изъ своего преслѣдованія ([12]).

Отсюда до Чиръ-Юрта считалось только 18 верстъ; но такъ какъ черезъ Сулакъ моста не было, то пришлось дѣлать обходное движеніе на Казіюртъ и оттуда уже спуститься внизъ къ аулу Султанъ-Юрту. Верстахъ въ шести отъ него, на правомъ берегу рѣки, почти напротивъ Чиръ-Юртовской крѣпости, полкъ остановился въ густой эскадронной колоннѣ. Тихо проѣхалъ Круковскій по его рядамъ, и, показывая кру-

гомъ на безлюдную, обнаженную степь, поздравилъ всѣхъ съ новосельемъ.

Слѣзли, разбили коновязи; офицеры усѣлись молча надъ кручей, подъ которой шумѣлъ Сулакъ, и невольно задумались надъ тѣмъ, что ожидало ихъ въ будущемъ. А будущее пока не представляло имъ ничего утѣшительнаго (13).

Верстъ на сорокъ къ востоку отъ Чиръ-Юрта разостлалась унылая, однообразная Шамхальская равнина, съ разбросанными по ней солончаками, сливавшаяся на горизонтѣ съ синевою Каспійскаго моря. Казалось, что не будь притягательной силы земли, шаръ, пущенный по ней, такъ и докатился бы до Каспійскаго моря. Обширный горизонтъ, подобно морю, можетъ подкупить поэта своею безпредѣльностью; но здѣсь эта безпредѣльность казалась мертвой и нѣмою: она не представляла собою ландшафта. Это было только полотно, грунтъ для картины; а самая картина должна была создаться еще въ далекомъ будущемъ руками человѣка.

Къ юго-востоку вся эта степь окаймлялась высокою грядою горъ, разорванною только въ двухъ мѣстахъ глубокими ущельями, изъ которыхъ одно вело въ Темиръ-Ханъ-Шуру, другое—въ Петровскъ. Съ юго-запада, изъ-за лѣваго берега Сулака, на Чиръ-Юртъ смотрѣли, покрытыя лѣсомъ, отлогости гористаго Ауха. На югѣ передъ нимъ открывалась нѣсколько мрачная, но грандіозная панорама Андійскихъ и Хубарскихъ высотъ, съ косматымъ Хутумбашемъ въ авангардѣ.

На обнаженномъ гребнѣ Андійскаго хребта постоянно отдыхали облака, или же онъ кутался въ туманы, не расходившіеся по нѣсколько дней. Вправо отъ Хутумбаша лежала Салатавія, и въ ранніе часы утра, при совершенно прозрачной атмосферѣ, можно было видѣть казармы, стѣны и башни Евгеніевскаго укрѣпленія, казавшіяся на такомъ разстояніи игрушечными домиками. Таковы были окрестности Чиръ-Юрта. Мимо его фронта, обращеннаго къ Кумыкской плоскости, съ шумомъ проносились къ морю мутныя воды Сулака. Если въ стратегическомъ, санитарномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ Чиръ-Юртъ по справедливости могъ считаться одною изъ лучшихъ штабъ-квартиръ на Кавказѣ, за то трудно представить себѣ болѣе унылую и безотрадную картину, нежели его окрестности.

Какъ развивалась на этомъ негостепріимномъ берегу Сулака полковая жизнь Нижегородцевъ, когда подобно мореплавателямъ, выброшен-

нымъ на необитаемый островъ, они очутились посреди непривѣтливой степи, не имѣя при себѣ даже необходимаго количества жизненныхъ припасовъ, которыхъ нельзя было достать и у окрестныхъ жителей, — объ этомъ скажемъ послѣ. А теперь бросимъ бѣглый взглядъ на стратегическое значеніе Чиръ-Юрта и на топографическія условія, которыми обставленъ былъ этотъ важный пунктъ, такъ какъ между этими условіями и всякаго рода военными происшествіями и тревогами всегда существовала тѣсная зависимость.

Начнемъ съ топографіи.

Климатъ Чиръ-Юрта нельзя было назвать ни морскимъ, ни строго континентальнымъ. Послѣ мягкой, почти безснѣжной зимы наступала перемѣнчивая весна: иногда въ февралѣ мѣсяцѣ съ Міатлинской переправы, куда посылались разъѣзды, офицеры возвращались съ огромными букетами пестрыхъ тюльпановъ; иногда въ томъ же мѣсяцѣ сильный сѣверо-западный вѣтеръ наносилъ на Шамхальскую равнину снѣгъ, который, падая, тотчасъ же таялъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ на голой степи появлялись первые признаки зелени: изъ молодой травки выскакивали кое-гдѣ блѣдно-лиловые подснѣжники; въ небольшихъ углубленіяхъ и овражкахъ при легкомъ вѣтеркѣ качались огненныя чашечки полевого мака, а между ними торчали на своихъ прямыхъ стебелькахъ пушистыя головки одуванчиковъ.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля все кругомъ выгорало. Облака, медленно двигаясь по краямъ горизонта, сторонились отъ Шамхальской равнины, и она рѣдко освѣжалась дождями. Степь принимала унылый, безжизненный видъ; даже кусты по берегамъ рѣкъ, несмотря на близость воды, блекли и увядали. Не богата была флора окрестностей Чиръ-Юрта. Еще бѣднѣе была ихъ фауна. Единственными представителями жизни только и служили въ нихъ что черные полевые сверчки, наводившіе тоску своимъ жалобнымъ, однообразнымъ трещаніемъ, да маленькіе сѣрые кузнечики, скакавшіе съ легкимъ маталлическимъ шелестомъ по обожженной травѣ.

Послѣ печальной весны наступало далеко не радостное лѣто. Съ первыхъ чиселъ мая, когда природа повсюду дышетъ молодою жизнью, въ Чиръ-Юртѣ подымались бури, не прекращавшіяся почти до половины октября. Сплошными тучами песку и пыли, затмевавшими небо, съ утра до вечера заносило и безъ того неприглядную штабъ-квартиру. Даже

низенькіе, появившіеся впослѣдствіи, саманные домики плохо защищали офицеровъ отъ пыли. Она проникала во всѣ щели, густыми слоями ложилась на подоконники и на мебель, забивалась въ сундуки и вьючные чемоданы. Къ вечеру, передъ закатомъ солнца буря стихала, и только тогда изъ маленькихъ убогихъ келій выползали на свѣтъ Божій скучающіе обитатели Чиръ-Юрта; они сходились на площади, жаловались другъ другу на безысходную тоску, на пыль и на бури. И всѣ эти жалобы, повторяемыя изо дня въ день въ продолженіе лѣта, ничего не могли измѣнить въ программѣ, разъ на всегда установленной природой для этой обездоленной мѣстности: вѣтеръ все-таки дулъ, и пыль все-таки татуировала ихъ лица.

Въ тѣ часы, когда все живущее на землѣ предавалось сну, и только рѣка своимъ сердитымъ шумомъ нарушала торжественное молчаніе ночи, жителей Чиръ-Юрта подстерегали новыя испытанія. Изъ своихъ таинственныхъ засадъ, которыя днемъ напрасно бы вы стали отыскивать, выползали новые враги человѣка — ядовитыя фаланги, очень похожія на пауковъ, но не отличающіяся ихъ трудолюбіемъ, такъ какъ онѣ не ткутъ паутины. Огромное мохнатое туловище фаланги бываетъ иногда величиною въ дикую сливу; ея высокія ноги, длинныя и толстыя, какъ щупальцы, дѣлаютъ ее скорѣе страшною, нежели отвратительною. Она дѣйствительно страшна, какъ кошмаръ, потому что не только бѣгаетъ гораздо быстрѣе скорпіона, но еще дѣлаетъ большіе прыжки, отъ которыхъ уберечься трудно. Вы только что успѣли потушить свѣчу, какъ уже слышите тихое, но отчетливое царапанье чего-то тонкаго и остраго о шпалеры. Шпалеръ у васъ нѣтъ: эти звуки производитъ фаланга треніемъ своихъ роговыхъ челюстей одна о другую. Васъ обдаетъ холоднымъ потомъ. Гдѣ она—вы не знаете, и не рѣшаетесь протянуть руку за спичками, чтобы не прикоснуться пальцами къ мохнатому чудовищу. Правда, укушеніе фаланги не бываетъ смертельно, однако причиняетъ жгучую боль и долгое страданіе. Когда Нижегородцы пришли на Сулакъ, въ степи, никѣмъ не тревожимые, жили во множествѣ не однѣ фаланги, но скорпіоны и змѣи, гнѣздившіеся въ разсѣлинахъ камней и подъ обрывами. Почуявъ близость человѣка, змѣи перебрались на ту сторону рѣчки, скорпіоны также откочевали, удержавшись только въ развалинахъ стараго Чиръ-Юрта; но отвратительныя фаланги до послѣдней минуты не хотѣли покинуть излюбленныхъ мѣстъ и продолжали жить вмѣстѣ съ че-

ловѣкомъ. Отъ скуки офицеры, дѣлая опыты, не рѣдко сажали въ мѣдный тазъ фалангу вмѣстѣ съ скорпіономъ, и убѣждались, что бой, начинавшійся между ними, всегда оканчивался тѣмъ, что скорпіонъ былъ убиваемъ фалангою. Офицеры убѣдились также, что легенда о самоубійствѣ скорпіона, обложеннаго горячими угольями, не выдумка (14).

Такова была жизнь въ Чиръ-Юртѣ лѣтомъ. Съ конца сентября начинался отдыхъ; фаланги прятались въ норы и не показывались уже до весны. Отдыхало море, а съ нимъ отдыхали и люди. Вѣтеръ складывалъ свои крылья до будущаго лѣта. Атмосфера становилась прозрачной. Солнце грѣло, но не пекло; на берегу рѣки между кустами проступала опять свѣжая травка. Наступала та чудная погода, съ которой не сравнится даже весна самыхъ благословенныхъ губерній Россіи. Мертвая степь тогда оживала: начинался перелетъ птицъ, и стаи журавлей, дикихъ гусей и утокъ тянулись по поднебесью; въ прибрежныхъ кустахъ Сулака появлялись фазаны; въ степи цѣлыми табунами ходили дрофы...

Осень чуть замѣтно смѣнялась зимою; но и въ зимніе мѣсяцы не рѣдко случалось, что драгуны выѣзжали на тревоги въ однѣхъ только курткахъ. Круковскому нерѣдко ставили въ упрекъ неудачный выборъ мѣста подъ штабъ-квартиру, ссылаясь на бури, господствовавшія здѣсь въ продолженіе цѣлаго полугода. Но самымъ вѣскимъ доказательствомъ или опроверженіемъ въ подобныхъ спорахъ служатъ цифры, а цифры заболѣваній показываютъ, напротивъ, что ни одинъ населенный пунктъ въ цѣломъ краѣ не былъ обставленъ въ санитарномъ отношеніи лучше Чиръ-Юрта. Въ немъ не было даже лихорадокъ, которыя заносились развѣ съ оказіями изъ Кизляра, этого страшнаго злокачественнаго очага лихорадокъ. Чиръ-Юртъ, правда, не выходилъ цѣлое лѣто изъ-подъ густыхъ облаковъ пыли, но то была пыль безвредная, не зараженная, отъ которой не страдали даже глаза; она проносилась надъ пустыней и, никогда не задерживаясь, вѣчно смѣнялась новыми притоками. Море было вентиляторомъ Чиръ-Юрта, дѣйствовавшимъ безостановочно въ самые тяжелые мѣсяцы года, и Чиръ-Юртъ пользовался здоровьемъ, которому могли позавидовать всѣ штабъ-квартиры Кавказа.

Въ стратегическомъ отношеніи Чиръ-Юртъ прикрывалъ всю низменную полосу Сѣвернаго Дагестана и въ то же время наблюдалъ за Аухомъ и Салатавіей. Присутствіе драгунскаго полка мѣшало прорывамъ на Кумыкскую плоскость, и смѣлыя предпріятія Шамиля въ родѣ поголовнаго

выселенія надтеречныхъ чеченцевъ, или блокады Внезапной, какъ это было лѣтомъ 1846 года, должны были отойти въ область воспоминаній, и никогда больше не возобновлялись.

Все теченіе Сулака охранялось нѣсколькими укрѣпленіями и сторожевыми башнями, построенными въ разное время и по требованію различныхъ обстоятельствъ. Самое южное укрѣпленіе было Евгеніевское, находившееся еще въ горахъ и построенное во время салатавскаго похода 1841 года, на глазахъ Нижегородцевъ. На сѣверѣ укрѣпленная линія замыкалась Казіюртомъ. Пространство это раздѣлялось на два участка: горное теченіе Сулака до Хутомбашевской башни состояло въ вѣдѣніи коменданта Евгеніевской крѣпости, а пространство отъ Хутомбаша до Казіюрта, включительно подчинялось командиру Нижегородскаго полка, съ званіемъ котораго сопряжено было и званіе начальника Сулакской линіи. Въ его вѣдѣніи, кромѣ штабъ-квартиры, находились еще Чиръ-юртовская крѣпость и Казіюртовское укрѣпленіе, а впослѣдствіи, верстахъ въ семи отъ Чиръ-Юрта, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Сулакъ вырывается изъ горныхъ тѣснинъ на равнину, поставлена была еще сторожевая башня, названная, по имени брода, Міатлинскою.

Все это пространство, обращенное фронтомъ къ Кумыкскимъ владѣніямъ, составляло такъ называемую передовую линію. За нею была другая, внутренняя, охранявшая сообщенія Чиръ-Юрта съ Темиръ-Ханъ-Шурою. На этомъ пути, у самаго входа въ предгорья Сѣвернаго Дагестана, стоялъ аулъ Темиргой, съ редутомъ того же названія; далѣе находился постъ Кумтеръ-Кале, и, наконецъ, Канчугай. Это были укрѣпленныя станціи, занятыя небольшими гарнизонами, гдѣ останавливались оказіи и проходящія военныя команды.

Кому случалось проѣзжать по этой линіи, тотъ, конечно, не разъ останавливалъ вниманіе на каменномъ столбѣ у Темиргоя, весьма похожемъ на фигуру человѣка со сложенными на груди руками. Этотъ камень, быть можетъ, чей-нибудь надгробный памятникъ, окруженъ тѣсною цѣпью небольшихъ холмовъ, между которыми, во время дождей, образуется озеро. Но этотъ каменный памятникъ, и озеро, и холмы въ понятіяхъ мѣстныхъ жителей являются живыми существами, исторію которыхъ разскажетъ вамъ каждый мальчикъ, живущій въ присулакской долинѣ (15).

Въ старые годы жили на Сулакѣ два знаменитые князя Хассай и Тали-бекъ. У Хассая былъ сынъ Чирахъ, у Тали-бека — дочь, которую

звали Паху. Чирахъ и Паху были женихъ и невѣста. Уже приближался день свадьбы, когда во время одного изъ пиршествъ, братъ Чираха убилъ племянника Тали-бека, и въ свою очередь былъ убитъ родственникомъ послѣдняго. Между двумя старинными фамиліями легла такимъ образомъ кровь, и о свадьбѣ не могло быть помину. Чирахъ не захотѣлъ, однако, подчиниться суровымъ адатамъ родины, и похитилъ свою невѣсту силой. Но бѣглецы едва доскакали до Темиргоя, какъ были окружены погоней. Спасенія не было. Тогда Чирахъ обратился съ мольбою къ небу—и совершилось чудо: Паху превращена была въ каменный столбъ, Чирахъ—въ озеро, ласкавшееся у ногъ своей возлюбленной, а преслѣдователи—въ тѣ холмы, которые окружаютъ памятникъ.

Поѣзжайте далѣе—и у Кумтеръ-Кале вы встрѣтите еще одинъ любопытный феноменъ: въ равнинѣ, гдѣ нѣтъ ни одной песчинки, вдругъ поднимается песчаная гора, достигающая высоты до семисотъ метровъ. Никакія бури не въ силахъ разметать этотъ песокъ по равнинѣ, и гора, измѣняя форму, сохраняетъ свою высоту. Какъ все необыкновенное, поражающее умъ человѣка, и эта гора имѣетъ свою легенду, замѣчательную по присутствію въ ней богатырскаго эпоса.

Во время глубокой древности, на высокомъ берегу Сулака,—говоритъ это преданіе,—жила одна княжна, краше которой не было во всемъ Дагестанѣ. Замокъ ея стоялъ на скалѣ, а подъ нимъ, въ глубинѣ ущелья, съ бѣшенымъ шумомъ проносился Сулакъ. Капризной красавицѣ надоѣлъ этотъ вѣчный, однообразный ропотъ волнъ, и она объявила, что отдастъ свою руку тому, кто заставитъ Сулакъ измѣнить теченіе. Въ числѣ ея поклонниковъ были два богатыря, олицетворявшіе въ себѣ — одинъ физическую мощь, другой—культурный трудъ и заботы. Первый, не раздумывая долго, поѣхалъ въ Казанище и заказалъ Базалаю кинжалъ, который могъ рубить гранитныя скалы; другой отправился на берегъ Каспійскаго моря и сталъ собирать песокъ, чтобы искусственной запрудой повернуть Сулакъ на поля окрестныхъ жителей. Долго трудился послѣдній, пока не набралъ цѣлый мѣшокъ, и уже подходилъ съ своею тяжелою ношею къ замку, какъ вдругъ его поразило чудное зрѣлище: тамъ, гдѣ Сулакъ широкою лентой сверкалъ у подножія замка,—теперь не было ничего: тамъ лежало только сухое русло его, а сердитый гулъ волнъ доносился къ нему откуда-то издалека. Въ замкѣ гремѣла музыка, и шелъ свадебный пиръ. Богатырь опоздалъ; въ то время, какъ онъ хо-

дилъ по морскому берегу, его соперникъ однимъ взмахомъ кинжала разсѣкъ каменную гору, и Сулакъ ринулся черезъ узкое отверстіе на плоскость. Мечъ побѣдилъ трудолюбіе. Горе запоздавшаго богатыря было такъ велико, что онъ упалъ подъ своею ношей, и разсыпавшійся песокъ задавилъ его своею тяжестью. Съ тѣхъ поръ стоитъ эта гора, и люди называютъ ее Кумтеръ-Кале, т. е. песчаная крѣпость.

Таковы поэтическія легенды Чиръ-Юрта.

Развалины крѣпости Внезапной.

Обрывъ надъ Сулакомъ въ Чиръ-Юртѣ.

II.

Въ Чиръ-Юртѣ на новоселѣ.

(1846 г.).

Взрывъ Евгеніевскаго укрѣпленія.—Сборы противъ него непріятельскихъ партій.—Первая линейная служба драгунъ на Хутумбашѣ.—Прибытіе полковыхъ обозовъ.—Основаніе штабъ-квартиры.—Вопросы фуражный и строительный.—Чиръ-Юртъ въ окончательной отдѣлкѣ.—Постепенность работъ въ немъ.—Офицерскіе домики.—Старая и новая слободки.—Мѣры военной охраны.—Круковскій въ роли начальника передовой линіи.—Полковая жизнь: «Грузины» и «Русскіе».—Дуэль между Тутолминымъ и Яковлевымъ.—Сатира, озаглавленная «Чиръ-Юртскій монастырь».—Новый складъ полкового общества и постепенное сближеніе партій.

Переходъ отъ благословенной Кахетіи, съ ея прелестными ландшафтами, къ безбрежной и пустынной шамхальской равнинѣ, былъ для Нижегородскаго полка не особенно привлекателенъ; но воинственный

духъ его скоро нашелъ для себя пищу, и перспектива угрюмой Чечни съ ея разбойничьимъ населеніемъ, скалистый Дагестанъ съ его фанатиками мюридами, очень скоро примирили его съ новой обстановкой,— и старое дорогое пепелище было позабыто.

16-го іюля, въ тотъ самый моментъ, когда офицеры, усѣвшись надъ кручей, соображали, какъ имъ устроиться, и люди не успѣли еще разбить коновязей,—изъ Темиръ-Ханъ-Шуры прискакалъ уже нарочный съ предписаніемъ имѣть три эскадрона въ полной готовности къ выступленію по тревогѣ.

Въ Сѣверномъ Дагестанѣ, всего за пять дней до прихода Нижегородскаго полка, случилась катастрофа, которая могла имѣть весьма серьезныя послѣдствія для цѣлаго края. 11-го іюля въ пороховой погребъ Евгеніевскаго укрѣпленія ударила молнія, и взрывъ произвелъ страшное опустошеніе. Евгеніевское было почти разрушено: стѣны двухъ фасовъ его обращены въ груды мусора; другія хотя держались, но были потрясены въ основаніи такъ сильно, что каждую минуту угрожали паденіемъ; орудія сброшены были съ батарей, платформы уничтожены, артиллерійскіе снаряды и всѣ боевые запасы истреблены; изъ числа гарнизона одинъ офицеръ и четыре человѣка были убиты и тридцать три ранены (1).

Вѣсть о катастрофѣ съ быстротой телеграфа облетѣла горы, и два наиба: салатавскій, Шахмандоръ-хаджи, и гумбетовскій—Абакаръ-Дебиръ, задумали тотчасъ атаковать беззащитное укрѣпленіе. Къ счастію для насъ, горцы собирались долго, и прошло нѣсколько дней прежде, чѣмъ новый кавалерійскій лагерь, раскинувшійся на берегу Сулака, огласился зловѣщимъ сигналомъ «тревога». Это было на разсвѣтѣ 20-го іюля. Дали знать, что сотня шамхальской милиціи, высланная въ разъѣздъ къ Евгеніевскому укрѣпленію, была атакована сильною партіей, и едва ускакала въ Шуру, потерявъ больше 50 человѣкъ изрубленными. Присутствіе непріятеля въ виду Евгеніевскаго не подлежало, такимъ образомъ, сомнѣнію. Круковскій взялъ четыре эскадрона и, присоединивъ къ нимъ еще батальонъ пѣхоты съ двумя горными орудіями, поспѣшилъ на Хутумбашъ, чтобы прикрыть тылъ нашей крѣпости. Это была первая тревога, и первая линейная служба Нижегородцевъ. Положеніе дѣлъ казалось серьезнымъ. Къ слухамъ о намѣреніи атаковать Евгеніевское присоединились еще слухи о движеніи другой непріятельской партіи на

Ишкарты съ тѣмъ, чтобы напасть на недостроенную еще штабъ-квартиру Дагестанскаго пѣхотнаго полка.

24-го іюля съ Хутумбаша увидѣли огромныя массы горцевъ, спускавшіяся къ разоренному аулу Черкею. Оба наиба находились тутъ же; слѣдовательно, слухъ о намѣреніи ихъ прорваться въ двухъ пунктахъ черезъ западную оборонительную линію Сѣвернаго Дагестана распущенъ былъ только съ цѣлью заставить всѣхъ ожидать у себя нападеній и, такимъ образомъ, изолировать Евгеніевское. Цѣль эта была достигнута. На помощь къ укрѣпленію никто не явился, и оно, полуразрушенное, предоставлено было собственной защитѣ. Къ счастію, горцы все еще медлили, поджидая артиллеріи, которая гдѣ-то замѣшкалась въ горахъ, а между тѣмъ брустверъ и батареи въ укрѣпленіи были наскоро исправлены, снаряды подвезены,—и Евгеніевское уже было готово къ оборонѣ.

На долю маленькаго отряда, расположившагося на Хутумбашѣ, досталась пассивная роль; онъ могъ бы дѣйствовать только въ томъ случаѣ, если наибы, переправясь черезъ Сулакъ, вздумали бы атаковать укрѣпленіе съ тыла; но непріятель на это не рѣшился, зная, что на Хутумбашѣ стоитъ какая-то новая кавалерія, съ которой дагестанскіе народы еще не были знакомы. Атака поведена была только съ фронта. Подъ самый вечеръ наибы спустились съ черкеевскихъ высотъ и выставили свою батарею за Сулакомъ, какъ разъ противъ башни предмостнаго укрѣпленія. Съ Хутумбаша была видна вся картина начинающагося боя. Пять непріятельскихъ орудій открыли жестокій огонь по укрѣпленію; имъ отвѣчали со всѣхъ батарей Евгеніевскаго. Этого горцы никакъ не ожидали, и ихъ артиллерія, засыпанная гранатами и ядрами, должна была замолчать. На приступъ наибы не отважились, и только жители Черкея, которые никакъ не могли примириться съ мыслію, что старый, когда-то могущественный и вліятельный аулъ ихъ теперь лежитъ въ развалинахъ подъ выстрѣлами ненавистнаго укрѣпленія, хотѣли во что бы то ни стало овладѣть переправой. Съ безумной отвагой бросились они на предмостную башню, но, встрѣченные огнемъ изъ ея бойницъ, были отбиты съ огромнымъ урономъ. Непріятель ночевалъ на окрестныхъ высотахъ, верстахъ въ семи отъ переправы. Всю ночь, однако, шла перестрѣлка. Это непріятель препятствовалъ горнизону брать воду, и, зорко выслѣживая наши команды, каждый разъ осыпалъ ихъ пулями; множество ведеръ было разбито, нѣсколько человѣкъ ранено; но смѣль-

чаки все-таки набирали воду и, отстрѣливаясь какъ могли, доставляли ее въ крѣпость. Такъ прошла ночь, а съ первымъ проблескомъ утра толпы непріятеля потянулись назадъ, и скрылись въ Салатавіи (²).

Для драгунъ дѣло 24-го іюля было образцомъ того, что ожидало ихъ въ будущемъ на новомъ театрѣ войны. Черезъ два дня послѣ атаки Евгеніевскаго, на Хутумбашъ прибылъ самъ командующій войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, и убѣдившись, что въ лѣсистыхъ трущобахъ его могутъ скрываться значительныя партіи, приказалъ Круковскому оставить здѣсь дивизіонъ драгунъ, а между тѣмъ на обильныхъ хутумбашевскихъ лугахъ приступить немедленно къ заготовкѣ на зиму сѣна.

Таковы были первые шаги полка въ Дагестанѣ. Случай встрѣтиться съ непріятелемъ въ полѣ въ третій разъ ускользалъ отъ него въ продолженіе короткаго времени; но впереди были надежды—и онѣ не обманули драгунъ.

А Чиръ-Юртъ между тѣмъ начиналъ уже обстраиваться.

24-го іюля, въ тотъ самый день, когда Евгеніевское было атаковано горцами, на Сулакъ прибыли обозы Нижегородскаго полка вмѣстѣ съ 4-мъ дивизіономъ, отдѣлившіеся еще въ Амиръ-Аджи-Юртѣ. Движеніе этого эшелона по Тереку сопряжено было съ нескончаемыми затрудненіями, которыя на каждомъ шагу выростали передъ нимъ вслѣдствіе разлива рѣкъ и порчи дорогъ. Только 24-го іюля, подходя къ Чиръ-Юрту, глазамъ нашихъ драгунъ въ первый разъ представилась ихъ будущая стоянка, вся занесенная густыми облаками пыли, безпрестанно набѣгавшими со стороны Каспійскаго моря. Люди, пришедшіе изъ Россіи и привыкшіе къ просторнымъ квартирамъ южныхъ губерній, не хотѣли вѣрить, чтобы эта голая, безжизненная степь, наполненная только міріадами кузнечиковъ, могла быть отведена подъ штабъ-квартиру полка, Однако пришлось въ этомъ увѣриться, когда, переправившись черезъ Сулакъ, они увидѣли палатки остальныхъ восьми эскадроновъ.

Круковскому въ то время заботъ было не мало. На первой очереди стояло устройство продовольственной и фуражной части полка,—вопросъ, тревожившій даже самого главнокомандующаго. Расчеты на обильное сѣнокошеніе, долженствовавшее значительно сократить расходы казны по фуражному довольствію,—исчезли. Весною была засуха, потомъ случилось наводненіе, и то, что было пощажено солнцемъ, окончательно истреблено и смыто водою. Еще въ то время, когда Нижегородскій полкъ

формировался въ Екатериноградѣ, Сулакъ вышелъ изъ своихъ береговъ и затопилъ всѣ поемные луга, принадлежавшіе войскамъ и жителямъ. Болѣе шестисотъ тысячъ пудовъ сѣна, сложеннаго въ скирды, погибло, а луга, на которыхъ они стояли, до того затянуло иломъ, что не представлялось возможности косить на нихъ и послѣ убыли воды. Убытки казнѣ предстояли громадные. Князь Бебутовъ распорядился было косить на хутумбашевскихъ высотахъ; но сборъ непріятельскихъ партій и нападеніе на Евгеніевское не дали возможности приступить къ сѣнокоснымъ работамъ во-время, а между тѣмъ трава успѣла выгорѣть, и драгуны едва собрали двѣ-три тысячи пудовъ. Перевозить такое ничтожное количество за десятки верстъ, конечно, не стоило; распорядились кормить имъ тѣ эскадроны, которые по-очередно ходили на Хутумбашъ, а между тѣмъ, чтобы не оставить кавалерію на зиму совсѣмъ безъ сѣна, законтрактовали въ шамхальствѣ нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ по 39 коп. Пропорціи этой было, однако, далеко не достаточно, и кавалеріи пришлось бы пережить довольно серьезный кризисъ, если бы на выручку не явился владѣтель присулакской долины князь Селимъ Казаналиповъ, предложившій отдать Нижегородскому полку все количество сѣна, которое только можно было собрать на его затопленныхъ лугахъ, съ платой по одной копѣйкѣ за пудъ [3].

Такимъ образомъ фуражный вопросъ былъ наконецъ разрѣшенъ. Начался вопросъ строительный. Имъ нужно было заняться также какъ можно скорѣе, иначе людямъ пришлось бы встрѣтить зиму въ холодныхъ палаткахъ. Изъ Тифлиса съ этою цѣлью командированъ былъ инженеръ-подполковникъ Кесслеръ, впослѣдствіи одинъ изъ выдающихся кавказскихъ дѣятелей. Онъ разсчиталъ, что постройка штабъ-квартиры, которая получила уже офиціальное названіе: «Укрѣпленной штабъ-квартиры Нижегородскаго драгунскаго полка при Чиръ-Юртѣ», можетъ быть произведена въ два года, но что сумма, отпущенная на это, 15 тысячъ рублей, совершенно недостаточна. Круковскій также присоединился къ его мнѣнію. Оба они встрѣтили суровый отказъ со стороны генералъ-интенданта, но Круковскій не затруднился указать ему источникъ, изъ котораго могла быть ассигнована значительная сумма. «Въ Кавказскомъ интендантствѣ,—писалъ онъ:—съ давнихъ поръ хранится экономическій капиталъ, свыше девяноста тысячъ, составленный сбереженіями бывшаго командира Нижегородскаго полка генералъ-маіора Раевскаго; капиталъ этотъ при-

надлежитъ полку, и я считаю законнымъ и справедливымъ потребовать часть его въ настоящее время именно на нужды полка. Для найма вольныхъ мастеровыхъ и рабочихъ, на покупку воловъ съ повозками, на инструменты, матеріалы и разныя принадлежности къ зданіямъ, потребуется 23 тысячи, и безъ этой суммы водвореніе полка въ Чиръ-Юртѣ, сбереженіе людей, лошадей, аммуниціи и оружія не будетъ обезпечено»... «Я бы готовъ былъ», писалъ онъ далѣе, «пожертвовать на это всю свою собственность, но живя изъ одного жалованья и совершенно лишенный доходовъ отъ полка, не только не могу покрыть значительныхъ издержекъ, потребныхъ на устройство штабъ-квартиры, но даже затрудняюсь и въ собственномъ содержаніи» (4).

Настойчивость Круковскаго увѣнчалась успѣхомъ; полку отпущены были 23 тысячи, и съ помощію этого капитала на высокомъ берегу Сулака возникъ цѣлый городокъ съ двумя слободками, съ садами и огородами. Слободки помѣщались внизу. Низменная береговая полоса—настоящая долина рѣки, отличалась плодородіемъ, и не прошло двухъ лѣтъ какъ уже передъ нѣкоторыми домами появились тѣнистые садики, преимущественно сирень и акаціи. Это много измѣнило характеръ пустыннаго ландшафта къ лучшему; но за то вверху, въ такъ называемомъ укрѣпленномъ лагерѣ, съ тѣхъ поръ какъ стали тамъ выростать длинныя, небывалой архитектуры, неуклюжія строенія, крытыя темно-бурою щетиной камыша, къ унылому виду мѣстности присоединилось еще и безобразіе. Поэзія пустыни была нарушена.

Штабъ-квартира полка имѣла видъ обширнаго четырехугольника, три стороны котораго составляли вытянутыя въ линію конюшни и казармы, а четвертая защищалась отвѣснымъ обрывомъ. Между казармами оставлены были промежутки, замыкавшіеся на ночь рогатками. Это-то и былъ укрѣпленный лагерь. Ни рва вокругъ него, ни башенъ, ни одного даже орудія. Его охраняла репутація полка. Съ внутренней стороны площадь обступали офицерскіе домики, маленькіе, сѣренькіе, тускло освѣщенные вѣчно запыленными окнами. Домъ полкового командира стоялъ особнякомъ на западномъ фасѣ и смотрѣлъ всѣми своими окнами на Кумыкскую плоскость. Архитектурою своей онъ нѣсколько напоминалъ станичныя и волостныя правленія, но только казался еще первобытнѣе. Полковая церковь отличалась отъ остальныхъ построекъ лишь крестомъ наверху. Мастерскихъ и даже людского лазарета не было вовсе; они

помѣщались за Сулакомъ въ Чиръ-Юртовской крѣпости, а конный лазаретъ и инвалидная рота расположились въ Султанъ-Юртѣ.

Таковъ былъ Чиръ-Юртъ въ окончательной отдѣлкѣ; но въ 1846 г. это былъ еще обыкновенный лагерь, въ которомъ жизнь кипѣла необычайною дѣятельностью. Полкъ только что начиналъ обстраиваться. Съ ранняго утра барабаны били «по возамъ», и по этому бою на плацу собирались офицерскія повозки, телѣги, фуры,—и все это, подъ прикрытіемъ пѣшихъ драгунъ, отправлялось въ ближайшій султанъ-юртовскій лѣсъ за бревнами и хворостомъ. Между тѣмъ подъ горой, въ вырытыхъ ямахъ, мѣсился и приготовлялся саманный кирпичь, изъ котораго строились казармы и конюшни. На крыши подвозился камышъ, и изъ него вязались щиты, придававшіе строеніямъ оригинальный видъ, особенно послѣ того, какъ ихъ растрепывало бурею. Оригинально также смотрѣли высокія дымовыя трубы, казавшіяся ночью часовыми, разставленными по крышамъ. Работы подвигались быстро. Въ помощь драгунамъ, обратившимся силою обстоятельствъ въ каменщиковъ, плотниковъ, печниковъ и даже архитекторовъ, пришелъ изъ Шуры батальонъ пѣхоты, и рабочія руки удвоились. Разомъ, почти одновременно на всѣхъ фасахъ, стали выростать тѣ незатѣйливыя постройки, о которыхъ мы упомянули выше, а за ними появились и офицерскіе домики—тѣ же казармы, только въ миніатюрѣ. Едва ли найдется архитекторъ, который изъ турлука и глины построилъ бы что-нибудь элегантное. Многіе, однакоже, рады были и этимъ скромнымъ помѣщеніямъ, и не только рады, но еще и обстраивались въ нихъ съ особенною любовью (5).

Однажды—разсказываетъ одинъ современникъ:—въ палатку ко мнѣ вошелъ товарищъ съ крайне озабоченнымъ видомъ. «Что, батюшка, стройка разорила», заговорилъ онъ:—«ошибся въ размѣрѣ дома, и для одного онъ вышелъ великъ, притомъ дорогъ: одного турлуку пошло на 10 рублей».—А что же весь-то домъ стоитъ? «Да около 25 рублей».—Знаете что? Не продадите ли вы мнѣ половину его въ вѣчное и потомственное владѣніе?

Мы тутъ же покончили дѣло, и за 12 рублей 50 коп. я сдѣлался обладателемъ цѣлой половины дома. Домъ былъ турлучный, т. е. изъ хвороста, густо обмазанный глиной, и чисто выбѣленный внутри и снаружи. Дверь съ улицы вела въ крошечныя сѣни, изъ которыхъ налѣво былъ входъ въ кухню, а направо въ комнату съ большимъ итальянскимъ окномъ. Правая половина комнаты и досталась въ мое обладаніе, вмѣстѣ

съ правою половиной итальянскаго окна, передъ которымъ стоялъ довольно длинный письменный столъ. Прочіе офицерскіе домики были того же характера, и отличались другъ отъ друга только бо́льшимъ или меньшимъ размѣромъ (6).

Недостаточные офицеры и вовсе не хотѣли расходоваться на стройку. Герои 8-го ноября, Сарычевъ и Крупскій, предпочли остаться въ землянкѣ. Примѣру ихъ никто не послѣдовалъ, однакоже всѣ имъ завидовали. Пыль и песокъ проносились надъ ними, не касаясь ихъ мебели, не заглядывая въ ихъ чемоданы, чего нельзя сказать про домики, гдѣ каждая вещь была покрыта толстымъ слоемъ пыли и песку. Капитанъ Перовскій жилъ просто въ камышевомъ балаганѣ, который, несмотря на предсказанія товарищей и къ великому ихъ удивленію, пережилъ всѣ невзгоды бурнаго лѣта, и только весною 47 года былъ снесенъ по приказанію полкового командира, такъ какъ портилъ общій видъ штабъ-квартиры. Нельзя не сказать, однако, что и сама штабъ-квартира портила общій видъ пустыннаго, но все же не лишеннаго поэзіи ландшафта, среди котораго была выстроена. Черезъ два-три мѣсяца, благодаря неусыпному надзору Круковскаго, она была докончена, и въ общихъ чертахъ приняла ту физіономію, которая сохранилась за ней на многіе годы.

Къ этому же времени, стараніями женатыхъ нижнихъ чиновъ, выросла и нижняя слободка, обстроившаяся довольно опрятными и чистыми домиками, которые охотно сдавались внаймы офицерамъ. Тутъ же помѣщался и духанъ, единственное общественно-увеселительное заведеніе въ Чиръ-Юртѣ. Жить въ слободкѣ было гораздо привольнѣе, нежели въ штабъ-квартирѣ; по крайней мѣрѣ тамъ была зелень, были сады, а широкія улицы и присутствіе на нихъ бабъ и дѣтей напоминали село, деревню, станицу, — все что угодно, тогда какъ урочище пахло обширною военною казармою. Что же касается до другой слободки, гдѣ предполагалось помѣстить всѣ полковыя хозяйственныя заведенія, то ей положено было въ то время только основаніе, если можно назвать основаніемъ маленькій домикъ о трехъ комнатахъ, стоявшій совершеннымъ особнякомъ почти въ полуверстѣ отъ штабъ-квартиры. Мѣсто было глухое и опасное, но тѣмъ не менѣе домикъ этотъ тотчасъ же заняли два молодые офицера и два юнкера. Узнавъ объ этомъ, Круковскій потребовалъ къ себѣ капитана Яневича, назначеннаго воинскимъ начальникомъ Чиръ-

Нижегородскій пикинеръ

Юрта, и далъ приказаніе, чтобы домикъ очищенъ былъ немедленно. Юные жильцы не сдались, однако, на это предложеніе, и на слѣдующее утро отправили къ командиру полка въ качествѣ парламентера одного изъ своихъ товарищей. Ординарецъ ввелъ его въ небольшую горницу, гдѣ прямо противъ входныхъ дверей, за письменнымъ столомъ сидѣлъ Круковскій. При входѣ офицера онъ медленно снялъ съ головы большую черную папаху, которую всегда носилъ въ комнатѣ, и, кивнувъ слегка въ видѣ привѣтствія, приподнялся съ кресла.

— Почему вы не исполнили моего приказанія? спросилъ онъ, сурово сдвинувъ свои густыя брови.

— Феликсъ Антоновичъ! заговорилъ юный прапорщикъ,—войдите въ наше положеніе...

— Если бы я не входилъ въ ваше положеніе, перебилъ его Круковскій,—я бы предоставилъ вамъ селиться, гдѣ угодно. Именно потому, что вхожу въ ваше положеніе, я и требую, чтобы вы сегодня же перебрались въ другое мѣсто.

— Куда же мы дѣнемся, Феликсъ Антоновичъ? Въ слободкѣ всего шесть квартиръ, и всѣ онѣ заняты; въ штабѣ ни одного свободнаго уголка нѣтъ, даже балаганъ занятъ, а въ палаткахъ холодно.

Круковскій задумался. — Понимаете ли вы, сказалъ онъ наконецъ, уже значительно смягчившись:—васъ могутъ вырѣзать ночью, и никто не подастъ вамъ помощи. Каково будетъ узнать объ этомъ мнѣ, вашему полковому командиру и начальнику Сулакской линіи.

— Объ этомъ не безпокойтесь, Феликсъ Станиславичъ, горячо заговорилъ юноша:—мы приняли всѣ мѣры осторожности, мы знаемъ, что тамъ опасно.

— Какія же это мѣры? полюбопытствовалъ Круковскій.

— Во-первыхъ, у насъ двѣ очень злыя собаки, которыя даже днемъ никому не даютъ прохода, и четыре ружья, постоянно заряженныя. Если Сарычевъ и Крупскій вдвоемъ отбились отъ восьми татаръ, то мы вчетверомъ выдержимъ какую угодно осаду; во-вторыхъ, какъ только темнѣетъ, мы запираемся, и въ третьихъ, у насъ каждую ночь отдается свой, особый отъ полка, «отзывъ», безъ котораго мы никого къ себѣ не пускаемъ.

Слово «отзывъ» вызвало на угрюмомъ лицѣ Круковскаго улыбку.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ,—оставайтесь, только дайте мнѣ слово

отъ вечерней до утренней зари никуда не отлучаться: на это время вы арестовываетесь.

Парламентеръ далъ слово. Полковникъ надѣлъ папаху, и аудіенція окончилась.

Съ этого дня патрулямъ вмѣнялось въ обязанность непремѣнно два раза въ ночь навѣдываться «въ Новую Слободку». Опасенія осторожнаго начальника Сулакской линіи, къ счастію, не оправдались; уединенный домикъ, носившій названіе «Слободки», простоялъ благополучно до тѣхъ поръ, пока на томъ мѣстѣ не выросла уже настоящая слободка, обнесенная брустверомъ, и имѣвшая двое воротъ, которыя день и ночь охранялись карауломъ (7).

Горцы съ самаго начала стали бояться праваго берега Сулака, гдѣ мѣры къ охранѣ приняты были серьезныя, особенно послѣ того, какъ верстахъ въ семи отъ Чиръ-Юрта, надъ самымъ Міатлинскимъ бродомъ выросла вдругъ одинокая сторожевая башня. Выложенная въ два яруса изъ тесанаго камня, она была снабжена орудіями и самымъ миніатюрнымъ гарнизономъ, отъ пѣхоты, которая стоитъ поближе. Можно себѣ представить тоскливую жизнь этой команды, если сказать, что отъ смѣны до смѣны, т. е. въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ къ ряду, она находилась замкнутою въ четырехъ стѣнахъ, гдѣ даже окна и двери всегда бывали наглухо заперты. Подчасъ только гремѣли оттуда пушечные выстрѣлы, обозначавшіе различные условные сигналы, которыми башня разговаривала съ крѣпостью и урочищемъ. И Нижегородцы пріучились хорошо понимать языкъ ея. По гулу пушечныхъ выстрѣловъ они безошибочно опредѣляли, большая ли партія, или малая шайка переходила границу, или, наконецъ, нападали на самую башню, и надо было итти спасать гарнизонъ, который по своей малочисленности находился въ вѣчной опасности. Кромѣ того, въ самомъ Чиръ-Юртѣ ежедневно наряжался дежурный эскадронъ, въ которомъ лошади были осѣдланы, а люди находились при оружіи. Конные разъѣзды посылались днемъ къ Міатлинской переправѣ и къ Хутумбашу, а ночью, то и дѣло, сновали въ окрестностяхъ штабъ-квартиры, которая, сверхъ того, окружалась цѣпью часовыхъ и секретами. Вотъ почему первымъ обитателямъ Новой Слободки не только не пришлось ни разу разрядить своихъ ружей, но даже ихъ собакамъ не приходилось своимъ лаемъ нарушать царствовавшую кругомъ тишину. Жить въ такой замкнутости, на которую обрекли

себя піонеры Новой Слободки, конечно, было тяжело; но не въ такой же ли замкнутости проходила и жизнь самого Чиръ-Юрта, окруженнаго со всѣхъ сторонъ опасностями. Нельзя было сказать, что непріятель здѣсь или тамъ,—онъ былъ вездѣ; чаща лѣса, оврагъ, балка—все представляло собою непріятеля. Круковскій понималъ это, и въ роли начальника передовой кордонной линіи былъ незамѣнимъ. Въ первые два года онъ даже не раздѣвался по ночамъ, и лошадь его всегда стояла осѣдланною.

За то при первомъ звукѣ трубы, прежде чѣмъ дежурный эскадронъ выводилъ лошадей изъ конюшни, онъ уже появлялся на площади, и его живописная фигура на бѣломъ конѣ выступала изъ темнаго фона ночи, какъ привидѣніе въ старинныхъ нормандскихъ балладахъ.

Тревоги въ первое время происходили часто. Круковскій пользовался ими, чтобы пріучать драгунъ къ кордонной службѣ, и самъ всегда выѣзжалъ съ дежурнымъ эскадрономъ. Тревоги эти обыкновенно не кончались ничѣмъ; но онѣ поддерживали бодрость духа и служили не малымъ развлеченіемъ въ монотонной чиръ-юртовской жизни. Старые офицеры еще скоро вошли въ обычную колею и примѣнились къ окружающей ихъ обстановкѣ; но не такъ легко было привыкать къ ней офицерамъ, пришедшимъ изъ лагословенныхъ уголковъ Воронежской и Курской губерній. Было одно условіе, которое Круковскій, кажется, дѣйствительно не принялъ въ соображеніе при выборѣ полковой штабъ-квартиры, это—полное отсутствіе комфорта и общественной жизни; но въ глазахъ боевого кавказскаго штабъ-офицера, бодрствовавшаго днемъ и чутко проводившаго ночи, комфортъ долженъ былъ казаться раскошью, едва ли извинительною на передовой линіи, а общество могло и должно было замѣниться дружною полковою семьею. Къ сожалѣнію, дѣло объединенія этого общества въ Нижегородскомъ полку пока подвигалось туго. Его можно было сравнить съ двумя рѣками, которыя хотя и слились въ одну, но продолжали еще сохранять каждая свой цвѣтъ и свои свойства. Офицеры четырехъ дополнительныхъ эскадроновъ на все смотрѣли своими глазами, и надо было предоставить времени и обстоятельствамъ заботы о ихъ перевоспитаніи. Главное различіе—меньшая боевая подготовка и опытность еще не могли служить достаточнымъ препятствіемъ къ сближенію, и антагонизмъ порождало не это, а самый складъ внутренней жизни, при которомъ столкновенія обѣихъ сторонъ были неизбѣжны. И, дѣйствительно, уже первые мѣсяцы пребыванія полка въ Чиръ-Юртѣ

ознаменовались дуэлью, имѣвшею роковой исходъ для одного изъ противниковъ. Стрѣлялись поручикъ Тутолминъ, коренной Нижегородецъ, и штабсъ-капитанъ Яковлевъ, переведенный въ дополнительные эскадроны изъ Финляндскаго полка. Послѣдній получилъ смертельную рану и умеръ черезъ два часа послѣ дуэли.

Круковскій не донесъ о поединкѣ; онъ написалъ намѣстнику, что Яковлевъ убитъ во время охоты хищникомъ, скрывавшимся на берегу Сулака, и винилъ въ оплошности только себя, какъ начальника Сулакской линіи. Воронцовъ зналъ, что это неправда; онъ слышалъ о дуэли, но не показывалъ и вида, что знаетъ о ней. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ надо было спасти честь или карьеру ближняго, князь съ неподражаемымъ добродушіемъ позволялъ обманывать себя. Кто-то, думая озадачить Круковскаго, спросилъ его въ присутствіи намѣстника: правда ли, что его офицеръ убитъ хищникомъ?

— Да, онъ убитъ хищникомъ, отвѣчалъ спокойно Круковскій: — онъ содержалъ свою старуху мать, и когда былъ убитъ, она лишилась послѣднихъ средствъ къ существованію: у нея похитилъ ихъ тотъ, кто убилъ ея сына; его-то я и назвалъ въ своемъ донесеніи хищникомъ.

Князь только одобрительно закивалъ головою.

Три года спустя послѣ того, какъ Круковскій сдалъ полкъ, когда и его самого уже не стало на свѣтѣ, офицеры узнали случайно, что онъ все время изъ собственнаго жалованья высылалъ матери убитаго то содержаніе, которое она получала отъ сына (8).

Страсть къ дуэлямъ, стремленіе разрѣшать на баррьерѣ всѣ возникавшія недоразумѣнія, стала входить въ такую моду, что вызвала со стороны одного офицера, Филимонова, стихотвореніе, не лишенное довольно ѣдкаго сарказма. Оно озаглавлено «Чиръ-Юртскій Монастырь».

Слыхали ль вы, что есть пустырь,
Его Чиръ-Юртомъ именуютъ,
И въ немъ недавно монастырь
Нижегородскій формируютъ.
Въ немъ настоятель жизнью строгъ,
Суровъ, какъ древнихъ грековъ богъ.
Межъ келій онъ угрюмо бродитъ,
И грусть на братію наводитъ.

Кто подойдетъ къ нему, что спроситъ,
Онъ, въ землю устремивъ глаза,
Едва лишь внятныя слова,
Какъ бы молитву, произноситъ.
Сказалъ — и въ келію свою
Онъ путь угрюмо направляетъ,
И только искоса взираетъ
На буйную свою семью.
Зато монахи-забіяки
За крестъ готовы хоть до драки.
И самъ Христосъ бы разобрать
Не могъ, кто правъ, кто виноватый
Средь этой братіи усатой...
И часто ядъ, пожаръ, кинжалъ
Споръ межъ святыхъ отцовъ рѣшалъ;
И часто инокъ пропадалъ:
Куда?—никто не узналъ.
И только черезъ годъ иль два
Его лишь остовъ находили,
И безъ обряда и креста
Его украдкой хоронили.

Далѣе онъ говоритъ, что бывъ свидѣтелемъ постоянныхъ распрей, оканчивавшихся поединками, онъ, опасаясь за собственную жизнь, уѣхалъ въ Россію, а черезъ нѣсколько лѣтъ, когда любопытство завлекло его снова въ Чиръ-Юртъ,—онъ уже не нашелъ бывшей своей штабъ-квартиры: Чиръ-Юртъ превратился въ обширное кладбище, и надписи на могильныхъ крестахъ свидѣтельствовали, что всѣ погибли на дуэляхъ.

Круковскій прекрасно понималъ подобное состояніе общества. Онъ зналъ, что скука и праздность—плохіе совѣтчики, и съ истинно отеческою заботливостью и даже съ нѣкоторымъ безпокойствомъ слѣдилъ за образомъ жизни своихъ офицеровъ. Праздность ихъ пугала его. Самъ онъ никогда не скучалъ, но онъ боялся за своихъ офицеровъ, между которыми были молодыя, даровитыя, много обѣщавшія личности. Ихъ всего скорѣе скука могла бросить на тотъ опасный путь, на которомъ погибали иногда люди даже съ прочно установившимися правилами. И онъ съ своей стороны прилагалъ всѣ мѣры, чтобы дать офицерамъ хотя какую-нибудь дѣятельность, доставить имъ по возможности хоть нѣкото-

рыя удобства и даже развлеченія, какія можно было найти подъ рукою. Его называли игуменомъ; но его вѣрнѣе можно бы было сравнить съ капитаномъ корабля, который онъ велъ по бурнымъ волнамъ опытной и твердою рукою. Ему никто не могъ отказать въ уваженіи, и не видѣть въ немъ примѣра достойнаго для подражанія. Въ полку многіе и старались подражать его образу жизни,—найти для себя хотя какое-нибудь дѣло, чтобы не быть празднымъ. Но для сближенія партій этого было еще недостаточно; нужно было найти такую нейтральную почву, на которой безобидно могли бы сходиться люди самыхъ противоположныхъ воззрѣній и мнѣній. Жизнь складывается изъ такого множества мелкихъ обыденныхъ явленій, до того ничтожныхъ на первый взглядъ, что имъ обыкновенно не придаютъ никакого значенія, тогда какъ эти-то мелкія причины въ своей сложности и приводятъ къ тѣмъ крупнымъ результатамъ, которыми въ общемъ характеризуются духъ и направленіе цѣлаго общества. Такія-то мелкія причины повели и въ Нижегородскомъ полку къ уничтоженію зарождавшагося въ немъ антагонизма и духа партійнаго раздора. Изъ числа офицеровъ, прибывшихъ съ новыми эскадронами, особенно выдавались своею общительностью командиръ пикинернаго дивизіона маіоръ Тихоцкій, и командиры 7 и 9-го эскадроновъ капитаны Золотухинъ и Шульцъ; они же первые и подали примѣръ къ сближенію общества. Тихоцкій любилъ шахматы, и между офицерами старыхъ эскадроновъ нашлись для него партнеры; у Золотухина было два ломберныхъ стола, за которые садились и свои и чужіе; Шульцъ потерялъ на Кавказѣ родного брата, убитаго подъ Унцукулемь въ 1843 г., и это обстоятельство также послужило поводомъ къ сближенію между нимъ и двумя-тремя офицерами грузинскихъ эскадроновъ, знавшихъ его брата; штабсъ-капитанъ Петровъ собралъ возлѣ себя небольшой литературный кружокъ, въ которомъ одинаково сходились и «грузины» и «русскіе». Въ Нижегородскомъ полку было много людей даровитыхъ, прекрасно образованныхъ и съ поэтическими наклонностями. Петровъ занимался переводами Байрона, Филимоновъ писалъ недурныя сатиры, молодой офицеръ Ключаревъ издалъ даже сборникъ своихъ стихотвореній, имѣвшій успѣхъ въ обществѣ и замѣченный литературною критикой. Починъ, такимъ образомъ, былъ сдѣланъ; общество, дѣлившееся до сихъ поръ на два лагеря, съ каждымъ днемъ, незамѣтно само для себя начинало сходиться все ближе и тѣснѣе (9). Кому-то пришла даже счастливая

идея устроить домашніе спектакли. За эту мысль ухватились всѣ. Круковскій также принялъ ее сочувственно и обѣщалъ свое содѣйствіе. Но прежде нежели мысль эта осуществилась, много разъ всходило и заходило солнце надъ скучающимъ населеніемъ Чиръ-Юрта; а судьба тѣмъ временемъ позаботилась сама доставить ему развлеченіе, которое долго занимало всѣ умы, даже и послѣ того, какъ общество свыклось уже съ своимъ положеніемъ.

Команда за водой изъ Евгеніевскаго.

Аулъ Кутиши.

III.

Драгуны въ Кутишинскомъ бою.

(1846 г.).

Тревожная осень 1846 года на Сулакѣ.—Вторженіе Шамиля въ Даргинскій округъ.—Приготовленія Нижегородцевъ къ походу.—Спѣшное выступленіе четырехъ эскадроновъ въ Шуру.—Аймякинскій штурмъ.—Движеніе къ Кутишамъ.—Драгуны верхами врываются въ аулъ, защищаемый Шамилемъ.—Бой спѣшенныхъ драгунъ въ улицахъ.—Отдѣльные эпизоды и подвиги.—Заключительный актъ Кутишинскаго боя.—пораженіе 4-мъ дивизіономъ Хаджи-Мурата.—Потери Нижегородцевъ и ихъ трофеи.—Торжественная встрѣча драгунъ въ Шурѣ и Чиръ-Юртѣ.—Отзывы о драгунахъ князя Воронцова.—Резолюція императора Николая.—Приказъ по драгунскому корпусу.—Прискорбный эпизодъ въ полку—подполковникъ Обуховъ и штабсъ-капитанъ Мочабѣли.—Награды за Кутишинское дѣло.—Устройство въ Чиръ-Юртѣ постояннаго моста.—Тревоги 1 и 29-го ноября.—Уничтоженіе Зубутской переправы.—Отважный набѣгъ Хаджи-Мурата на Дженгутай и похищеніе Мехтулинской ханши.—Тревога, вызванная этимъ событіемъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ.—Святки въ Чиръ-Юртѣ.

Осенью 1846 года съ горъ повѣяло оживленіемъ. Въ воздухѣ пронеслось нѣчто хорошо знакомое старымъ эскадронамъ, и полное заманчивыхъ надеждъ для новыхъ. Байрамъ, которымъ заканчивался великій мусульманскій постъ, собралъ въ резиденцію Шамиля всѣхъ его спо-

движниковъ. Съѣздъ этотъ былъ условленъ заранѣе, еще до начала поста. Какіе новые планы строилъ Шамиль—для всѣхъ оставалось тайной; но было извѣстно, что едва наибы разъѣхались, какъ повсюду въ горахъ начались приготовленія къ походу. 17-го сентября лазутчики впервые дали знать, что горцы предполагаютъ сдѣлать нападеніе на пограничные пункты шамхальскихъ владѣній, и что линія прорыва намѣчена весьма значительная—отъ Гимръ до самаго Костека включительно. Всѣ мирные аулы охватила паника. Стоявшіе на Хутумбашѣ эскадроны немедленно были отозваны въ свою штабъ-квартиру, а на смѣну ихъ къ маленькому наблюдательному отряду прибыли изъ Темиръ-Ханъ-Шуры донскіе казаки (1).

Такъ прошло нѣсколько дней, какъ вдругъ скачутъ лазутчики съ новыми вѣстями на смѣну прежнихъ: планъ вторженія въ шамхальскія владѣнія оставленъ; его, можетъ быть, никогда и не было, а слухами о немъ только маскировались настоящія намѣренія Шамиля отторгнуть отъ насъ Акушинское общество. Дѣйствительно, какъ бы въ подтвержденіе послѣдняго извѣстія, подъ стѣнами Гергебиля, на опасномъ разстояніи отъ южныхъ границъ Мехтулы, появилась сильная непріятельская конница. Это шелъ авангардъ, подъ предводительствомъ Хаджи-Мурата, а за нимъ двигались и главныя силы имама.

Большой укрѣпленный аулъ Цудахаръ, стоявшій у входа въ Даргинское общество, не могъ сопротивляться долго такимъ значительнымъ силамъ, и первый палъ подъ ударомъ Шамиля. Акушинцы намъ измѣнили. Тревога поднялась во всемъ Сѣверномъ Дагестанѣ, и къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ двинуты были всѣ подвижные резервы, какіе только находились въ распоряженіи Бебутова. Отозванъ былъ даже наблюдательный отрядъ съ Хутумбаша. Нижегородскій полкъ встрепенулся; всѣ начали готовиться къ походу, не зная еще какое число эскадроновъ потребуется въ дѣло. Офицеры, прибывшіе изъ Россіи, спѣшили обзаводиться кавказскими вьюками *), большими сапогами, бурками, башлыками и легкими

*) Кавказскіе вьюки—это одно изъ практичнѣйшихъ изобрѣтеній стараго боевого Кавказа, умѣвшаго соединять чисто военныя требованія съ удобствами и даже комфортомъ. Кавказскіе вьюки—это два легкіе, вмѣстительные кожаные сундука, изъ которыхъ образуется еще удобная складная кровать,—условіе чрезвычайно важное въ походномъ быту офицера. Для этого сундуки, снятые съ сѣдла, ставятся на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга и соединяются между собою двумя перекладинами съ натянутою на нихъ парусиною. Перекладины эти свертываются въ трубочку и также возятся на вьюкѣ.

черкесскими сѣдлами; мундштуки съ лошадей были сняты, вальтрапы также; пришлось прилаживать на сѣдла мягкія походныя подушки, мѣнять посадку и во многомъ подражать старымъ кавказскимъ офицерамъ. Между Чиръ-Юртомъ и Султанъ-Юртомъ началось необычайное движеніе, не прекращавшееся съ утра до поздняго вечера, такъ какъ это былъ ближайшій аулъ, гдѣ, при посредствѣ извѣстнаго тогда князя Будая, можно было достать все—и оружіе, и порядочныхъ лошадей, и всѣ конскія принадлежности. Круковскій былъ доволенъ тѣмъ, что происходило у него на глазахъ. Когда лазутчики сообщили ему о сборахъ непріятеля, онъ благословилъ эти извѣстія, потому что они вносили жизнь въ его сонное царство. Благороднымъ опасеніямъ его наступилъ конецъ (2).

10-го октября войска, собранныя въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, ушли въ Дженгутай, и вслѣдъ за ними туда же выѣхалъ князь Бебутовъ. Нижегородцы съ минуты на минуту ожидали приказа о выступленіи. И вотъ, на слѣдующій день, 11-го октября, въ Чиръ-Юртѣ у дома полкового командира остановился запыхавшійся всадникъ. Онъ былъ весь въ грязи, отъ нижняго края бурки до шелковой кисти башлыка; взмыленный конь его едва держался на ногахъ; по всему было видно, что онъ не терялъ времени на объѣзды, и что его дорога ни въ чемъ не уступала птичьему полету. Онъ не успѣлъ соскочить съ коня, какъ уже досталъ бумагу и подалъ ее Круковскому—князь Бебутовъ требовалъ немедленно четыре эскадрона драгунъ. На очереди были 1 и 4-й дивизіоны. Имъ объявили о выступленіи въ три часа пополудни, а въ четыре—они уже слушали на площади напутственное молебствіе. Круковскій простился съ ними короткою рѣчью: «Добрый путь, драгуны! Безъ побѣды не возвращаться!» — И эскадроны тронулись, провожаемые всѣмъ населеніемъ Чиръ-Юрта; даже дѣти прибѣжали изъ Старой слободки (3).

Осенній день коротокъ, и ночь застала драгунъ на дорогѣ. Въ величайшей тишинѣ двигались они мимо темныхъ ущелій и горныхъ коридоровъ, гдѣ на каждомъ шагу можно было попасть на засаду. Такъ дошли до Кумтеръ-Кале, отдохнули у его песчанаго холма, и къ утру были уже въ Шурѣ. Здѣсь они узнали о занятіи Шамилемъ Акуши и получили приказаніе двигаться дальше въ Кулецму, гдѣ были собраны всѣ войска князя Бебутова—пять батальоновъ пѣхоты съ шестью орудіями, сборная сотня донскихъ казаковъ и три сотни конныхъ туземцевъ.

Отторженіемъ Акуши Шамиль, очевидно, разсчитывалъ повторить событія 1843 года, и съ этою цѣлью выдвинулъ передовой отрядъ въ Аймяки,—селеніе, лежавшее уже въ предѣлахъ Мехтулинскаго ханства. Во многихъ деревняхъ шамхальства жители готовили депутатовъ для встрѣчи Шамиля. Медлить въ ожиданіи новыхъ осложненій было опасно, и Бебутовъ, дождавшись прибытія драгунъ, рѣшилъ направить первый ударъ на Аймяки, съ тѣмъ, чтобы погасить мятежъ, начинавшійся уже въ нашихъ владѣніяхъ.

Изъ Кулецмы войска выступили передъ свѣтомъ 13-го октября. 4-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, оставленный съ двумя апшеронскими ротами въ прикрытіи отряднаго лагеря, съ завистью проводилъ два первые эскадрона, ушедшіе подъ командой подполковника Обухова. Но и этимъ эскадронамъ не пришлось участвовать въ дѣлѣ. Послѣ кроваваго штурма Аймяки были взяты, но горцы, выбитые изъ нихъ апшеронскимъ батальономъ маіора Берхмана, бросились не въ Араканы, гдѣ ихъ сторожили драгуны, а въ гергебильскія ущелья по такимъ тропамъ, по которымъ преслѣдовать ихъ кавалеріею было невозможно. Войска сожгли Аймяки и возвратились назадъ.

Идти съ трехтысячнымъ отрядомъ на главныя силы Шамиля, простиравшіяся до 20 тысячъ мюридовъ, не считая жителей, Бебутовъ рѣшился не съ разу. Онъ все еще разсчитывалъ на помощь со стороны князя Аргутинскаго, стоявшаго съ самурскимъ отрядомъ въ Казикумыкѣ, и цѣлый день провелъ въ томительномъ ожиданіи отъ него извѣстій. Къ нему послано было уже нѣсколько нарочныхъ, но ни одинъ изъ нихъ не возвращался. Кругомъ между тѣмъ непріятель усиливался съ каждымъ часомъ, весь горизонтъ заволакивался тучами, и Бебутовъ видѣлъ ясно, что только бой, и бой немедленный могъ утушить волненіе. Ожидать Аргутинскаго больше было нельзя, и въ ночь на 15-е октября походъ въ Акушу былъ объявленъ.

Войска выступили передъ свѣтомъ, и миновавъ длинное Лавашинское ущелье, увидѣли въ сторонѣ два аула, Кака-Маху и Уллу-ая, гдѣ стоялъ Хаджи-Муратъ съ своею аварскою конницей. Его оставили въ покоѣ, и повернули прямо на большой и многолюдный аулъ Кутиши, занятый главными силами Шамиля. Въ густомъ предразсвѣтномъ туманѣ передовые посты лезгинъ захвачены были врасплохъ и едва успѣли ускакать, чтобы извѣстить о приближеніи русскихъ. Въ аулѣ поднялась суматоха.

Теперь надо было пользоваться каждою секундой, чтобы не дать непріятелю время опомниться, и четыре эскадрона драгунъ тотчасъ понеслись впередъ на полныхъ рысяхъ. За ними бѣгомъ пустились два батальона пѣхоты. Рысь скоро перешла въ скачь. Вотъ и высокая крутая гора, на которой стоятъ Кутиши. Но здѣсь случилось то, чего никакъ не ожидали старые кавказцы: у самой подошвы ея подполковникъ Обуховъ, недавно перене-

Султанъ-Янги-Юртъ (сакля князя Буддая).

Изъ альбома кн. Гагарина.

денный изъ Россіи, вдругъ командуетъ: «Стой! Къ пѣшему строю слѣзай!» — и посылаетъ офицера сказать командиру 4-го дивизіона, чтобы онъ, обскакавъ аулъ съ противоположной стороны, сдѣлалъ то же самое. Если бы все исполнилось такъ, какъ было приказано,—Кутиши никогда не были бы взяты. Къ счастію, команда, произнесенная невнятно, понята была иначе. Первый дивизіонъ карьеромъ взлетаетъ на крутую гору и, очутившись среди лабиринта какихъ-то построекъ и заборовъ, кидается къ

воротамъ аула. Ворота, однакоже, замкнуты. Первый эскадронъ штабсъ-капитана Джемарджидзе спѣшивается на полномъ скаку, и пока беретъ оборонительную башню, 2-й—неожиданно попадаетъ подъ картечный выстрѣлъ, направленный въ него изъ-за сосѣдней ограды. Два драгуна, Кириченко и Хмѣльницкій, были убиты, семь лошадей ранены. Тогда командиръ 2-го эскадрона штабсъ-капитанъ Мочабѣли, одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ бой составляетъ настоящую поэзію жизни, не раздумывая долго, крикнулъ: «направо!» и, взмахнувъ нагайкой, перескочилъ ограду. За нимъ перескочили драгуны, и первый взводъ прямо налетѣлъ на орудіе. Трое изъ нападавшихъ, рядовые Остапенко, Шанинъ и Фомичевъ, были ранены, остальные изрубили прислугу и овладѣли пушкой. Мочабѣли оставилъ при ней взводнаго вахмистра Параскина, а самъ кинулся далѣе. Кругомъ уже шла невообразимая суматоха: шумъ, гамъ, перекрестные выстрѣлы,—и посреди всего горсть отчаянныхъ драгунъ, безъ всякой поддержки извнѣ. Даже первый эскадронъ не послѣдовалъ за вторымъ: Джемарджидзе быстро сообразилъ всю важность занятаго имъ пункта и рѣшилъ держаться въ воротахъ, пока не подоспѣетъ пѣхота.

А на защиту воротъ уже скачетъ лезгинская конница. Ея не видно за кривизною улицъ, но слышенъ быстро приближающійся топотъ конскихъ копытъ. И вотъ, изъ какого-то темнаго глухого переулка вдругъ вынырнулъ конный мюридъ въ зеленой чалмѣ, окутанной, какъ дымкой, бѣлой кисеею, а за нимъ великолѣпный значокъ, малиновый, испещренный арабскими буквами. Всадникъ появился до того неожиданно, что, выхвативъ кинжалъ, едва не поразилъ въ грудь Мочабѣли. Къ счастію, тотъ быстрымъ поворотомъ коня успѣлъ уклониться, и, въ свою очередь, ударомъ шашки положилъ противника на мѣстѣ. Смущенная потерей начальника, толпа повернула назадъ, но драгуны уже насѣли на нее вплотную и рубили заднихъ. Унтеръ-офицеръ Полежаевъ и рядовой Наливайко отбили значокъ. Вся эта масса перемѣшавшихся всадниковъ вскочила на мостъ, который, не выдержавъ тяжести, рухнулъ. Половина эскадрона осталась по ту, другая по эту сторону оврага. Мочабѣли крикнулъ: «слѣзай!»—и пока драгуны, покинувъ на произволъ судьбы своихъ коноводовъ, перебѣгали топкій ручей, передніе уже взяли ближайшія сакли. Въ этотъ моментъ съ другого, противоположнаго конца аула показались эскадроны 4-го дивизіона, скакавшіе во всѣ повода; они также вскочили въ аулъ

на коняхъ и спѣшились въ улицахъ. Бой охватилъ половину селенія. Русскіе эскадроны сражались съ замѣчательнымъ мужествомъ, и ни въ чемъ не хотѣли уступать грузинскимъ. Маіоръ Докукинъ былъ раненъ, но остался во фронтѣ; капитанъ Золотухинъ съ 7-мъ эскадрономъ штурмовалъ саклю за саклей, и въ одной изъ нихъ отбилъ цѣлый транспортъ зарядныхъ ящиковъ, полныхъ снарядами. Рядовой Зоринъ (изъ разжалованныхъ), первый вскочившій въ эту саклю, получилъ тяжелую рану въ голову, и ящики вывезъ уже унтеръ-офицеръ Ширингинъ. Здѣсь же едва не погибъ прапорщикъ Клюевъ, надъ головою котораго уже сверкали десятки кинжаловъ. Его выручилъ старшій вахмистръ 7-го эскадрона Свистюлькинъ.

Среди общей сумятицы въ аулѣ, битва разбилась на множество отдѣльныхъ эпизодовъ; драгунскіе коноводы, никѣмъ не охраняемые, сновали по улицамъ, стараясь только укрываться за саклями, которыя уже были очищены. Во дворѣ одной изъ нихъ и пріютились коноводы 8-го эскадрона; но именно изъ этой-то сакли и сдѣлали на нихъ нападеніе. Вахмистръ 8-го эскадрона Щеголевъ первый услыхалъ отчаянный крикъ, и наскоро собравъ человѣкъ десять драгунъ, бросился съ ними на выручку. Горцы опять заперлись въ саклю и, открывъ огонь изъ бойницъ, ранили нѣсколькихъ лошадей. Тогда Щеголевъ пошелъ на приступъ. Въ саклѣ ходилъ волнами пороховой дымъ, и было такъ темно, что пока драгуны оглядѣлись, двое изъ нихъ: унтеръ-офицеръ Николаевъ и рядовой Курмыкинъ уже были ранены—первый пистолетною пулею въ лобъ, второй кинжаломъ въ голову. Мюриды были истреблены, и рядовой Сидоровъ вынесъ изъ сакли богатый значокъ.

Только быстротою нападеній и можно объяснить ту панику, которой поддавались горцы вездѣ, гдѣ только появлялись драгуны. Отчаянная, не оправдываемая ничѣмъ, кромѣ безумной отваги, атака эта имѣла рѣшающее вліяніе на судьбу кутишинскаго боя. Десятки тысячъ людей, несомнѣнно храбрыхъ, дрогнули и смѣшались передъ тремя, четырьмя стами драгунъ, которыхъ при иныхъ условіяхъ могли бы легко уничтожить. Между тѣмъ на помощь къ драгунамъ подоспѣла пѣхота, и батальоны: Апшеронскій маіора Берхмана, и Дагестанскій подполковника Сойманова, пошли штурмовать аулъ. Бой еще находился въ полномъ разгарѣ, когда со стороны Кака-Махи и Уллу-ая показались новыя, огромныя массы непріятельской конницы. Это скакалъ Хаджи-Муратъ съ своими

аварцами. Если бы ему удалось прорваться въ Кутиши,—наши разрозненныя части были бы поставлены въ безвыходное положеніе; но, къ счастію, два батальона, слѣдовавшіе въ аррьергардѣ, успѣли преградить ему путь, а къ нимъ присоединился еще и штабсъ-капитанъ Джемарджидзе съ первымъ эскадрономъ Нижегородскаго полка. Тревога поднялась и въ самомъ аулѣ. 4-й дивизіонъ, наскоро собранный маіоромъ Докукинымъ, поспѣшно сѣлъ на коней и бросился на встрѣчу къ новому противнику. Стройно, какъ на чугуевскихъ маневрахъ, развернулись вороные эскадроны и, сверкая шашками, понеслись въ атаку. Конница Хаджи-Мурата, уже разстроенная огнемъ пѣхоты, была опрокинута сразу, и весь путь до Хаджалъ-Махинскаго ущелья усѣялся ея тѣлами (4).

Къ вечеру 15-го октября въ Даргинскомъ округѣ не оставалось уже ни одного мюрида. Въ этомъ блестящемъ бою изъ числа Нижегородцевъ пять человѣкъ были убиты, 4 офицера и 30 нижнихъ чиновъ ранены. Трофеями ихъ было одно орудіе—горный единорогъ, отбитый у насъ Шамилемъ еще во время даргинской экспедиціи, два значка, до четырехсотъ винтовокъ, множество оружія и зарядныхъ ящиковъ. Одинъ изъ этихъ ящиковъ, какъ памятникъ славнаго боя, хранится и понынѣ у отставного Нижегородца штабсъ-капитана Полежаева, проживающаго въ Ставрополѣ. Это тотъ самый Полежаевъ, который въ Кутишинскомъ бою, будучи унтеръ-офицеромъ, взялъ первый непріятельскій значокъ.

20-го октября драгуны возвратились въ Шуру и были встрѣчены у воротъ форштадта княземъ Бебутовымъ съ двумя хорами музыки и со всѣмъ народонаселеніемъ города. Музыка играла Нижегородскій маршъ, съ крѣпостныхъ верковъ гремѣли пушечные выстрѣлы. Такой же радушный и задушевный пріемъ готовился имъ и въ штабъ-квартирѣ, куда они вступили 22-го числа. Круковскій выѣхалъ на встрѣчу со всѣми офицерами и привѣтствовалъ эскадроны такъ же коротко, какъ и напутствовалъ: «Здорово ребята! Спасибо! Въ грязь лицомъ не ударили». Офицерамъ онъ молча пожалъ руки, что служило у него проявленіемъ высшей благодарности. Особенное вниманіе обращалъ на себя 4-й дивизіонъ, который просто переродился и сталъ неузнаваемъ. Откуда взялись у людей и самоувѣренность взгляда, и бойкая поступь, и удаль въ движеніяхъ... Кутишинскій бой сослужилъ полку огромную службу: онъ сразу установилъ его боевую репутацію въ краѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ послужилъ послѣднею ступенью къ сближенію между разрозненными элемен-

Драгуны на штурмѣ аула Кутиши.

тами общества. Съ этого дня уже не было больше эскадроновъ ни русскихъ, ни грузинскихъ—все слилось и затонуло въ одномъ великомъ имени: Нижегородскій полкъ.

Объявляя войскамъ Кавказскаго корпуса о славномъ Кутишинскомъ дѣлѣ, въ которомъ «*особенно отличились драгуны, верхами врѣзавшіеся въ укрѣпленный аулъ*», князь Воронцовъ приказалъ, чтобы во всѣхъ мѣстахъ Лѣваго фланга и Владикавказскаго округа, гдѣ только имѣлась артиллерія, чтеніе этого приказа сопровождалось бы пушечною пальбою въ честь побѣдителей (5). «Я очень доволенъ», писалъ онъ князю Бебутову, «что наши драгуны такъ блистательно и полезно начали свою службу въ новомъ ихъ расположеніи. Это еще болѣе ободритъ этотъ прекрасный полкъ съ его достойнымъ начальникомъ, и будетъ имѣть сильное вліяніе на всѣ мирныя и немирныя племена въ вашемъ сосѣдствѣ» (6).

Посылая въ Петербургъ съ донесеніемъ о кутишинской побѣдѣ своего адъютанта штабсъ-ротмистра Давыдова, князь Воронцовъ въ то же время отправилъ и письмо къ военному министру, гдѣ, между прочимъ, говорилось слѣдующее:

«Всѣ войска вели себя молодцами, но преимущественно обратили на себя вниманіе драгуны. Горцы зовутъ ихъ теперь *шайтанъ солдатомъ*. Непріятеля удивили и устрашили сомкнутыя атаки кавалерійскаго фронта, къ которымъ онъ не привыкъ, и быстрота, съ которою драгуны спѣшивались. Кутишинское дѣло доказало всю пользу перевода Нижегородскаго полка изъ Караагача въ Чиръ-Юртъ. Нигдѣ регулярной кавалеріи нельзя съ такимъ успѣхомъ дѣйствовать въ здѣшнемъ краѣ, какъ на обширныхъ шамхальскихъ и кумыкскихъ равнинахъ, и я не сомнѣваюсь, что это расположеніе полка доставитъ намъ сильный и лучшій резервъ для предупрежденія всякихъ замысловъ непріятеля на оконечность лѣваго фланга линіи и на Сѣверный Дагестанъ» (7).

Императоръ Николай, прочитавъ донесеніе, начерталъ на немъ собственноручно: «Дѣло славное, и полная честь князю Бебутову. Владиміра 4-й степени или чинъ, что пожелаетъ, Давыдову, а князю Бебутову—3-го Георгія справедливо дать. Войскамъ всѣмъ по два рубля серебромъ, а драгунамъ по три».

«Я особенно радъ», писалъ князь Воронцовъ, препровождая Бебутову орденскіе знаки св. Георгія 3-го класса, «что храбрые драгуны обратили на себя особое вниманіе Государя, который, впрочемъ, вообще

восхищенъ поведеніемъ всѣхъ войскъ, столь много отличившихся подъ вашимъ начальствомъ» (8).

Но молва о подвигѣ Нижегородцевъ не ограничилась однимъ Кавказомъ; она перешла за предѣлы его, и вызвала общее ликованіе среди драгунскаго корпуса. Генералъ Шабельскій, самъ старый Нижегородецъ, объявляя о Кутишинскомъ дѣлѣ, закончилъ приказъ по корпусу слѣдующими прекрасными словами:

... «Вотъ дѣйствія, которыми покрыли себя блистательною славою ваши товарищи по оружію. Начавъ и кончивъ дѣло, они въ полной мѣрѣ доказали превосходство своего назначенія дѣйствовать двоякимъ строемъ, двоякимъ оружіемъ. Налетѣть, быстро хватить въ шашки, гнать непріятеля, потомъ мигомъ съ коня и громить штыками — вотъ дѣло только одного драгуна, или, какъ горцы назвали со страха, шайтанъ-солдата. Хвала Нижегородцамъ! Они первые доказали на самомъ дѣлѣ, да еще въ неприступныхъ горахъ Кавказа и противъ отъявленныхъ храбрецовъ, что̀ могутъ сдѣлать драгуны новаго устройства, всемилостивѣйшею волею Государя Императора направленнаго.

«Да послужитъ вамъ, молодцы, доблестный примѣръ Нижегородцевъ!

«Да воспламенитъ въ васъ побѣдный кликъ этотъ твердую самонадѣянность въ вашей непобѣдимости и усвоитъ въ душѣ каждаго то возвышенное чувство, съ которымъ долженъ гордиться всякій изъ васъ завиднымъ наименованіемъ драгуна!» (9).

Послѣ такого представленія, какое дали Нижегородцы въ Дагестанѣ, мирные аулы сразу стали смотрѣть на нихъ совсѣмъ иными глазами. Между казаками всѣхъ наименованій и этими «красными солдатами на лошадяхъ», умѣвшими внезапно превращаться въ пѣхоту — они увидѣли большую разницу, которую въ горахъ также приняли къ свѣдѣнію. Драгуны были героями дня. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но и доселѣ вѣрится съ трудомъ, чтобы горсть всадниковъ, изъ которыхъ половина никогда не бывала въ огнѣ, могла ворваться въ укрѣпленный аулъ, защищаемый 20-тысячнымъ скопищемъ Шамиля.

Къ сожалѣнію, тревоги и бури внутренней жизни, улегшіяся было подъ впечатлѣніемъ блестящей побѣды, отозвались въ полку еще разъ такимъ прискорбнымъ событіемъ, которое въ значительной степени омрачило торжество побѣдителей. Надо сказать, что еще съ поля битвы одинъ изъ вліятельныхъ офицеровъ генеральнаго штаба полковникъ Ве-

ревкинъ писалъ къ Коцебу, что по общему отзыву всего отряда, командиръ 2-го эскадрона штабсъ-капитанъ Мочабѣли вполнѣ заслужилъ георгіевскій крестъ, и что князь Бебутовъ войдетъ объ этомъ съ представленіемъ. Мочабѣли, дѣйствительно, разсчитывалъ на эту награду, но его надежды рушились, такъ какъ подполковникъ Обуховъ, какъ старшій, командовавшій въ бою двумя дивизіонами, самъ заявилъ претензію на полученіе креста. По словамъ современниковъ, Обуховъ былъ человѣкъ крайне самолюбивый, неуживчивый и съ большими странностями. Перемѣнивъ за время своей службы нѣсколько полковъ, онъ перешелъ наконецъ въ Нижегородскій, и здѣсь съ перваго же дня не сошелся съ новыми своими сослуживцами, держа себя гордо въ отношеніи къ товарищамъ, и при всякомъ случаѣ придираясь къ офицерамъ. Между нимъ и Мочабѣли не замедлили произойти объясненія, приведшія при горячности послѣдняго къ такимъ печальнымъ результатамъ, что оба они не только лишены были права на георгіевскій крестъ, но и должны были оставить полкъ: Мочабѣли по конфирмаціи намѣстника былъ выдержанъ три мѣсяца въ Дербентской крѣпости и переведенъ въ Тифлисскій полкъ, а Обуховъ—въ Тенгинскій ([10]).

Между тѣмъ вышли награды за Кутишинское дѣло: Обухову пожалованъ былъ орденъ св. Анны 2 ст.; Мочабѣли, Джемарджидзе и Хомяковскому — Владиміра 4 ст.; поручику Зубкову — Анну 3 ст. съ бантомъ, а Шангирею, Макарову, Моисѣеву и Рыжкову тотъ же орденъ 4-ой степени. Въ слѣдующіе чины произведены: маіоръ Докукинъ въ подполковники, капитанъ Золотухинъ въ маіоры, съ назначеніемъ въ то же время командиромъ 1-го дивизіона, на мѣсто Обухова; поручики Колмыковъ, Шидловскій и Познякъ—въ штабсъ-капитаны, прапорщики: Щепановскій, Сарычевъ, Буковскій и князь Абхазовъ — въ поручики. Нижнимъ чинамъ назначено 20 знаковъ отличія военнаго ордена.

Кутишинскій походъ обнаружилъ одинъ чрезвычайно важный недостатокъ нашей оборонительной линіи—отсутствіе переправы черезъ Сулакъ, такъ какъ моста не было, и единственнымъ средствомъ сообщенія между его берегами служилъ небольшой паромъ, ходившій на канатѣ. Выступая по тревогѣ въ Сѣверный Дагестанъ, драгунамъ не было надобности переправляться, и потому они прибыли во-время. Но если бы тревога случилась за Сулакомъ, гдѣ-нибудь на Кумыкской плоскости, эскадроны потеряли бы цѣлый день на переправу и, можетъ быть, опоздали бы въ дѣло. Кру-

ковскій придавалъ устройству постояннаго моста такое значеніе, что ставилъ его въ число необходимѣйшихъ условій для существованія Сулакской линіи. По его настояніямъ въ Чиръ-Юртъ былъ присланъ инженеръ-подполковникъ Кесслеръ, который и рѣшилъ построить мостъ на плашкоутахъ, выбравъ для этого центральный пунктъ, возлѣ самой чиръюртовской крѣпости, хотя ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ и доходила до 33-хъ саженъ. Съ этою цѣлью на обѣихъ сторонахъ Сулака онъ укрѣпилъ толстые каменные столбы и соединилъ ихъ между собою корабельнымъ канатомъ, перекинутымъ черезъ рѣку. Такъ образовался упоръ, возлѣ котораго строитель поставилъ нѣсколько барокъ, тоже связанныхъ между собою и настланныхъ досками, и прикрѣпилъ ихъ посредствомъ веревочныхъ петель къ упорному канату. Вотъ и все устройство плашкоутнаго моста, который поднимался и опускался вмѣстѣ съ Сулакомъ, и за то сердитый Сулакъ, не встрѣчая въ немъ слишкомъ большого сопротивленія, оставлялъ его въ покоѣ. 7-го ноября 1846 года мостъ, наконецъ, былъ открытъ и освященъ. Но пока его строили, необходимость въ немъ успѣла уже выказаться самымъ очевиднымъ и положительнымъ образомъ. Случилось, что 1-го ноября, пользуясь туманнымъ утромъ, горцы бросились на конскій табунъ, ходившій на лѣвомъ берегу, въ виду самой крѣпости, и погнали его въ горы. Пѣхота, выскочившая на тревогу, не могла настигнуть конныхъ хищниковъ, а драгуны, прискакавшіе къ Сулаку, не могли переправиться, такъ какъ паромъ находился на той сторонѣ, а пока его причалили, горцы уже скрылись.

Другая тревога произошла 29-го ноября. На этотъ разъ штабъ-квартира была разбужена на самой зарѣ частыми ружейными выстрѣлами, раздававшимися къ сторонѣ Кумтеръ-кале. Дежурный эскадронъ съ Круковскимъ ускакалъ изъ Чиръ-Юрта прежде, нежели замерли въ воздухѣ послѣднія ноты сигнала. 2-й дивизіонъ двинулся за нимъ на рысяхъ; 3-й выстроился на площади и ждалъ приказаній. Тревога оказалась далеко не фальшивою, какъ это случалось много разъ прежде. Партія человѣкъ въ двѣсти напала на кумыцкій транспортъ, слѣдовавшій къ Чиръ-Юрту, и пока драгуны прискакали, кумыки, успѣвшіе огородиться арбами, потеряли шесть человѣкъ ранеными и 20 воловъ убитыми (11).

Всѣхъ интересовалъ вопросъ—откуда появилась партія, когда Сулакъ находился въ разливѣ и бродовъ не было. Скоро разъяснилось, однако, что горцы устроили для себя переправу около Зубута въ томъ

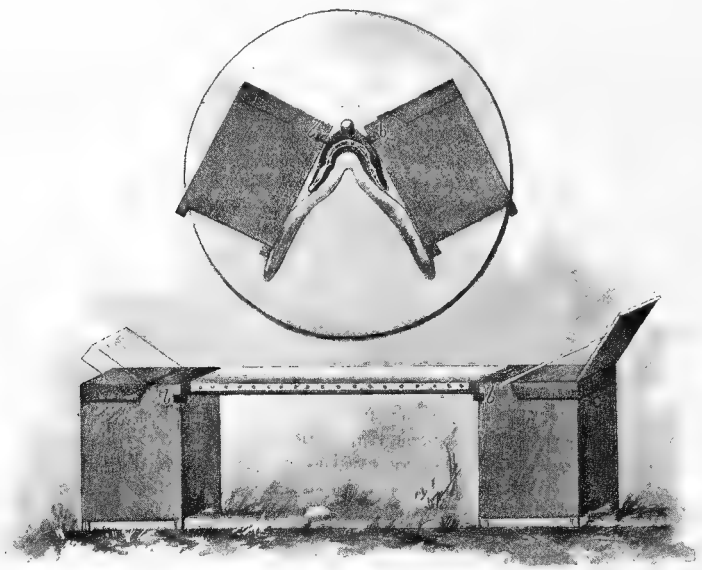
мѣстѣ, гдѣ рѣка значительно съуживалась. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ у насъ появился мостъ плашкоутный, у нихъ—перекидной. Опять поднялась тревога. Изъ Евгеніевскаго выступили двѣ роты, чтобы разорить переправу, а драгунамъ приказано было стоять наготовѣ, такъ какъ оба сосѣдніе наиба также держали свои партіи въ сборѣ. Но въ ту минуту, когда вниманіе всѣхъ обратилось на Сулакскую линію, въ Дженгутаѣ, столицѣ Мехтулинскаго ханства, отстоявшей всего на одинъ переходъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры, случилось изумительное происшествіе.

Въ темную зимнюю ночь съ 13 на 14-е декабря, Хаджи-Муратъ внезапно подошелъ къ Дженгутаю. Съ нимъ было 200 мюридовъ. Партія остановилась въ полѣ, а нѣсколько человѣкъ, вмѣстѣ съ своимъ отважнымъ наибомъ, прокрались въ селеніе мимо русскихъ патрулей, проникли въ самый дворецъ и похитили мехтулинскую ханшу Нохъ-Бике такъ тихо, что когда запоздавшій выстрѣлъ какого-то нукера поднялъ на ноги весь Дженгутай, Хаджи-Муратъ съ своею добычей былъ уже далеко. Можно себѣ представить испугъ и изумленіе жителей, когда, проснувшись, они узнали, что ханша похищена самимъ Хаджи-Муратомъ, бывшимъ у нихъ въ Дженгутаѣ. Если прибавить къ этому, что замокъ, занимаемый ханскимъ семействомъ, стоялъ на горѣ среди многолюднаго аула и былъ обнесенъ высокою каменною стѣною, что ворота охранялись карауломъ изъ туземцевъ, а въ самомъ селеніи находились два батальона русской пѣхоты и сотня дагестанскихъ всадниковъ, то становится совершенно непонятнымъ, какъ могъ Хаджи-Муратъ исполнить это въ высшей степени отважное и дерзкое похищеніе ([12]).

Тревога, надѣланная аварскимъ наибомъ, охватила весь Сѣверный Дагестанъ. Войска подняты были съ своихъ зимовыхъ квартиръ, и 11-го декабря ночью изъ Чиръ-Юрта экстренно вызваны были три эскадрона Нижегородцевъ въ Шуру. Молебствія на этотъ разъ не было, и эскадроны съ мѣста пошли на рысяхъ. Изъ Шуры войска уже ушли въ Дженгутай, и драгуны, передвинувшись въ Урму, нѣсколько дней наблюдали дороги къ Хаджалъ-Махи и Цудахару. Наконецъ пришли успокоительныя извѣстія: набѣгъ Хаджи-Мурата былъ только эпизодомъ въ въ духѣ средневѣкового рыцарства, и другихъ цѣлей аварскій наибъ не имѣлъ. Жители стали успокаиваться, и войска были распущены. 24-го декабря, въ рождественскій сочельникъ, наши драгуны пришли обратно въ Шуру, гдѣ ихъ задержали еще на нѣсколько дней, и только 28-го

числа вечеромъ, когда въ маленькихъ сѣренькихъ домикахъ Чиръ-Юрта зажигались огни, они возвратились домой.

Эта тревога была послѣднею страницею въ исторіи Нижегородскаго полка за 1846 годъ.



Походные кавказскіе вьюки.

Чиръ-Юртъ. Домъ штабсъ-капитана Джемарджидзе.

IV.

Въ Чиръ-Юртѣ отъ экспедиціи до экспедиціи.

(1847 г.).

Встрѣча новаго 1847 года.—Затишье на линіи.—Двѣ тревоги въ Таркахъ и у Зубута.—Необходимость развлеченій выступаетъ опять на первое мѣсто.—Заботы объ устройствѣ домашнихъ спектаклей.—Первое представленіе, данное въ крѣпости.—Мнѣніе о немъ Круковскаго.—Спектакли въ самомъ Чиръ-Юртѣ.—Комедія Петрова: «Старый служака».—Водевиль: «Покойная ночь» и заключительные куплеты съ мѣстнымъ кавказскимъ колоритомъ.—Запоздавшій снѣгъ.—Первая пороша и внезапное нападеніе горцевъ на Султанъ-Юртъ.—Приготовленія къ общей тревогѣ на Сулакѣ.—Борьба съ саранчей, угрожавшей полковымъ покосамъ и огородамъ.—Новая домашняя драма—дуэль Покатилова и Щепановскаго.—Круковскій и князь Воронцовъ.

Утро перваго дня 1847 года, ясное, тихое и теплое, напоминало утро лучшихъ весеннихъ дней. Въ растворенныхъ настежь окнахъ маленькихъ офицерскихъ флигелей, обступившихъ длинную и широкую

площадь, стояли стаканы съ тюльпанами, привезенными наканунѣ разъѣздомъ съ міатлинской переправы. Къ 10 часамъ на середину площади вынесенъ былъ изъ церкви аналой, покрытый зеленой парчей, съ вышитыми по ней золотыми крестами, и передъ нимъ священникъ служилъ молебенъ. Кругомъ аналоя, выстроившись покоемъ, въ красивыхъ куртках стояли драгуны, всѣ, кромѣ дежурнаго эскадрона. Мѣдные колпаки и цѣпочки ихъ гозырей ярко блестѣли на солнцѣ. Четвертый, никѣмъ не занятый фасъ обращенъ былъ къ пустынному берегу Сулака, за которымъ начиналась Кумыкская плоскость, не совсѣмъ еще освободившаяся отъ снѣга. Новый годъ драгуны встрѣтили молитвой, и передъ каждымъ изъ этихъ молившихся людей, усердно клавшихъ земные поклоны, вставалъ вопросъ: какъ-то сойдетъ для него этотъ годъ, и будутъ ли они всѣ налицо, когда придется встрѣчать новый? (1)

1847 годъ начинался подъ самыми счастливыми предзнаменованіями. Не говоря о чудной весенней погодѣ, кругомъ царствовало ничѣмъ не нарушимое спокойствіе; ни о какихъ тревогахъ и непріятельскихъ сборахъ не было даже слышно,—точно вражда, раздѣлявшая такъ долго воюющія стороны, заснула. Но это продолжалось не долго. 15-го января, раннимъ утромъ, по дорогѣ къ Чиръ-Юрту отъ Міатловъ, какъ бѣшеный несся на своемъ гнѣдомъ иноходцѣ Биръ-Магома—самый искусный и вѣрный лазутчикъ Круковскаго. Это былъ человѣкъ весьма замѣчательный: онъ зналъ даже въ какомъ часу Шамиль садился обѣдать, куда и на какой лошади онъ выѣзжалъ изъ своей резиденціи. Умѣнье находить слѣды и объяснять ихъ значеніе было его спеціальностью; въ этомъ отношеніи онъ не уступалъ ни одному краснокожему. Отыскивая слѣды, онъ съ ранняго утра рыскалъ по правому берегу Сулака, очень часто прячась въ кустахъ, гдѣ оставался по цѣлымъ днямъ, не смѣя шевельнуться. Много разъ жизнь его подвергалась опасности. Гайтемиръ, ауховскій наибъ, обѣщалъ за его голову лучшаго своего коня и 50 тумановъ. И если голова Биръ-Магомы держалась еще на плечахъ, то онъ обязанъ былъ этимъ только уваженію, которое умѣлъ внушить къ себѣ Круковскій въ мирныхъ аулахъ Сулакской линіи.

До какой степени Биръ-Магома былъ всевѣдущъ даже въ такихъ вещахъ, которыя совсѣмъ не подлежали его вѣдѣнію, можетъ служить примѣромъ слѣдующій случай. Въ 1849 году, когда въ полку никто еще не зналъ, что дѣлается въ Европѣ, онъ первый принесъ извѣстіе въ

Чиръ-Юртъ о выступленіи нашихъ войскъ въ венгерскую кампанію. Круковскій былъ такъ озадаченъ этимъ, что снялъ фуражку и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ прежде, нежели могъ выговорить слово (2). Теперь онъ скакалъ съ извѣстіемъ, что сильная партія ночью переправилась черезъ Сулакъ и пошла къ Таркамъ. Круковскій тотчасъ выслалъ два эскадрона на Міатлинскій бродъ, а между тѣмъ распорядился послать унтеръ-офицера (изъ вольноопредѣляющихся) графа Старжинскаго, предупредить о томъ правителя Мехтулинскаго ханства князя Орбеліани. Предусмотрительность Круковскаго была какъ нельзя болѣе кстати, потому что горцы, разбившіе подъ Тарками еврейскій аулъ, дѣйствительно, кинулись назадъ мимо Дженгутая, и, встрѣченные княземъ Орбеліани около Араканъ, были разбиты на голову. Со стороны Нижегородцевъ участвовалъ въ этомъ бою только одинъ графъ Старжинскій, который и получилъ знакъ отличія Военнаго ордена (3).

Прошло двѣ недѣли, и 30-го января къ Круковскому снова пришло извѣстіе, что горцы разрабатываютъ спускъ у Зубута. Какія были у нихъ намѣренія—объ этомъ не зналъ даже самъ Биръ-Магома, но такъ какъ существованіе переправы во всякомъ случаѣ угрожало спокойствію линіи, то изъ Евгеніевскаго тотчасъ распорядились выслать туда цѣлый батальонъ пѣхоты съ орудіемъ, а Міатлинскую переправу заняли опять два эскадрона Нижегородскихъ драгунъ. Сколько разъ, начиная съ 1841 года, несчастный спускъ этотъ подвергался различнымъ случайностямъ: то горцы устраивали на немъ переправу, а мы взрывали ее порохомъ; то мы же сами снова принимались ее разрабатывать. Обрывъ, висѣвшій прежде надъ самымъ Сулакомъ, отодвинулся теперь далеко, и чѣмъ дальше онъ уходилъ отъ рѣки, тѣмъ легче было его возобновлять, и тѣмъ труднѣе портить. На этотъ разъ переправа устроена была такъ прочно, что надъ ней пришлось проработать весь день, и только уже вечеромъ послѣдовалъ оглушительный взрывъ, заставившій дрогнуть окрестныя горы. Перекаты эха, донесшіеся до Міатловъ, послужили драгунамъ сигналомъ къ отступленію, и эскадроны вернулись въ Чиръ-Юртъ (4).

Двѣ подобныя тревоги не могли, конечно, наполнить собою жизнь скучающаго Чиръ-Юрта, и потребность въ развлеченіяхъ опять выступала на первый планъ, становилась насущною потребностью. Нѣкоторые офицеры снова подняли вопросъ объ устройствѣ домашнихъ спектаклей—и на этотъ разъ успѣшнѣе, чѣмъ прежде. У одного молодого юнкера,

незадолго прибывшаго въ полкъ, и имѣвшаго въ Петербургѣ связи съ столичнымъ театральнымъ міромъ, нашлось нѣсколько довольно свѣжихъ нумеровъ «Репертуара и Пантеона»,—журнала, въ которомъ помѣщались тогда почти всѣ театральныя пьесы. Въ актерахъ недостатка не было, и предложеніе далеко даже превышало спросъ; а что касается до женскихъ ролей, то, за отказомъ двухъ наличныхъ полковыхъ дамъ участвовать въ спектаклѣ, пришлось обратиться къ содѣйствію молодыхъ юнкеровъ и офицеровъ, которыхъ дамы охотно ссудили своими туалетами. Матеріальная часть устроилась также скорѣе, чѣмъ можно было ожидать: декораторъ былъ свой; за холстомъ и красками для занавѣса, кулисъ и декорацій, за матеріалами для костюмовъ и другими принадлежностями театральнаго дѣла отправленъ былъ нарочный въ Темиръ-Ханъ-Шуру,—и все это доставлено было оттуда на арбѣ съ первымъ обывательскимъ транспортомъ. Оставалось преодолѣть только послѣднее препятствіе—найти хоть сколько-нибудь приличное помѣщеніе, что было, однако, не легко, такъ какъ въ Чиръ-Юртѣ, слѣпленномъ изъ глины и самана—не было ни одного мало-мальски подходящаго зданія. Единственнымъ удобнымъ строеніемъ могли бы быть еще мастерскія казармы, но ихъ предполагалось отстроить не ранѣе весны, а до весны было далеко,—цѣлые два мѣсяца. Кто знаетъ, что можетъ случиться въ этотъ длинный промежутокъ времени? На Кавказѣ въ два мѣсяца набиралось иногда больше событій, нежели внутри Россіи въ цѣлые два года. Все будетъ зависѣть отъ Шамиля, который, конечно, и не подозрѣвалъ, что между нимъ и домашнимъ спектаклемъ въ Чиръ-Юртѣ существуетъ какое-нибудь отношеніе. Помѣщеніе, однакоже, найдено было по сосѣдству, въ новой Чиръ-юртовской крѣпости, служившей штабъ-квартирой 12-му Грузинскому линейному батальону, командиръ котораго, подполковникъ Косоротовъ, былъ человѣкъ общительный, радушный и гостепріимный. Онъ очень любилъ музыку, выписывалъ нѣсколько журналовъ, и въ своей скромной сферѣ признавался всѣми за человѣка образованнаго. Мысль объ устройствѣ спектакля въ Чиръ-Юртѣ была принята имъ съ восторгомъ. Не говоря о томъ, что его батальонъ точно такъ же нуждался въ развлеченіяхъ, какъ и драгуны, но ему, кромѣ того, представлялся случай ближе сойтись съ своими сосѣдями, между которыми было также не мало людей образованныхъ, а это, безъ сомнѣнія, должно было внести нѣсколько большее одушевленіе въ сонную жизнь всего околотка. По-

мѣщеніе онъ обѣщалъ отвести просторное, удобное, и даже о мебели для зрителей просилъ не безпокоиться. «Все будетъ,— говорилъ онъ,— только назначьте день, чтобы я могъ прислать экипажъ за вашими дамами». Круковскій, которому Петровъ и Шангирей, стоявшіе во главѣ задуманнаго дѣла, не замедлили сообщить о благопріятномъ исходѣ своей миссіи, на другое же утро въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ отправился въ крѣпость благодарить своего обязательнаго сосѣда, и кстати отдать ему визитъ, такъ какъ онъ у него былъ въ долгу.

Въ то время, какъ актеры разучивали свои роли, а декораторъ Шангирей, съ двумя юнкерами, превращалъ куски полотна въ деревья, хижины и облака, поручикъ Крупскій, несмотря на раны, не дававшія ему покоя въ ненастную погоду, набралъ изъ офицеровъ оркестръ, состоявшій изъ двухъ скрипокъ, флейты, кларнета, віолончели, да неизбѣжнаго барабана, и подбиралъ музыку для незнакомыхъ ему куплетовъ. Репетиціи происходили ежедневно, но на нихъ ѣздили въ крѣпость верхомъ и съ оружіемъ наготовѣ. Едва ли кромѣ Чиръ-Юрта бывали представленія, на которыя артисты пріѣзжали бы вооруженные съ ногъ до головы. Но таковы уже были условія кавказской жизни.

Наконецъ день для перваго представленія былъ назначенъ, и всѣ артисты, зрители и дамы выѣхали изъ штабъ-квартиры еще засвѣтло, съ конвоемъ изъ цѣлаго полуэскадрона драгунъ, который долженъ былъ оставаться въ крѣпости до окончанія спектакля. Подполковникъ Косоротовъ сдержалъ свое слово, и помѣщеніе, отведенное имъ для театра, оказалось не только удобнымъ, но, насколько позволяли средства линейнаго батальона, даже комфортабельнымъ. Креселъ и стульевъ не было; вмѣсто нихъ параллельными рядами разставлены были скамейки. Стѣны, чисто выбѣленныя, убраны были фестонами, щитами и перуанскими солнцами. Матеріаломъ для всѣхъ этихъ украшеній служили штыки, и ихъ потребовалось такъ много, что, по словамъ одного остряка, едва ли не вся Сулакская линія оставалась на этотъ вечеръ обезоруженной. Если бы наибы знали, что происходитъ въ этотъ день въ Чиръ-Юртѣ, они бы устроили иного рода спектакль, послѣ котораго театръ, если не навсегда, то надолго пришлось бы оставить. Вся линія охранялась только дежурнымъ эскадрономъ, но Круковскій полагалъ, что и этого достаточно. У него былъ лазутчикъ Биръ-Магома, при которомъ начальникъ Сулакской линіи могъ и не тревожиться за спокойствіе своего района.

Въ шесть съ половиною часовъ зрители стали наполнять казарму, превращенную стараніями декораторовъ въ настоящій бальный залъ, конечно въ кавказскомъ стилѣ. Были гости, нарочно пріѣхавшіе даже изъ самой Темиръ-Ханъ-Шуры, что особенно льстило самолюбію нашихъ актеровъ. Публики было много. Первые ряды были заняты дамами, штабъ-офицерами, эскадронными и ротными командирами, а на заднихъ скамейкахъ сидѣли младшіе офицеры; въ глубинѣ казармы толпились драгуны и солдаты, и между ними виднѣлось нѣсколько недурныхъ головокъ изъ слободки, въ кокетливо повязанныхъ платочкахъ. Тишина наступила абсолютная, какъ только дверь за послѣднимъ зрителемъ была притворена. Можно было подумать, что и представленіе будетъ даваться шопотомъ. Но вотъ на сценѣ послышались торопливые шаги и сдержанный говоръ. Въ оркестрѣ зашевелились. Всѣ обратили вниманіе на косматую голову капельмейстера, который сперва откашлялся, точно собирался говорить проповѣдь, потомъ взмахнулъ смычкомъ, и оркестръ грянулъ увертюру,—собственно говоря, не увертюру, а одинъ дивный танецъ изъ давно забытой оперы «Дѣва Дуная». Всѣ были въ восторгѣ. Кругомъ дичь и глушь, голые утесы, пески, безбрежная пустыня,—а тутъ вдругъ клочокъ цивилизаціи. Было отъ чего прійти въ умиленіе. Оркестръ съ честью вышелъ изъ своего перваго испытанія. Кто-то крикнулъ было bis, но долженъ былъ замолчать: занавѣсъ, на которомъ стараніями Шангирея была изображена золотая лира, вдругъ покачнулся и медленно сталъ подниматься. Начался спектакль. Водевиль «Булочная» сошелъ такъ, какъ онъ никогда не сходилъ на сценѣ Александринскаго театра. Во-первыхъ, въ роли Марьи Ивановны тамъ выступала всегда актриса, и притомъ хорошенькая; здѣсь Марья Ивановна имѣла чинъ прапорщика, и черезъ годъ грудь ея украсилась Анною съ бантомъ; во-вторыхъ, когда на сценѣ Александринскаго театра булочникъ Иванъ Ивановичъ поетъ свои комическіе куплеты, онъ относится къ музыкѣ съ подобающимъ уваженіемъ; здѣсь роль булочника, взятая на себя самимъ антрепренеромъ, пріобрѣтала одинъ лишній элементъ комизма. Петрову, одному изъ лучшихъ боевыхъ офицеровъ Нижегородскаго полка, впослѣдствіи знаменитому генералу, съ Георгіемъ на шеѣ, природа наотрѣзъ отказала въ призваніи къ вокальной музыкѣ,—и образовалось нѣчто совсѣмъ невозможное между пѣвцомъ и акомпанирующимъ ему оркестромъ. Публика, полагая, что это такъ слѣдуетъ, смѣялась отъ души

и даже требовала повторенія. Если бы казарма, отведенная для театра, была выстроена не такъ прочно и капитально, она бы не могла выдержать тѣхъ апплодисментовъ, которые загремѣли, когда опустился занавѣсъ. Одинъ очевидецъ разсказываетъ, что дежурный въ лагерѣ по фасу къ сторонѣ Сулака былъ испуганъ отдаленнымъ шумомъ до такой степени, что счелъ нужнымъ обратить на это вниманіе дежурнаго по цѣпи.

Чиръ-Юртъ. Офицерская квартира.

Часу въ одиннадцатомъ ночи, при свѣтѣ звѣздъ, задумчиво смотрѣвшихъ съ безпредѣльнаго неба, возвращалась кавалькада въ свою штабъ-квартиру. Поѣздъ представлялъ картину чрезвычайно оживленную. Около сотни всадниковъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ, окружали единственныя въ Чиръ-Юртѣ пролетки, въ которыхъ ѣхали полковыя дамы. Впереди скакало нѣсколько человѣкъ, въ родѣ авангарда, а вправо, къ

сторонѣ горной цѣпи, гарцовали патрульные юнкера. И все это весело болтало, шутило, смѣялось. Въ довершеніе удовольствія, поѣздъ озарился блистательною иллюминаціею: вспыхнули палы.

На слѣдующій день весь театральный персоналъ обѣдалъ у Круковскаго. Безсмѣнный ординарецъ его, драгунъ Зенкевичъ, первый охотникъ въ цѣломъ Дагестанѣ, настрѣлялъ въ послѣдніе два дня по его приказанію столько фазановъ, зайцевъ и дикихъ утокъ, что ихъ достало бы на три обѣда. Половину этой добычи Круковскій отослалъ въ крѣпость къ батальонному командиру. «Ну, господа», сказалъ онъ за обѣдомъ, «вчерашнее ваше представленіе доставило мнѣ столько же удовольствія, сколько и представленіе, данное драгунами 15-го октября въ Дагестанскомъ округѣ. Мы еще не успѣли осмотрѣться, обстроиться, не успѣли свыкнуться съ этой отверженною мѣстностью, ведемъ борьбу съ фалангами, а у насъ уже музыка, и спектакли, и декораціи. Я напишу объ этомъ намѣстнику; онъ близко приметъ это къ сердцу; я его знаю. Если бы всѣ такъ веселились на Кавказѣ, какъ мы веселились вчера, Ермолову не пришлось бы высказать свой афоризмъ о кавказскихъ офицерахъ».

Такъ какъ малоазійскіе греки никогда не заглядывали въ эту глухую мѣстность, генуэзцы также далеко не отходили отъ восточнаго берега Чернаго моря, то можно съ увѣренностью сказать, что съ тѣхъ поръ какъ существуетъ міръ, это былъ первый спектакль во владѣніяхъ шамхала Тарковскаго; но онъ не былъ и послѣднимъ. Нижегородскій полкъ по справедливости могъ гордиться, что онъ бросилъ въ нихъ первыя сѣмена драматическаго искусства. Дадутъ ли они плодъ—это покажетъ время.

На третій день послѣ спектакля полковой командиръ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ полковымъ квартермистромъ капитаномъ Гоппе, на рукахъ котораго было все полковое хозяйство. Они даже вышли вмѣстѣ и направились къ пикинернымъ казармамъ, возлѣ которыхъ стояло отдѣльное строеніе, носившее названіе полковой мастерской. Его-то Круковскій и приказалъ какъ можно поспѣшнѣе приспособить къ театральнымъ представленіямъ. Вся инвалидная рота приставлена была къ работѣ, и черезъ недѣлю темная, грязная, растрепанная послѣдними бурями, мастерская совершенно преобразилась. Возведенная въ новое почетное званіе, она стояла нарядная, причесанная, приглаженная, такъ

что всѣ окружающія ее зданія, не исключая дома полкового командира, казались передъ нею какими-то простолюдинами.

Театръ еще и вполовину не былъ готовъ, какъ уже между виновниками его сооруженія начались новыя конференціи. Петровъ предложилъ разыграть комедію собственнаго своего сочиненія. Она носила названіе «Старый Служака», и была написана стихами. Фабула ея была не затѣйлива. Отставной старикъ генералъ екатерининскихъ временъ, привыкшій къ безотчетному повиновенію своихъ подчиненныхъ, съ удивленіемъ замѣчаетъ, что дочь его не хочетъ идти замужъ за избраннаго имъ жениха, стараго его сослуживца полковника Палашкина, а любитъ молодого уланскаго офицера. Старикъ хочетъ непремѣнно поставить на своемъ, но самъ Палашкинъ, узнавъ, что его соперникъ—сынъ нѣкогда любимой имъ дѣвушки, вышедшей также по принужденію своего отца за другого, уступаетъ невѣсту счастливому улану.

Недостатокъ дѣйствія выкупали нѣкоторые удачные стихи, мѣтко рисующіе тѣхъ нашихъ старыхъ служакъ, которые на всѣхъ и на все смотрѣли сквозь призму военнаго устава.

...Ну, что жь?...

спрашиваетъ старикъ-генералъ свою дочь:

Еще ты не рѣшилась?
А сколько разъ я говорилъ,
Чтобъ ты въ Палашкина влюбилась.
Такъ нѣтъ: «Палашкинъ мнѣ не милъ»...
А развѣ ты того не знаешь,
Что ослушаніемъ своимъ
Порядокъ службы нарушаешь!
Какъ былъ я шефомъ полковымъ,
Меня въ полку отцомъ считали,—
И точно, шефъ—отецъ полка,
А тутъ, смотри-ка, старика
Въ семьѣ и шефомъ не считаютъ...

И въ назиданіе дочери онъ разсказываетъ при этомъ сцену, которая произошла у него однажды съ покойною женою Матреной Алексѣевной:

Она разъ какъ-то закричала,
Пошла гремѣть на цѣлый домъ,—
Претензій мнѣ не показала,
А жалобъ куча!... Гвалтъ, содомъ...

Разбила зеркало безъ такту,—
Пришлось бы плохо старику:
Но я отправилъ на гауптвахту
Её съ дежурнымъ по полку...

Интересъ комедіи увеличивался слухомъ, будто бы она имѣетъ нѣкоторое соотношеніе съ біографіею самого автора.

На спектакль приглашены были всѣ офицеры линейнаго батальона. Когда представленіе окончилось, свѣчи на аванъ-сценѣ были погашены, занавѣсъ взвился снова, и зрителямъ предстали артисты со стаканами шампанскаго на подносахъ. И артисты, и сцена были освѣщены голубоватымъ пламенемъ жжонки, горѣвшей по серединѣ въ большихъ кухонныхъ кострюляхъ. Стаканы разнесены были тутъ же всѣмъ гостямъ, начиная съ Круковскаго.

Третій спектакль прошелъ такъ же весело, и имѣлъ еще одну оригинальную особенность. Дѣло въ томъ, что подыскивать пьесы, въ которыя по возможности входило бы меньше женскаго персонала, было весьма затруднительно. Одному молодому офицеру, прапорщику К*, тому самому, который ходилъ парламентеромъ къ полковому командиру, когда нужно было добиться признанія правъ гражданства для Новой слободки, пришла оригинальная мысль написать на память шутку-водевиль «Покойная ночь» или «Суматоха въ Щербаковомъ переулкѣ», слышанную имъ когда-то въ Петербургѣ. Пьеса, передѣланная или дополненная тамъ, гдѣ автору измѣняла память, вышла тѣмъ не менѣе бойкая и смотрѣлась съ удовольствіемъ. Это былъ веселый, остроумный водевиль, и имѣлъ главное достоинство, что въ немъ была только одна женская роль. Особенный эфектъ произвели написанные тѣмъ же офицеромъ, не лишенные мѣстнаго колорита заключительные куплеты, которые въ настоящей пьесѣ оканчиваются припѣвомъ: «Покойной ночи, господа!»

Вотъ эти куплеты, сохранившіеся въ памяти старожиловъ Чиръ-Юрта.

Бываетъ здѣсь и въ Дагестанѣ
Ночлегъ тревожный иногда.
Покамѣстъ смирно въ нашемъ станѣ,—
Покойной ночи, господа!
Пускай Хаджи-Муратъ тревожитъ
Нашъ лагерь—это не бѣда!
Онъ намъ никакъ вредить не можетъ.
Покойной ночи, господа!

Но если бъ вздумалъ на спектакли
Онъ къ намъ пожаловать—сюда,—
Его бъ мы приняли, не такъ ли?..
Покойной ночи, господа!

Куплеты произвели настоящій фуроръ и по требованію публики были повторяемы нѣсколько разъ (5).

«Покойная ночь» была третьимъ и послѣднимъ спектаклемъ этого сезона. Приближался великій постъ. Надвигались важныя событія, заставившія позабыть о театрѣ, который, въ противоположность храму Януса, оставался закрытымъ во все остальное время командованія полкомъ Круковскаго. Судьба позаботилась послать драгунамъ иныя развлеченія.

21-го февраля, въ два часа ночи, штабъ-квартира была разбужена барабаннымъ боемъ. Били тревогу. Это было тѣмъ неожиданнѣе, что съ вечера, при довольно сильномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, началъ падать снѣгъ, сначала мокрый и рѣдкій, потомъ частый и сухой, къ ночи онъ усилился, и только передъ разсвѣтомъ тучи разсѣялись и показались звѣзды. Въ такую погоду, когда даже заяцъ оставляетъ явственные слѣды на первой порошѣ, никакъ нельзя было ожидать появленія конной партіи. Поэтому всѣ недоумѣвали, всѣ спрашивали: что такое? въ чемъ дѣло? Кто-то разсказывалъ, что взводъ, ходившій въ ночной разъѣздъ, видѣлъ конную партію человѣкъ въ триста, которая пошла къ Султанъ-Юрту, гдѣ, кромѣ коннаго лазарета, были временныя помѣщенія для семейныхъ нижнихъ чиновъ. Круковскій на своемъ бѣломъ конѣ уже былъ на площади и, несмотря на частый снѣгъ и рѣзкій холодный вѣтеръ, стоялъ неподвижно, какъ конная статуя. Онъ успѣлъ уже отдать всѣ нужныя распоряженія, и молча ожидалъ появленія на площади вызванныхъ имъ на тревогу четырехъ эскадроновъ. Дежурный эскадронъ давно уже поскакалъ въ Султанъ-Юртъ, откуда скоро и послышались частые выстрѣлы. Черезъ десять минутъ выступили и остальные эскадроны; но они пошли не туда, а на мостъ, и взяли направленіе черезъ аулъ Чапчакъ, чтобы отрѣзать непріятелю путь въ горныя ущелья. Круковскій самъ повелъ эскадроны. Ему удалось очень скоро попасть на дорогу, по которой долженъ былъ отступать непріятель. Но онъ уже отступилъ, и черный широкій слѣдъ, оставленный имъ на выпавшемъ снѣгу, вдругъ раздѣлился на множество черныхъ узкихъ дорожекъ, которыя побѣжали

во всѣ стороны. Здѣсь Круковскій остановилъ эскадроны. «По которому изъ нихъ прикажете гнаться», сказалъ онъ, въ сущности ни къ кому не обращаясь. Онъ повернулъ къ горамъ, и на гребнѣ одной изъ нихъ, надъ страшнымъ обрывомъ, остановился ожидать разсвѣта. Сюда же подошелъ и дежурный эскадронъ отъ Султанъ-Юрта. По его словамъ, горцы, кинувшись на редутъ, успѣли ранить часового, но встрѣченные огнемъ инвалидной роты, и заслышавъ со стороны Чиръ-Юрта конскій топотъ, далеко разносившійся въ ночной тишинѣ, тотчасъ прекратили нападеніе и разсѣялись.

Утромъ, при тихой, ясной и морозной погодѣ, всѣ пять эскадроновъ вмѣстѣ возвратились въ свою штабъ-квартиру. Круковскій полагалъ, что появленіе этой партіи не могло быть случайнымъ; и, дѣйствительно, Биръ-Магома въ тотъ же день доставилъ извѣстіе, что Шамиль прибылъ въ Чечню, и что горцы намѣрены произвесть вторженіе въ Кумыкскія владѣнія. Къ выступленію по тревогѣ приготовлены были шесть эскадроновъ, которые должны были скакать на плоскость при первыхъ орудійныхъ выстрѣлахъ со стороны Внезапной или Хасавъ-Юрта ([6]).

Но пока время проходило въ тревожномъ ожиданіи, драгунамъ пришлось у себя дома выдержать борьбу съ новымъ врагомъ, который угрожалъ подрывомъ матеріальному благосостоянію цѣлой Сулакской линіи. Въ одинъ изъ весеннихъ дней имъ пришлось быть свидѣтелями такого явленія, какого они еще никогда не видѣли. Часовъ въ 10 утра солнце при совершенно безоблачномъ небѣ вдругъ стало меркнуть, и скоро по всей окрестности распространился тотъ странный золотистый полусвѣтъ, который бываетъ при солнечныхъ затменіяхъ. Но затменія не было. На востокѣ просто показалась туча, цвѣтомъ своимъ напоминавшая цвѣтъ поблекшей или выгорѣвшей отъ лѣтняго зноя травы. Туча была не шире обыкновенныхъ, но конецъ ея терялся въ туманной дали къ сторонѣ моря. Она неслась, не разрываясь, сплошною массой, прямо на Сулакъ, и когда вступила въ четырехъ-верстное пространство, отдѣлявшее Султанъ-Юртъ отъ Чиръ-Юрта, тогда-то и началось затменіе. Полетъ ея сопровождался шумомъ, имѣвшимъ нѣкоторое сходство съ тѣмъ шумомъ, который отдается въ ушахъ послѣ болѣзненной долгой безсонницы. «Саранча летитъ, саранча летитъ!» раздалось со всѣхъ сторонъ. Поднялась тревога, на которую сбѣжались всѣ, и войска, и жители, и взрослые, и дѣти. Больше всѣхъ суетился капитанъ Яневичъ, который

первый развелъ огороды на низменной береговой полосѣ Сулака, и которымъ теперь угрожала гибель. Высланы были пѣсенники отъ всѣхъ эскадроновъ, всѣ трубачи, музыканты, барабанщики. Отдано было приказаніе производить шумъ, какъ можно болѣе шума. Только этимъ и можно было выпроводить непріятную гостью, которая очень пуглива и не любитъ садиться тамъ, гдѣ ей мѣшаютъ. Началась адская музыка, аккомпанируемая пальбой изъ пистолетовъ и ружей. Побѣда осталась за человѣкомъ. Къ вечеру страшный бичъ былъ уже на той сторонѣ Сулака, и можно было надѣяться, что больше не вернется. такъ какъ въ это время года вѣтеръ начинаетъ дуть съ моря. На другой день явленіе, однакоже, повторилось. Новыя полчища саранчи нахлынули на плоскость и тянулись до самаго вечера, не смѣя опуститься, такъ какъ овацiи, устроенныя ей, были еще шумнѣе, чѣмъ наканунѣ. На третій день пронесся арьергардъ ея, и послѣдніе ряды перелетѣли на Кумыкскую плоскость около четырехъ часовъ пополудни. Чѣмъ она питалась, прежде нежели рѣшилась предпринять свое далекое путешествіе, объ этомъ узнали отъ команды охотниковъ, посланной за нѣсколько дней передъ тѣмъ осмотрѣть полковые покосы. Весь молодой камышъ, на протяженіи почти 15 верстъ между Озенью и мѣстными угодьями Нижегородскаго полка, былъ уничтоженъ до корня (7).

Общее ожиданіе тревоги, саранча, слухъ о приближающейся откуда-то холерѣ, и, наконецъ, цынга, появившаяся въ русскихъ эскадронахъ, не успѣвшихъ еще аклиматизироваться въ Сулакской долинѣ—вотъ что принесла съ собою весна 1847 года. Къ этому прибавилась еще одна домашняя катастрофа.

5-го марта, часу въ седьмомъ утра, когда Круковскій по обыкновенію собирался выйти изъ дома, въ передней послышались торопливые шаги, и въ комнату вошелъ прапорщикъ Покатиловъ,—молодой офицеръ, котораго въ полку всѣ называли «шарикомъ» за его маленькую, кругленькую, подвижную фигурку. Его пріятное, всегда беззаботное и добродушное лицо было на этотъ разъ блѣдно и носило печать душевной скорби. «Что съ вами, Покатиловъ?» невольно вырвалось у Круковскаго.— «Со мною случилось большое несчастіе, Феликсъ Антоновичъ», отвѣчалъ Покатиловъ: «я убилъ Щепановскаго». Круковскій даже снялъ фуражку. На угрюмомъ лицѣ его, всегда сохранявшемъ одно и то же выраженіе, никогда нельзя было прочесть, что происходило у него на душѣ. Но

когда онъ былъ взволнованъ, онъ прежде всего снималъ фуражку. «Опять дуэль», проговорилъ онъ задумчиво, и прошелся по комнатѣ.— «Оставьте, Покатиловъ, вашу шашку и ступайте домой. Первую дуэль я скрылъ, но вторую скрыть не могу».

Ссора между двумя офицерами произошла наканунѣ въ Старой слободкѣ, за картами. Вызовъ сдѣланъ Покатиловымъ. Прапорщикъ Щепановскій былъ также молодой офицеръ, высокій, стройный, съ красивою наружностью и изящными манерами. Дуэль назначена была на слѣдующее утро, и секундантами выбраны были поручикъ Шангирей и прапорщикъ Филимоновъ. У Щепановскаго не было лошади, но ему одолжилъ свою штабсъ-капитанъ Петровъ, къ которому онъ зашелъ за этимъ поутру. Пока сѣдлали лошадь, Щепановскій снялъ со стѣны зеркало и сталъ оправляться; зеркало вырвалось у него изъ рукъ и разбилось въ дребезги. Петровъ сознавался впослѣдствіи, что онъ не суевѣренъ, но когда услышалъ звонъ разбитаго зеркала, то самъ не можетъ объяснить себѣ почему вздрогнулъ и невольно подумалъ: не вернуться ему въ штабъ-квартиру.

Было безъ четверти шесть часовъ утра, когда противники сошлись возлѣ кургана, стоявшаго саженяхъ въ двухстахъ за конюшнями третьяго дивизіона. Небо было ясно, но съ кумыкской плоскости дулъ холодный вѣтеръ, приподнимавшій небольшія облака пыли, которыя, почти не передвигаясь, тутъ же ложились на мѣстѣ. Щепановскій стрѣлялъ первымъ. Покатиловъ стоялъ къ нему полуоборотомъ, и пуля попала въ указательный палецъ лѣвой руки, которую онъ держалъ за спиною. Покатиловъ тряхнулъ раненою рукой и, обратясь къ Щепановскому, проговорилъ: «Не я, вы меня оскорбили, Щепановскій. Прошу васъ, извинитесь, и все будетъ кончено».—Стрѣляйте! отвѣчалъ Щепановскій. Покатиловъ поднялъ пистолетъ—и пуля попала прямо въ лобъ Щепановскому. Онъ упалъ, какъ подкошенный. Секунданты бросились къ нему на помощь, но сердце Щепановскаго послѣ нѣсколькихъ слабыхъ ударовъ остановилось. Онъ былъ убитъ наповалъ. Никто не ожидалъ подобной кровавой развязки. Дистанція въ 25 шаговъ, на которой настоялъ Шангирей, казалось, гарантировала трагическій исходъ поединка. Но въ поединокъ очевидно вмѣшалось Провидѣніе. Замѣчательна аналогія между второю и первою дуэлью, жертвой которой сдѣлался Яковлевъ. Яковлевъ былъ охотникъ и стрѣлокъ, равнаго которому не было на всей

Сулакской линіи, кромѣ, можетъ быть, Зенкевича; а между тѣмъ на дуэли онъ сдѣлалъ промахъ и поплатился жизнью. Щепановскій также славился искусствомъ въ стрѣльбѣ, тогда какъ его противникъ, Покатиловъ, также какъ и противникъ Яковлева—Тутолминъ, никогда не бралъ въ руки пистолета.

Донесеніе о второй дуэли пошло офиціальнымъ порядкомъ. Виновные въ ней, Покатиловъ и оба секунданта, преданы были суду и впредь до окончанія дѣла отправлены въ Петровскъ, гдѣ содержались въ крѣпости. Намѣстникъ, по несчастію, расходился съ большинствомъ во взглядахъ на дуэль, и подсудимыхъ ожидала суровая кара. Но каково же было удивленіе и самихъ подсудимыхъ, и всего кавказскаго корпуса, когда прочли сентенцію, что виновнымъ вмѣняется въ наказаніе арестъ, и больше ничего. Больше всѣхъ радовался Круковскій. «Понять не могу, что сдѣлалось съ нашимъ намѣстникомъ», говорилъ онъ.

А съ намѣстникомъ вотъ что сдѣлалось. Онъ получилъ изъ Чиръ-Юрта письмо, въ которомъ говорилось о боевыхъ заслугахъ подсудимыхъ, о ихъ примѣрномъ поведеніи, высокой нравственности и прекрасномъ образованіи, о незамѣнимой потерѣ для полка въ лицѣ подсудимыхъ, если съ ними поступлено будетъ по всей строгости закона, или даже если они будутъ исключены изъ списковъ полка при менѣе суровыхъ условіяхъ. Тотъ, кто написалъ это письмо, просилъ намѣстника въ награду за всѣ его прежнія заслуги, за тѣ, которыя онъ еще надѣялся оказать въ будущемъ, даровать молодымъ офицерамъ прощеніе, вмѣнивъ имъ въ наказаніе только арестъ. Письмо это подписано было тѣмъ самымъ лицомъ, которое, раздѣляя общее удивленіе, не знало, «что сдѣлалось съ нашимъ намѣстникомъ». Главнокомандующій видѣлъ, что «Баярдъ», какъ онъ называлъ Круковскаго, заходитъ слишкомъ далеко въ своихъ похвалахъ, что въ лицѣ трехъ молодыхъ офицеровъ Нижегородскій полкъ, конечно, не могъ понести потери, которая была бы не вознаградима; но тѣмъ не менѣе, тронутый его энергическимъ заступничествомъ, утвердилъ его приговоръ. «Нельзя отказать этому человѣку», сказалъ онъ, указывая на лежавшее передъ нимъ письмо, «нельзя отказать, потому что для себя онъ никогда ничего не проситъ» (8).

Пасха въ 1847 году была встрѣчена драгунами далеко не такъ, какъ въ былыя времена на Алазани. Вотъ уже три года сряду торжественность этого великаго христіанскаго праздника нарушалась разными не-

благопріятными обстоятельствами: въ 1845 году—разрывъ между полкомъ и полковымъ командиромъ и присутствіе въ штабъ-квартирѣ жандармскаго генерала; въ 1846 году—разставанье съ дорогимъ пепелищемъ и приготовленія къ походу; въ 1847—трагическая смерть одного изъ членовъ полковой семьи. Черезъ двѣ недѣли послѣ похороннаго марша и трехъ ружейныхъ залповъ, которыми отдана была честь останкамъ безвременно погибшаго офицера, раздался благовѣстъ Свѣтлаго Воскресенія.

Чиръ-Юртская слободка. Домъ капитана Гончарова.

Аулъ Гергебиль.

V.

Гергебиль и Салты.

(1847 г.).

Посѣщеніе Чиръ-Юрта княземъ Воронцовымъ.—Выборъ изъ полка людей въ гвардію.—2-й дивизіонъ конвоируетъ намѣстника въ Дагестанскій отрядъ.—Походъ къ Гергебилю.—Рекогносцировка крѣпости и роковыя послѣдствія ея—холера въ русскомъ лагерѣ.—Неудачный штурмъ Гергебиля.—Отступленіе отряда.—Переходъ драгунъ изъ Дагестанскаго въ Самурскій отрядъ.—Стоянка на Турчидагѣ.—Аулъ Салты и его значеніе для Южнаго Дагестана.—Участіе драгунъ въ пораженіи вспомогательнаго непріятельскаго отряда на Кегерскихъ высотахъ.—Занятіе садовъ и тѣсная блокада крѣпости.—Нижегородскіе охотники на штурмѣ Салтовъ.—Поручикъ Вердеревскій.—Паденіе крѣпости.—Награды.—Солдатская пѣсня, какъ памятникъ Салтинскаго похода.

22-го марта на томъ берегу Сулака противъ Чиръ-Юрта показалась огромная масса кавалеріи русской и туземной; за нею шелъ батальонъ пѣхоты съ артиллеріею. Вѣтеръ неистово трепалъ значки, приподни-

малъ гривы лошадей, и далеко относилъ назадъ облака пыли, выбивавшіяся изъ-подъ копытъ. Чиръ-Юртъ въ первый разъ готовился принять у себя главнокомандующаго. Проѣздомъ въ Дагестанъ, гдѣ предпринималась осада Гергебиля, князь Воронцовъ обѣщалъ посѣтить штабъ-квартиру Нижегородскаго полка, и, вѣрный своему маршруту, спускался теперь съ Кумыкской плоскости. Круковскій стоялъ уже передъ фасадомъ своего дома въ полной парадной формѣ, съ подзорную трубою въ рукахъ. Почетный караулъ, ординарцы и всѣ наличные офицеры выстроились также возлѣ дома полкового командира, лицомъ къ дорогѣ, на которую долженъ былъ подняться поѣздъ. Намѣстникъ переѣзжалъ еще плашкоутный мостъ, любуясь его грандіознымъ сооруженіемъ, а ужъ мундиры, въ которыхъ вышли встрѣчать его Нижегородцы, за полчаса новые, съ иголочки, казались старыми и сильно поношенными. Лица у всѣхъ также были грязныя. Пыль никого и ничего не щадила. Она первая привѣтствовала и высокаго посѣтителя, какъ только онъ показался на площадкѣ, обдавъ и его, и его свиту густымъ, дымчатаго цвѣта облакомъ. Князь Воронцовъ принялъ рапортъ отъ Круковскаго, и, молча, передъ всѣми обнялъ его; съ почетнымъ карауломъ онъ поздоровался, и при этомъ набралъ въ ротъ столько же песку, сколько и драгуны, когда отвѣчали на привѣтствіе. Съ офицерами онъ обошелся нѣсколько холодно и никому не подалъ руки: онъ еще не простилъ имъ недавней дуэли.

Утромъ 23-го мая, въ то раннее время, когда вѣтеръ не затянулъ еще своей тоскливой пѣсни, и надъ штабъ-квартирой стояла прозрачная, какъ горный хрусталь, атмосфера, на полковомъ плацу показалась украшенная сѣдинами, высокая и стройная фигура главнокомандующаго. На немъ былъ длинный до пятъ сюртукъ съ чернымъ воротникомъ и золотымъ эксельбантомъ; черезъ плечо на простомъ ремнѣ перекинута была шашка; на шеѣ висѣлъ большой Георгіевскій крестъ. Его сопровождала огромная свита; здѣсь были всѣ тогдашнія свѣтила Кавказа: генералъ Коцебу, князь Бебутовъ, князь Аргутинскій, генералъ Фрейтагъ, шамхалъ Тарковскій съ своимъ наслѣдникомъ, множество гвардейскихъ офицеровъ, и еще болѣе кумыкскихъ князей, среди которыхъ выдавался своею фигурой, непомѣрно тучный, едва передвигавшій ноги князь Селимъ Казанолиповъ, настоящій хозяинъ присулакской долины. Наканунѣ главнокомандующій весь день занимался дѣлами, и теперь вышелъ на площадь только посмотрѣть людей, предназначенныхъ изъ Нижегород-

скаго полка къ переводу въ гвардію. Это былъ первый опытъ пополненія гвардіи георгіевскими кавалерами, которыхъ въ то продолжительно мирное время только и можно было получать изъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, гдѣ геройскіе подвиги никогда не переводились. Отъ Нижегородскаго полка также потребовано было 22 человѣка. Круковскій назначилъ большую часть кутишинскихъ кавалеровъ, такъ какъ изъ старыхъ драгунъ, получившихъ кресты на Лезгинской линіи, только немногіе удовлетворяли требованіямъ гвардейской службы. Всѣ они, безъ сомнѣнія, были люди храбрые, но люди, созданные войною, и для Михайловскаго манежа и Царицына луга они не годились; одни изъ нихъ не подходили ростомъ, другіе лѣтами, третьи наружностью, которая какъ нельзя болѣе оправдывала на этотъ разъ пословицу, что наружность бываетъ обманчива. Когда князь Воронцовъ приблизился къ фронту и увидѣлъ 22 отборныхъ молодца, красавца въ красавца, на которыхъ все такъ и горѣло и сверкало подъ лучами яркаго солнца, онъ взялъ за руку своего угрюмаго Баярда и сказалъ ему: «Я не ожидалъ найти то, что вижу; на вашемъ мѣстѣ, кажется, я самъ не поступилъ бы такъ добросовѣстно. Можно ли разстаться съ такими молодцами». Эскадроннымъ командирамъ онъ опять не сказалъ ни слова (1).

Въ тотъ же день, въ девять часовъ утра главнокомандующій выѣхалъ изъ Чиръ-Юрта въ Темиръ-Ханъ-Шуру, и вмѣстѣ съ нимъ выступилъ изъ штабъ-квартиры 2-й дивизіонъ, маіора Дитмара, назначенный въ составъ Дагестанскаго отряда.

Въ числѣ стратегическихъ пунктовъ, на которые Шамиль опирался при вторженіи въ наши предѣлы, едва ли не самое видное мѣсто занималъ Гергебиль, потерянный нами въ 1843 году. Природа много сдѣлала для его обороны, а Шамиль довершилъ его неприступность усиленными фортификаціонными работами. Воронцовъ, понимая значеніе Гергебиля, еще въ сентябрѣ 1846 года, когда Хаджи-Мурат осматривалъ мѣстность по лѣвому берегу Койсу, высказалъ мнѣніе, что слѣдовало бы, не теряя времени, захватить Гергебиль въ свои руки и въ немъ утвердиться; но Бебутовъ, постоянно сѣтовавшій на малочисленность дагестанскаго отряда, нашелъ предположеніе это слишкомъ рискованнымъ, не соотвѣтствовавшимъ его военнымъ средствамъ, и мысль о занятіи Гергебиля была оставлена до слѣдующаго 1847 года. Шамиль не потерялъ этого времени даромъ. Онъ точно подслушалъ мысль главнокомандующаго, и

девять мѣсяцевъ употребилъ на то, чтобы обратить Гергебиль въ такую твердыню, о которую должны были сокрушиться соединенныя усилія двухъ отрядовъ Самурскаго и Дагестанскаго.

25-го мая главнокомандующій, сопровождаемый отъ самаго Чиръ-Юрта 2-мъ дивизіономъ Нижегородскаго полка, прибылъ въ селеніе Хаджалъ-Махи, гдѣ, на пути къ Гергебилю, собранъ былъ весь Дагестанскій отрядъ князя Бебутова; Самурскій—къ этому времени тоже спустился съ Турчидага, и 2-го іюня Гергебиль обложенъ былъ съ двухъ сторонъ. Аулъ, лѣпившійся амфитеатромъ по крутому утесу, тамъ, гдѣ сливаются двѣ горныя рѣки, Кара и Казикумыкское Койсу, былъ весь передъ нами,—и войска съ любопытствомъ и недоумѣніемъ смотрѣли на грозную крѣпость, къ которой, казалось, не было подступа ни съ какой стороны. Даже драгуны, ходившіе на рекогносцировку, съ начальникомъ главнаго штаба, открыли только большой непріятельскій лагерь, стоявшій не подалеку у д. Кикуны, но больше ничего узнать не могли, такъ какъ массивная стѣна, окружавшая аулъ, заслоняла его отъ постороннихъ глазъ и мѣшала видѣть, что происходитъ внутри его, и какія приспособленія еще дѣлаются гарнизономъ для своей обороны. Такимъ образомъ два дня, проведенные подъ Гергебилемъ, не обогатили насъ новыми свѣдѣніями, а между тѣмъ кавалерія, рекогносцировавшая въ мѣстахъ, уже зараженныхъ эпидеміею, занесла ее въ лагерь, и первые признаки холеры обнаружились именно между драгунами: заболѣлъ самъ командиръ дивизіона маіоръ Дитмаръ, а за нимъ 35 человѣкъ нижнихъ чиновъ; трое изъ нихъ умерли (2), остальныхъ успѣли отходить какими-то каплями, состоявшими изъ смѣси спирта, нашатыря, селитры, перца, острой водки, уксуса, бѣлой нефти, деревяннаго масла и перечной мяты. Эти капли назывались почему-то Воронежскими и были рекомендованы войскамъ, какъ единственное въ то время противохолерное средство (3).

Эпидемія, и появленіе непріятельскаго лагеря, въ которомъ предполагали присутствіе самого Шамиля, заставили главнокомандующаго ускорить развязку съ Гергебилемъ, и 4-го іюня, послѣ двухдневнаго, усиленнаго бомбардированія, назначенъ былъ штурмъ. Драгуны въ немъ не участвовали. Выдвинутые на лѣвый берегъ казикумыкскаго Койсу, они наблюдали дорогу въ Кикуны, откуда могъ появиться Шамиль; но Шамиль и не думалъ выступать изъ лагеря,—гергебильскій гарнизонъ, стойкій и фанатически-храбрый, одинъ отразилъ нападеніе русскихъ и

заставилъ ихъ отступить съ огромною, почти неслыханною потерею. Только на слѣдующій день, возвратившись въ лагерь, драгуны узнали, что происходило за тѣми стѣнами, на которыя они съ нѣмымъ любопытствомъ смотрѣли четыре-пять дней тому назадъ, когда еще не начиналась осада. Очевидцы разсказывали, что войска, врываясь въ крѣпость, встрѣчали цѣлый рядъ такихъ засадъ и капкановъ, о которыхъ у насъ не имѣли никакого представленія: то натыкались они на огонь подземныхъ казематовъ, то попадали въ волчьи ямы, гдѣ исчезали безслѣдно, то, вскакивая на сакли, проваливались сквозь ихъ фальшивыя крыши, слегка лишь забранныя хворостомъ, внизъ, прямо на кинжалы мюридовъ, встрѣчавшихъ ихъ адскимъ хохотомъ. Два раза войска бросались на приступъ, и два раза, испытывая одну и ту же неудачу, отступали, устилая путь своими тѣлами. Довольно сказать, что штурмовая колонна, въ составѣ 1000 штыковъ, оставила въ стѣнахъ Гергебиля до шестисотъ нижнихъ чиновъ и 36 офицеровъ. Изъ числа Нижегородцевъ участвовали въ этомъ кровавомъ бою только поручикъ Александровскій и юнкеръ графъ Старжинскій, находившіеся ординарцами при князѣ Бебутовѣ, да трое разжалованныхъ: унтеръ-офицеръ Монруа и рядовые Бруновъ и Астафьевъ, которымъ хотѣли предоставить случай къ отличіямъ. Всѣ они находились въ охотникахъ, и всѣ пятеро вернулись невредимыми. Александровскій получилъ орденъ св. Анны 4 ст. на шашку, Старжинскій и Монруа произведены въ прапорщики, а Бруновъ и Астафьевъ—въ унтеръ-офицеры (4).

Осада Гергебиля была затѣмъ снята, и войска раздѣлились. Дагестанскій отрядъ вернулся въ Хаджалъ-Махи; Самурскій, въ составъ котораго поступилъ и дивизіонъ Нижегородскаго полка, поднялся опять на Турчидагъ, чтобы продолжать военныя дѣйствія въ Южномъ Дагестанѣ. Тамъ, въ числѣ непріятельскихъ ауловъ, сторожившихъ выходы изъ горныхъ тѣснинъ, которыми обыкновенно пользовались горцы для своихъ нападеній, находился большой и многолюдный аулъ Салты, имѣвшій то же значеніе для Дагестана Южнаго, какъ Гергебиль для Сѣвернаго. Онъ былъ укрѣпленъ не хуже, если не лучше послѣдняго, и круглыя башни его массивныхъ каменныхъ стѣнъ грозно смотрѣли своими амбразурами прямо на Цудахаръ—эти ворота въ Даргинскій округъ, взломанныя непріятелемъ при вторженіи въ Акжису еще осенью 1846 года. Овладѣть этимъ крѣпкимъ гнѣздомъ, откуда разливался мятежъ по всему

Казикумыку, Койтагу и Табасарани—вотъ цѣль, поставленная княземъ Воронцовымъ во второй половинѣ похода 1847 года.

Шамиль зналъ о намѣреніи русскихъ и давно уже послалъ въ Салты знаменитаго Кибитъ-Магому, одного изъ своихъ лучшихъ сподвижниковъ. Со всего Дагестана собирались туда же самые храбрые, вѣрные, испытанные мюриды, и, можно сказать, не было общества, не было почти ни одного аула въ непокорныхъ горахъ, которые не имѣли бы своихъ представителей въ салтинскомъ гарнизонѣ. Съ своей стороны и мы, наученные гергебильскимъ опытомъ, собирали достаточныя силы и, главное, послали въ Шуру за тяжелою артиллеріею, чтобы покорить Салты не штурмомъ, а правильною систематическою осадою.

Пока дѣлались приготовленія, войска, расположенныя на Турчидагѣ, отдыхали и занимались только легкими строевыми ученьями. Самъ Воронцовъ жилъ въ лагерѣ, и время отъ времени производилъ смотры, служившіе для всѣхъ развлеченіемъ въ однообразно-мирной лагерной жизни. 14-го іюля онъ сдѣлалъ небольшое конное ученье и Нижегородскому дивизіону, выразивъ при этомъ особую благодарность маіору Дитмару за прекрасное состояніе людей и лошадей, несмотря на трудности, перенесенныя подъ Гергебилемъ ([5]). Турчидагъ, несмотря на холодные туманы, вѣчно закутывавшіе его вершину, служилъ превосходной санитарной стоянкой, и болѣзненности въ войскахъ почти не было; даже исчезла холера—она пошла собирать дань съ Шамхальской равнины. Кругомъ лагеря царило полное спокойствіе, и можно было бы даже забыть, что войска стоятъ въ Дагестанѣ, у самаго кратера вулкана, если бы не перестрѣлки въ отдѣльныхъ командахъ, которыя спускались внизъ за дровами или хворостомъ. Такъ прошло болѣе мѣсяца. Наконецъ всѣ приготовленія были окончены, снаряды подвезены, и войска, спустившись съ Турчидага, 25-го іюля стали подъ Салтами.

Съ этого дня начинается бомбардированіе аула. Подъ его покровительствомъ осадныя работы, руководимыя инженеръ-подполковникомъ Кеслеромъ, быстро идутъ впередъ и сжимаютъ аулъ все тѣснѣе и крѣпче. Горцы напрягаютъ всѣ силы, чтобы помѣшать нашимъ работамъ,—и вылазка слѣдуетъ за вылазкою; а между тѣмъ на помощь къ Салтамъ подходятъ и шамилевскіе наибы. Расположившись на сосѣднихъ горахъ, они обстрѣливаютъ наши траншеи, мѣшаютъ фуражировкамъ, помогаютъ вылазкамъ гарнизона, и посылаютъ ему смѣны и подкрѣпленія. При та-

Салтинскій мостъ.

кихъ условіяхъ осада могла затянуться надолго, и князь Воронцовъ, оставя половину войскъ подъ Салтами, съ остальными обратился на непріятельскіе секурсы.

Въ ночь съ 6-го на 7-е августа шесть батальоновъ пѣхоты, дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ и конная милиція скрытно выступили къ Кегерскимъ высотамъ, гдѣ стояли лагеремъ Хаджи-Муратъ, Даніель-бекъ и Кибитъ-Магома. Непріятеля захватили врасплохъ. Поражаемые сильнымъ огнемъ артиллеріи и видя стремительное наступленіе пѣхоты, горцы обратились въ бѣгство, торопясь какъ можно скорѣе достигнуть Ходатлинскаго моста, съ потерею котораго они теряли и послѣдній путь отступленія за казикумыкское Койсу. Но передъ мостомъ уже стояла наша милиція. Тогда Хаджи-Муратъ ринулся въ шашки, чтобы пробить себѣ дорогу оружіемъ, а въ этотъ моментъ съ тыла налетѣли на него драгуны—и пошла безпощадная рубка. Отбитые отъ моста, горцы ринулись внизъ прямо съ обрыва и поплатились за это сотнями жизней. Спуститься за ними къ рѣкѣ, въ глубину 750 футовъ, было слишкомъ рисковано, и драгуны, спѣшившись, принялись поражать горцевъ сверху пулями и камнями; то же самое сдѣлала съ другой стороны и часть пѣхоты, успѣвшая перейти Ходатлинскій мостъ. Пораженіе трехъ соединенныхъ наибовъ и огромная потеря ихъ до того поразили Абакаръ-Дебира, стоявшаго съ другою партіей на гребнѣ Купинскихъ высотъ, что когда 9-го августа передъ его позиціей появились драгуны, онъ отступилъ съ такою поспѣшностью, что только небольшой части милиціи удалось проводить его ружейнымъ огнемъ и ракетами (6).

Событія этихъ двухъ дней не могли не имѣть важнаго значенія въ ходѣ Салтинской осады, и тѣмъ не менѣе стойкость салтинскаго гарнизона была такъ поразительна, что изумляла даже испытанныхъ нашихъ вождей. Повторялись ахульгинскіе кровавые дни. Русскія батареи громили аулъ,—горцы поражали наши траншеи безпрерывнымъ ружейнымъ огнемъ; мы вели мины—горцы отвѣчали контръ-минами, и настолько удачно, что иногда взрывали наши камуфлеты или разрушали галлереи. Изо дня въ день, какъ только тяжелыя орудія начинали засыпать аулъ своими снарядами, въ немъ происходило ужасное разрушеніе: каменныя сакли разбрасывались, стѣны падали, башни рушились, но горцы и не помышляли о сдачѣ. Тогда главнокомандующій рѣшилъ стѣснить блокаду уже до предѣловъ крайней возможности. Но чтобы охватить Салты

желѣзнымъ кольцомъ, необходимо было овладѣть садами, находившимися въ тылу укрѣпленій. Это сады составляли ключъ позиціи, и такъ какъ занятіе ихъ должно было неизбѣжно повлечь за собою паденіе аула, то можно было заранѣе предвидѣть, что бой за нихъ будетъ жестокій. И, дѣйствительно, такой кровавой ночи, какъ ночь съ 22 на 23-е августа, въ этотъ періодъ кавказской войны болѣе не было. Едва густыя сумерки окутали салтинскіе сады, какъ загорѣлся бой, длившійся уже до самаго разсвѣта. Сады были заняты, но это стоило намъ 15 офицеровъ и болѣе трехсотъ нижнихъ чиновъ, т. е. большей половины высланнаго отряда. Здѣсь въ числѣ другихъ храбрецовъ нашелъ геройскую смерть и подполковникъ Бибановъ—извѣстный защитникъ Низоваго укрѣпленія, разомъ заслужившій за оборону его два чина и георгіевскій крестъ.

Съ занятіемъ садовъ положеніе осажденныхъ становится безвыходнымъ; они остаются безъ воды, которую мы отравили въ источникахъ, и безъ продовольствія, которое не могло уже доставляться къ нимъ извнѣ. Гарнизонъ гибнетъ десятками, сотнями, а между тѣмъ брешь-батареи продолжаютъ свое разрушительное дѣло, осадныя работы идутъ впередъ, и параллельно подвигаются минныя галлереи. Напрасно Хаджи-Муратъ пытался отвлечь наши войска набѣгомъ на Кудали, гдѣ производились фуражировки. Войска по тревогѣ успѣли подойти изъ лагеря, и если Хаджи-Муратъ избѣгъ пораженія, то только потому, что драгуны, посланные въ обходъ, на этотъ разъ опоздали. Имъ пришлось взбираться на Кудалинскія высоты безъ дорогъ, по такимъ тропамъ, по которымъ можно было двигаться только въ одиночку; и когда они, наконецъ, выбрались на чистое мѣсто, Хаджи-Муратъ уже ушелъ, и преслѣдовать его было безполезно (7).

Черезъ три дня послѣ этого, 8-го сентября, едва началась обычная канонада, какъ вдругъ окрестность дрогнула отъ страшнаго подземнаго гула, и все задернулось пеленою дыма: это взлетѣла на воздухъ взорванная нами центральная башня съ прилегавшими къ ней громадными пристройками. Воронцовъ въ ту же ночь рѣшилъ овладѣть наружною оградою аула.

Съ вечера начали готовиться къ штурму. Особая команда охотниковъ, въ которую вошли люди отъ всѣхъ частей,—и въ томъ числѣ отъ Нижегородцевъ, подъ командой прапорщика Вердеревскаго,—ночью заняла передовую траншею, и по сигнальной ракетѣ первая бросилась къ во-

ронкѣ, образованной взрывомъ. Воронка была взята, но охотникамъ пришлось выдержать первый и самый отчаянный натискъ горцевъ. Къ счастію скоро подоспѣли штурмовыя колонны и заняли часть прилегавшей стѣны вмѣстѣ съ оборонительными казармами. Но далѣе войска не могли подвинуться ни шагу: они сами обратились въ осажденный гарнизонъ, и должны были отбивать яростные приступы. Отъ зари до зари длился кровавый бой; рота гибла за ротою; батальоны смѣнялись батальонами, и только одни охотники оставались безсмѣнными. Потери съ нашей стороны были громадны, но войска, превзошедшія, по выраженію Воронцова, самихъ себя въ мужествѣ и стойкости, все-таки отстояли занятую позицію. Главнокомандующій лично произвелъ Вердеревскаго въ поручики, а изъ числа драгунъ пять человѣкъ получили знаки отличія военнаго ордена ([8]).

Съ занятіемъ нами наружной стѣны начинается послѣдній періодъ осады. Теперь наши орудія громили укрѣпленіе почти въ упоръ, и въ цѣломъ аулѣ, можно сказать, не оставалось уже ни одного безопаснаго угла. Невыносимая жара при полной безводицѣ, голодъ, холера, гніеніе непогребенныхъ труповъ, страданія не перевязанныхъ раненыхъ, всѣ ужасы, какіе только можно себѣ представить, сосредоточились въ осажденныхъ Салтахъ—и все-таки не поколебали изумительнаго мужества гарнизона. Терпѣніе его казалось неистощимымъ: горцы готовы были на новыя и новыя предпріятія. Наконецъ, послѣ усиленнаго бомбардированія, длившагося еще нѣсколько дней,—Воронцовъ приказалъ овладѣть ближайшими непріятельскими ложементами и утвердиться въ крайнихъ сакляхъ аула. Опять вызвали охотниковъ, и опять отъ Нижегородскаго полка явился поручикъ Вердеревскій съ своею командой.

Штурмъ начался на разсвѣтѣ 14-го сентября. Охотники по условному сигналу бросились первые, а за ними ворвались Самурскій и Дагестанскій батальоны. Кровавый бой начался въ салтинскихъ улицахъ, представлявшихъ собою однѣ развалины; но эти, облитыя кровью, развалины непріятель отстаивалъ шагъ за шагомъ съ такимъ упорствомъ, что день уже сталъ склоняться къ закату, а мы еще не овладѣли и половиною аула. Самъ князь Аргутинскій былъ раненъ; потери въ войскахъ росли непомѣрно; изъ семи офицеровъ, бывшихъ съ охотниками, пятеро были убиты и въ живыхъ остались только поручикъ Вердеревскій и подпоручикъ Манучаровъ, изъ которыхъ первый, какъ старшій, принялъ

команду надъ всѣми охотниками. Между тѣмъ наступила ночь, и войска остались ночевать на занятыхъ позиціяхъ.

Салты еще держались, и оставалось вполнѣ гадательнымъ—возьмутъ ли ихъ на слѣдующій день, такъ какъ начальникъ Салтинскаго гарнизона Умаръ-Дебиръ далъ клятву умереть на ихъ развалинахъ. Но пока мюриды подъ его руководствомъ возводили послѣдній редюитъ на высокомъ курганѣ, лежавшемъ посреди аула,—въ Салтахъ уже шли совѣщанія между остальными наибами о безполезности дальнѣйшей обороны. Они не хотѣли умирать напрасно, и въ самую полночь, не слушая уже приказаній Умара, стали выходить изъ аула. Отступленіе ихъ, однако, было замѣчено, войска ринулись въ погоню, и только не многимъ изъ геройскихъ салтинскихъ защитниковъ удалось пробиться изъ крѣпости. Салтинская пушка и знамя Умара остались въ рукахъ преслѣдующихъ войскъ.

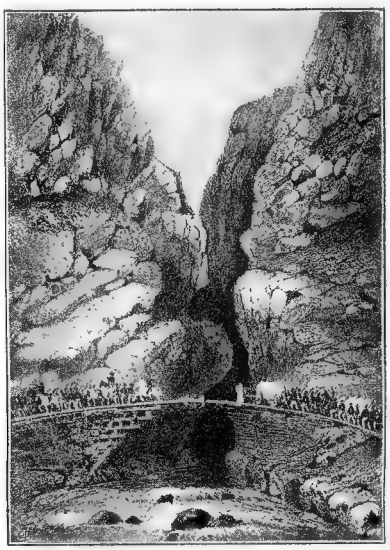
Салты пали, но пятидесятидвухдневная осада ихъ стоила намъ ста офицеровъ и болѣе двухъ тысячъ нижнихъ чиновъ.

Вотъ какую пѣсню сложили о Салтахъ наши солдаты:

Полетѣлъ орелъ двуглавый
Къ непокорнымъ племенамъ,
И покрылся новой славой
Онъ на страхъ своимъ врагамъ.
Разгромилъ чеченцевъ злобныхъ
Удалой князь Воронцовъ,
И разсѣялъ непокорныхъ
Нашей родины враговъ.
Отъ руки его могучей
Пали Салты—не спаслись,
Хоть чеченцы туча тучей
Защищать ихъ собрались.
Мощною рукой героя
Прогнанъ врагъ до дальнихъ странъ,
И очищенъ отъ разбоя
Буйный южный Дагестанъ.
Счастливъ тотъ, кто въ вихрѣ боя
На пирушкѣ громовой
Славной смертью палъ героя
За царя и край родной.

За послѣдній штурмъ поручикъ Вердеревскій удостоенъ былъ ордена св. Георгія 4 степени; изъ числа его охотниковъ унтеръ-офицеры Василій Андреевъ и Александръ Ивановскій произведены въ офицеры, а остальнымъ пожаловано 7 знаковъ отличія военнаго ордена (9).

Такъ закончилось участіе Нижегородскаго дивизіона въ трудныхъ походахъ 1847 года.



Мостъ на Кара-Койсу подъ Салтами.

Міатлинскій бродъ на Сулакѣ.

VI.

Въ Чиръ-Юртѣ между двумя экспедиціями.

(1847—1848 гг.).

Холера въ Чиръ-Юртѣ и борьба съ нею Круковскаго.—Жертвы, похищенныя эпидеміей, въ Нижегородскомъ полку.—Выступленіе своднаго дивизіона на усиленіе Темиръ-Ханъ-Шуринскаго гарнизона.—Обратный проѣздъ черезъ Чиръ-Юртъ главнокомандующаго.—Подробный осмотръ имъ полковой штабъ-квартиры.—Тревога у Зубута.—Новое административное дѣленіе Дагестана.—Князь Аргутинскій въ роли командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ.—Попытка Шамиля повторить событія 1846 года.—Осада Цудахара.—Участіе въ экспедиціи четырехъ эскадроновъ Нижегородскаго полка.—Зимній походъ въ Вицхинскій горный магалъ.—Суровая зима на Сулакѣ.—Замыслы сосѣднихъ наибовъ.—Блистательное дѣло штабсъ-капитана Петрова на Міатлинской переправѣ 28-го марта 1848 года.—Отзывъ о Петровѣ Круковскаго.—Трагическій случай въ Канчугаѣ.—Странная тревога въ Чиръ-Юртѣ, и охота за гіеной.—Посѣщеніе Чиръ-Юрта княземъ Барятинскимъ.—Пріѣздъ главнокомандующаго весною 1848 года.

Въ то время какъ военныя дѣйствія сосредоточивались въ горахъ Дагестана, и русскія войска переходили отъ кроваваго Гергебильскаго штурма къ еще болѣе кровавой осадѣ Салтовъ,—окрестности штабъ-квартиры пользовались невозмутимымъ спокойствіемъ. Неугомонные наибы Ауха и Салатавіи были въ походѣ, и тревожить Сулакскую линію было

некому. За то ей предстояло испытать другую, не менѣе упорную, но еще болѣе страшную борьбу съ холерой, превращавшей цѣлые города и села въ обширныя кладбища. Она обошла уже Авганистанъ, собрала обильную дань въ Персіи, и, наконецъ, въ началѣ 1848 года появилась въ Сальянахъ. Еще четыре мѣсяца употребила она на свое страшное путешествіе отъ устьевъ Куры до стѣнъ Гергебиля, и отсюда съ первою оказіей была занесена въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Наступило время, когда появленія ея стали ожидать и въ самомъ Чиръ-Юртѣ. Полковникъ Круковскій уже давно приготовился къ встрѣчѣ таинственной гостьи и сдѣлалъ все, что могло ослабить ея губительное дѣйствіе. Его распоряженія, носившія на себѣ печать несомнѣнной энергіи и дѣятельности высоко просвѣщеннаго человѣка, показывали, что онъ стоитъ на высотѣ своей задачи. Чиртъ-Юртъ убрался какъ къ свѣтлому празднику. Все, что хотя немного напоминало собою антисанитарныя условія, такъ свойственныя небольшимъ городкамъ, и въ особенности штабъ-квартирамъ, расположеннымъ неудобно и тѣсно, было устранено. Цѣлыя кучи навоза, мусора и разныхъ отбросковъ сброшены были въ Сулакъ, и унесены имъ въ Каспійское море. На улицахъ и на дворахъ ни соринки. Начисто выбѣленныя казармы и конюшни рѣшительно смотрѣли по праздничному. Офицерамъ и юнкерамъ, сбившимся въ кучу въ однѣхъ и тѣхъ же квартирахъ, Круковскій приказалъ немедленно разселиться, а за недостаткомъ помѣщеній въ Старой слободкѣ перебраться въ Новую. Цѣлая комиссія изъ дежурнаго по полку, младшаго медика и ветеринарнаго врача ежедневно свидѣтельствовала провизію и ходила по кухнямъ, наблюдая за варкою пищи. Всѣ овощи на огородахъ, въ особенности огурцы и дыни, были истреблены; всѣ спиртные напитки, одуряющіе человѣка, изгнаны, и ихъ замѣнила сухарная вода, да крѣпкая перцовка, дававшаяся нижнимъ чинамъ передъ обѣдомъ и ужиномъ. Расходы по тогдашнему были большіе, но Круковскій не останавливался передъ ними тамъ, гдѣ дѣло шло о сохраненіи здоровья его подчиненныхъ. Полковой лазаретъ переведенъ былъ изъ крѣпости въ штабъ-квартиру, и при немъ устроено нѣсколько холерныхъ отдѣленій, до того опрятныхъ, что имъ могла позавидовать любая офицерская квартира. Такимъ образомъ, когда холера пришла, Круковскій встрѣтилъ ее, такъ сказать, во всеоружіи. Первое, на что онъ обратилъ вниманіе—это нравственное состояніе духа нижнихъ чиновъ. Онъ понималъ, что въ

борьбѣ съ эпидеміей бодрость занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду гигіеническихъ мѣръ, и днемъ занималъ эскадроны легкими ученіями, а по вечерамъ, когда стихала буря, на площади играли трубачи и собирались пѣсенники. Кордонная служба, и даже работы по устройству штабъ-квартиры не только не были ослаблены, а напротивъ, усилены, потому что Круковскій видѣлъ въ нихъ средство отвлекать людей отъ мрачныхъ мыслей, такъ легко навѣваемыхъ безпрестанными встрѣчами съ похоронными процессіями. Самъ онъ постоянно былъ на ногахъ, и по нѣскольку разъ въ сутки навѣщалъ лазареты. За то и эпидемія дѣйствовала въ Чиръ-Юртѣ урывками, точно украдкою: выхватитъ двѣ-три жертвы разомъ и затѣмъ на нѣсколько дней затихнетъ. Однажды подобный перерывъ длился цѣлыя двѣ недѣли сряду, такъ что полковой священникъ, полагая, что холера окончилась, предложилъ Круковскому отслужить благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и крестнымъ ходомъ. «Нѣтъ, батюшка, она еще вернется», замѣтилъ на это Круковскій. «Помолитесь-ка лучше, чтобы она скорѣе перебралась къ нашимъ сосѣдямъ». И Круковскій былъ правъ. Холера никуда не уходила изъ Чиръ-Юрта; она только отдыхала, и затѣмъ еще съ большею силой принялась за свою мрачную работу, продолжавшуюся два съ половиною мѣсяца, т. е. до начала осени, когда были поставлены послѣдніе могильные кресты на холерномъ кладбищѣ, и страшная гостья, также какъ и предшествовавшая ей саранча, ушла на Кумыкскую плоскость. Неугомонныя бури, такъ надоѣдавшія въ обыкновенное время, пришлось благословлять въ тяжелые лѣтніе мѣсяцы 1847 года. Онѣ сильно противодѣйствовали развитію эпидеміи. Море также служило незамѣнимымъ вентиляторомъ, и благодаря ему, да энергическимъ разумнымъ мѣрамъ, принятымъ Круковскимъ,—Чиръ-Юртъ не досчитался всего 60 человѣкъ: умеръ одинъ офицеръ, скромный и немолодой уже прапорщикъ Калининъ, 49 строевыхъ драгунъ, и 10 душъ, вырванныхъ ею въ слободкѣ изъ семействъ женатыхъ нижнихъ чиновъ. Къ этимъ жертвамъ нужно прибавить трехъ, умершихъ подъ Гергебилемъ, трехъ въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ госпиталѣ, да впослѣдствіи, когда эпидемія потянулась по линіи, жертвою ея сдѣлался прапорщикъ Ивановъ, въ лицѣ котораго полкъ потерялъ превосходнаго ремонтера (1).

Въ другихъ мѣстахъ холера дѣйствовала гораздо сильнѣе, и жертвы ея насчитывались сотнями. Войска, находившіяся въ Сѣверномъ Даге-

станѣ, доведены были ею до такого минимума, что съ занятіемъ границъ Мехтулинскаго ханства и Даргинскаго округа, въ Шурѣ не осталось ничего для собственной ея защиты, и Бебутовъ принужденъ былъ вызвать туда еще два новые эскадрона драгунъ изъ Чиръ-Юрта. На очереди былъ пикинерный дивизіонъ; но Круковскій признавалъ неудобнымъ, по условіямъ горной войны, высылать однихъ пикинеръ, не имѣвшихъ ружей, и потому принялъ за правило образовывать въ подобныхъ случаяхъ дивизіоны сводные—изъ одного пикинернаго и одного драгунскаго эскадроновъ, подъ командой очередного дивизіонера. Такимъ образомъ на этотъ разъ выступили 5-й и 10-й эскадроны, подъ общимъ начальствомъ маіора Эттингера. Они прибыли въ Шуру 26-го августа и тамъ оставались до окончанія салтинской экспедиціи.

Въ ту же осень, возвращаясь изъ Дагестана, главнокомандующій снова посѣтилъ Чиръ-Юртъ, и на этотъ разъ подробно осмотрѣлъ штабъ-квартиру, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ Воронцовымъ въ горахъ, преобразилась до неузнаваемости. Онъ увидѣлъ полковой лазаретъ, котораго прежде не было. Лазаретъ устроенъ былъ на сто кроватей, и рядомъ съ нимъ помѣщался весь медицинскій персоналъ. Тамъ, гдѣ шли пустыри, теперь стояли цейхгаузы, различныя мастерскія и полковая канцелярія; далѣе намѣстникъ обошелъ большую казарму, въ которой удобно располагалась нестроевая рота, и тутъ же, подъ рукой у нея, находились конюшня для подъемныхъ лошадей и сарай для обоза. Обходя Старую слободку, къ которой успѣлъ уже прибавиться цѣлый кварталъ изъ 40 домовъ, занятыхъ семейными нижними чинами, Воронцовъ съ истиннымъ удовольствіемъ увидѣлъ настоящія русскія бани, выстроенныя заботливостію Круковскаго. Передъ Новой слободкой онъ остановился уже въ совершенномъ изумленіи; онъ помнилъ, что здѣсь стояло нѣсколько домиковъ, а теперь увидѣлъ настоящій редутъ, съ высокимъ валомъ, надъ которымъ гордо возвышалась еще сторожевая каменная башня. И это все возникло въ одно лѣто, при грозныхъ завываніяхъ бури, при страшной холерѣ, когда на остальномъ Кавказѣ работы или пріостановились совсѣмъ, или подвигались исподоволь. Воронцовъ опять молча обнялъ Круковскаго, и, уѣзжая, привѣтливо простился съ офицерами; впечатлѣніе дуэли у него уже изгладилось, и онъ видѣлъ только заслуги ихъ, какъ дѣльныхъ и усердныхъ помощниковъ Круковскаго (2).

Чиръ-Юртъ. Штабъ-квартира Нижегородскаго полка.

Едва проводили намѣстника, какъ 2-го октября орудійный выстрѣлъ съ Міатлинской башни вызвалъ драгунъ на тревогу. Изъ Чиръ-Юрта дежурный эскадронъ леталъ на Хутумбашъ, гдѣ 25 человѣкъ линейнаго батальона наткнулись близъ Зубутувскаго кутана на партію человѣкъ въ 80 и выдержали горячую схватку. Горцы, однако, издали увидѣли знакомую имъ пыль, и не дожидаясь, что именно выкажется передъ ними изъ-за этой пыли, стремглавъ ускакали за Сулакъ ([3]).

Затѣмъ пронесся слухъ о новыхъ сборахъ Шамиля, гдѣ-то на границахъ Казикумыкскаго ханства, и заговорили о зимнемъ походѣ. Надо сказать, что окончаніе салтинскаго похода совпало какъ разъ съ новымъ административнымъ дѣленіемъ Дагестана, который, подъ однимъ общимъ именемъ Прикаспійскаго края, былъ подчиненъ генералъ-лейтенанту князю Аргутинскому. Назначеніе это составляетъ эпоху въ нашихъ дагестанскихъ походахъ, и, надо сказать, что энергическая дѣятельность Аргутинскаго не давала войскамъ долго засиживаться на мѣстѣ. Не успѣли четыре эскадрона Нижегородскаго полка вернуться въ Чиръ-Юртъ, какъ уже другіе четыре эскадрона 28-го октября ушли изъ Чиръ-Юрта въ Шуру. Два изъ нихъ, 2 и 9-й, въ составѣ своднаго дивизіона, подъ командой маіора Тихоцкаго, тотчасъ направлены были въ Дженгутай, гдѣ образовали подвижной кавалерійскій резервъ для охраны Мехтулинскаго ханства, а два другіе, 1 и 6-й, подъ начальствомъ маіора Золотухина, задержаны были въ Шурѣ до разъясненія обстоятельствъ ([4]).

Обстоятельства выясниться не замедлили: Шамиль пошелъ къ Цудахару, очевидно разсчитывая воспользоваться зимою, чтобы повторить событія 46 года, и поднять противъ насъ Акушинское общество. Въ Цудахарѣ стоялъ только одинъ неполный батальонъ Самурскаго полка, и князь Аргутинскій, опасаясь за его участь, тотчасъ приказалъ войскамъ двигаться къ Акушинской границѣ. Выступилъ изъ Шуры и дивизіонъ Золотухина. На горныхъ перевалахъ снѣгъ лежалъ уже по колѣна, и морозы доходили до 15°. Начиналась зимняя экспедиція, составлявшая въ горахъ исключеніе изъ общаго правила.

Цудахаръ, между тѣмъ, напрягалъ послѣднія силы, чтобы удержаться до прибытія къ нему подкрѣпленій. Мюриды заняли нижнія сакли, но не могли подняться на верхнюю террасу, гдѣ, въ глубинѣ аула, оборона представлялась болѣе устойчивой и надежной. Когда драгуны пришли въ Акушу, опасность уже миновала, такъ какъ Шамиль, изумленный бы-

стрымъ сборомъ нашихъ отрядовъ, оставилъ Цудахаръ и бросился въ горные магамы Казикумыкскаго ханства. Аргутинскій рѣшилъ, однако, продолжать наступленіе, и началъ свой знаменитый зимній походъ изъ Акуши въ Вицхинскій магалъ. Трудно описать тѣ ужасы, которые перенесли войска, засыпаемыя въ горахъ снѣговыми мятелями, но если бы они не перенесли ихъ, то мы навѣрное потеряли бы въ Южномъ Дагестанѣ все, что намъ принадлежало. Появленіе русскихъ зимою тамъ, гдѣ даже лѣтомъ не всѣ дороги считались проходимыми, разрушило планы Шамиля и заставило его поспѣшно уйти во свояси. Князь Аргутинскій занялся водвореніемъ порядка въ Казикумыкскомъ ханствѣ, а между тѣмъ, опасаясь, чтобы Шамиль не появился снова въ нашихъ границахъ, поспѣшно отправилъ дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ и два батальона пѣхоты въ Шуру ([5]).

Этимъ закончились военныя дѣйствія 1847 года. Драгунамъ Золотухина не пришлось участвовать въ дѣлѣ, на за то труды, перенесенные ими въ зимнемъ походѣ, составляютъ такой подвигъ, который Нижегородскій полкъ съ гордостію долженъ занести въ свою боевую лѣтопись.

Зима, которая въ 1846 году обошла Сулакскую линію, въ 1847 г. явилась слишкомъ рано. Уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ надъ всею равниной носились холодные туманы. Трудно было представить себѣ, чтобы въ минувшемъ январѣ въ раскрытыхъ окнахъ маленькихъ офицерскихъ домиковъ стояли стаканы съ подснѣжниками и тюльпанами. Теперь эти окна плотно были закрыты, вмѣсто тюльпановъ сквозь нихъ просвѣчивалось пламя топившихся печей, а надъ высокими безобразными трубами поднимались столпы чернаго дыма. Безжизненны были окрестности Чиръ-Юрта, а теперь онѣ казались еще безжизненнѣе. Хубаръ и Андійскія высоты скрылись изъ глазъ, и по цѣлымъ недѣлямъ не выставляли своихъ обнаженныхъ гребней. Даже сосѣдней крѣпости, стоявшей такъ близко на лѣвомъ берегу Сулака, иногда совсѣмъ не было видно, точно она подалась куда-то въ Салатавію, и штабъ-квартира драгунскаго полка казалась одинокой, отрѣзанной отъ остального міра. Единственное, хотя и скудное развлеченіе, остававшееся офицерамъ—поѣздки въ Султанъ-Юртъ, сдѣлались не безопасны: туманъ въ военное время—та же ночь, особенно, когда имѣешь противъ себя противника, который никогда не дремлетъ, и для своихъ покушеній выбираетъ именно тѣ моменты, когда самъ можетъ оставаться почти безнаказаннымъ. Дни замѣтно становились короче;

начинались заморозки, и эскадроны Золотухина вернулись въ Чиръ-Юртъ уже по снѣговой порошѣ. Вмѣстѣ съ ними пришла и настоящая зима въ бѣлой шубѣ, съ узорами на окнахъ и красивыми сталактитами на крышахъ. На этотъ разъ она не просто понавѣдалась на Сулакскую линію, а расположилась здѣсь надолго, и заявила себя такими мятелями,—благо было гдѣ разгуляться имъ на широкомъ пространствѣ Шамхальской равнины,—что можно было вообразить себя скорѣе среди негостепріимныхъ степей Урала и Аму-Дарьи, чѣмъ у скалистыхъ предгорій Дагестана. Она точно злилась, что зашла не въ свои широты. Только Сулакъ какъ будто присмирѣлъ, и мутныя, желтыя волны его съ бѣлыми султанами на гребняхъ, бѣшено проносившіяся мимо штабъ-квартиры въ лѣтніе мѣсяцы, теперь катились медленнѣе, тише, безъ обычнаго шума и грохота. Зима для старыхъ кавказскихъ эскадроновъ была явленіемъ давно невиданнымъ, почти забытымъ. Драгунамъ новыхъ эскадроновъ она напоминала ихъ дорогую родину, съ которою они еще такъ недавно разстались. Но всѣ, и старые и новые эскадроны, встрѣтили ее по-русски—въ теплыхъ полушубкахъ и рукавицахъ. Часовые надѣвали тулупы и кеньги. Это такъ не похоже было на январь мѣсяцъ 1847 года. Круковскій выходилъ изъ дома въ мѣховомъ сюртукѣ, но рупора и подзорной трубы, не смотря ни на какіе морозы, изъ рукъ не выпускалъ. Онъ зналъ, что непріятель нашъ одинаково легко переноситъ и лѣтній зной и зимнюю стужу, и потому день и ночь бодрствовалъ, и дежурная лошадь его никогда не разсѣдлывалась. Но кругомъ все было спокойно. Горцы Салатавіи и Ауха въ зимніе мѣсяцы 1848 г. были отвлечены въ Малую Чечню. Тамъ, далеко отъ Чиръ-Юрта, около Гойты, изо дня въ день гремѣла канонада, и подъ ударами нашихъ топоровъ ложились исполинскіе лѣса, которыми были занавѣшены Сѣверныя покатости Черныхъ горъ. Хорошо было бы, разсуждали въ штабъ-квартирѣ, притянуть къ чеченскому отряду два-три эскадрона драгунъ. Но очередь ихъ была впереди. Они не знали, что тамъ и свою-то неприхотливую казачью кавалерію едва доставало чѣмъ прокормить.

Такъ прошелъ январь мѣсяцъ. Въ первыхъ числахъ февраля командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка выкинулъ такой пассажъ, за который не менѣе трехъ сутокъ продержалъ бы на гаубтвахтѣ любого изъ своихъ офицеровъ. Приказавъ сдѣлать санки, онъ въ одно прекрасное утро отправился въ нихъ одинъ, безъ оказіи и безъ конвоя, въ Те-

миръ-Ханъ-Шуру; даже кучера съ нимъ не было,—никого, кромѣ всегда и вездѣ сопровождавшаго его охотника Зенкевича. На половинѣ дороги, въ одномъ глухомъ ущельи между Кумтеръ-Кале и Капчугаемъ, онъ остановился ночевать. Зенкевичъ долженъ былъ ходить на часахъ и оберегать сонъ Круковскаго до полуночи, а на вторую смѣну, отъ полуночи до разсвѣта долженъ былъ стать на часы Круковскій. Какъ ни клонило Зенкевича ко сну, но онъ пожалѣлъ тревожить отдыхъ своего командира и пропустилъ условленный часъ. Круковскій проснулся самъ, но поздно, когда уже звѣзды, стоявшія съ вечера надъ головой, опустились къ самому краю горизонта, и до разсвѣта было не далеко. Проворно вскочивъ съ охапки сѣна, Круковскій выхватилъ съ сердцемъ ружье изъ рукъ своего спутника, и приказалъ ему тотчасъ же лечь спать, а самъ сталъ на часы. Изъ Темиръ-Ханъ-Шуры Круковскій вернулся на третій день; Зенкевича арестовалъ на недѣлю, и цѣлый мѣсяцъ не позволялъ ему отлучаться на охоту. Зенкевичъ разсказывалъ, что мимо того ущелья, въ которомъ они ночевали, два раза проходили партіи, и ему съ замираніемъ сердца приходилось слѣдить за ихъ направленіемъ. Только тотъ и въ состояніи оцѣнить страшный рискъ, которому подвергался Круковскій, кто сколько-нибудь знакомъ съ обстоятельствами края того времени, и знаетъ мѣстность, по которой пролегала дорога въ Шуру. Отъ главнокомандующаго не укрылась эта смѣлая экскурсія Круковскаго. Онъ очень сердился. «Я бы сдѣлалъ ему выговоръ», сказалъ онъ, «если бы это дошло до меня офиціальнымъ путемъ; онъ бы тогда понялъ по крайней мѣрѣ, что есть предѣлъ храбрости, за который даже Баярдъ переступать не долженъ» (6).

Вскорѣ послѣ этого три молодыхъ офицера Нижегородскаго полка, отправившись поохотиться на лѣвомъ берегу Сулака, обогнули чиръюртскую крѣпость и повернули къ ущелью, гдѣ всегда стояли непріятельскіе пикеты. На встрѣчу имъ тотчасъ выѣхала конная партія. Замѣтивъ малочисленность русскихъ, горцы гикнули и осыпали ихъ ружейными пулями. Офицеры повернули назадъ и ускакали. Круковскій въ подзорную трубу видѣлъ всю эту сцену, и когда молодые джигиты вернулись въ штабъ-квартиру, потребовалъ ихъ къ себѣ, прочелъ имъ внушительную нотацію, и въ заключеніе сказалъ: «Господа! ни одинъ полкъ на Кавказѣ не пользуется такою свободою, какъ нашъ. Спросите любого апшеронца, куринца, кабардинца, спросите кого хотите,—какъ они

проводятъ время? Сидятъ взаперти, и носа не смѣютъ показать изъ своихъ крѣпостей. Они арестованы, и будутъ арестованы, пока не кончится война на Кавказѣ, а это случится не скоро, можетъ быть даже при нашихъ внукахъ. И вѣдь сидятъ же, не напрашиваются на приключенія! А вамъ и вашей свободы мало. Въ другой разъ я не ограничусь замѣчаніемъ; я за васъ отвѣчаю передъ намѣстникомъ и передъ вашими родителями; нужно же, чтобы и вы передъ кѣмъ-нибудь отвѣчали» (7). Это говорилъ человѣкъ осторожный, благоразумный, совсѣмъ не тотъ, который за мѣсяцъ передъ тѣмъ самъ ночевалъ на темиръ-ханъ-шуринской дорогѣ. Но Круковскій сдѣлалъ это не изъ удальства. Ему просто нужно было быть въ Шурѣ по собственнымъ дѣламъ, и онъ поѣхалъ одинъ, не желая, чтобы изъ-за него кто-нибудь рисковалъ своею жизнью. Случись перестрѣлка, погибни хотя одинъ драгунъ, и Круковскій никогда не простилъ бы себѣ его смерти. Таковы уже были воззрѣнія этого замѣчательнаго начальника Сулакской линіи.

Какъ ни крѣпко сидѣла зима на Сулакѣ, но жгучее февральское солнце растопило снѣга, и только между ребрами передовыхъ горъ Дагестана, выстроившихся фронтомъ къ Шамхальской равнинѣ, еще удержались длинныя бѣлыя полосы, не сходившія уже до половины лѣта. Въ первыхъ числахъ марта показались фіалки и тюльпаны. Весна на два мѣсяца запоздала противъ прошлаго года, но за то и Сулакская линія два лишніе мѣсяца пользовалась сравнительнымъ спокойствіемъ и безопасностью. Только теперь, когда лѣса стали одѣваться свѣжею листвой и военныя дѣйствія въ Малой Чечнѣ прекратились, ауховцы и салатавцы вернулись домой. До полевыхъ работъ оставалось въ горахъ, по крайней мѣрѣ, двѣ-три недѣли, и вотъ, чтобы употребить съ пользой это драгоцѣнное время, и не дать оружію праздно заржавѣть въ ножнахъ, наибы ауховскій и салатавскій собрали партію въ 600 человѣкъ и рѣшили броситься на правый берегъ Сулака, чтобы напасть на мирно́й Чиръ-юртовскій аулъ, едва возникшій изъ развалинъ.

Утромъ 28-го марта въ обычный разъѣздъ къ сторонѣ Хутумбаша отправился 2-й эскадронъ, штабсъ-капитана Петрова, только что вернувшійся изъ Дженгутая, гдѣ онъ провелъ цѣлую зиму. Едва драгуны поравнялись съ мостовымъ укрѣпленіемъ, какъ телеграфъ выкинулъ шары, и въ то же время учащенные выстрѣлы съ Міатлинской башни дали знать о появленіи непріятеля. Эскадронъ двинулся рысью. Мѣст-

ность на значительномъ протяженіи позволяла итти только колонной, и если бы непріятель занялъ лощины, мимо которыхъ скакали драгуны, онъ бы могъ причинить имъ не мало вреда. Но у непріятеля, по всей вѣроятности, былъ другой, болѣе обширный замыселъ. Только что эскадронъ миновалъ горячій источникъ, какъ увидѣлъ большую партію, стоявшую на Міатлинской дорогѣ. Она очевидно ждала нашего приближенія. Дѣло, стало быть, шло на чистоту, такъ какъ обѣ стороны искали другъ друга, и теперь, конечно, ни одна изъ нихъ не захотѣла бы уклониться отъ боя. Разстояніе между противниками было еще велико, а впереди началась уже перестрѣлка нашихъ фланкеровъ, состязавшихся съ одиночными салатавскими джигитами. Партія между тѣмъ стояла неподвижно, и только колыхавшійся по вѣтру пестрый значекъ обозначалъ присутствіе при ней самого наиба: слѣдовательно, въ партіи могло быть тристачетыреста человѣкъ, такъ какъ съ меньшимъ числомъ кавалеріи наибы никогда не выѣзжали. Эскадронъ продолжалъ подвигаться впередъ, какъ вдругъ изъ оврага, который тянулся вправо, занавѣшенный отъ глазъ густыми кустами, какъ туча вынеслась новая конница и тоже съ наибскимъ значкомъ. Это были ауховцы. Перестрѣлка оборвалась разомъ. Обѣ чеченскія партіи, точно по сигналу, выхвативъ шашки, понеслись на драгунъ: салатавцы съ фронта, а ауховцы заскакивали въ тылъ, чтобы отрѣзать ихъ отъ Чиръ-Юрта. Въ такомъ положеніи раздумывать было некогда, и Петровъ, быстро развернувъ эскадронъ, съ мѣста ринулся на салатавцевъ. Атака была молодецкая, и горцы, смятые натискомъ, обратились въ бѣгство прежде, чѣмъ Идрисъ-мулла успѣлъ заскакать намъ въ тылъ. Теперь онъ остался далеко назади, и драгунамъ ничто не мѣшало расправиться съ салатавцами. Пораженіе ихъ и было самое рѣшительное, такъ какъ толпа, не попавши на бродъ, должна была бросаться въ воду прямо съ отвѣсныхъ обрывовъ. Но преслѣдовать ихъ дальше было нельзя: ауховцы уже настигали драгунъ, а мѣстность, каменистая, изрытая оврагами, почти не представляла возможности дѣйствовать сомкнутымъ кавалерійскимъ фронтомъ. Петровъ подалъ «аппель», — но только что повернулъ назадъ, чтобы встрѣтить новаго противника, какъ слѣва выдвинулась огромная пѣшая партія, стоявшая до тѣхъ поръ въ засадѣ; разбитые салатавцы также остановились на томъ берегу и стали собираться. Только присутствіе духа, мужество и распорядительность могли спасти эскадронъ въ этомъ отчаянномъ положеніи, и Пе-

тровъ оказался на высотѣ своей задачи. Зоркимъ взглядомъ окинувъ окрестность, онъ замѣтилъ небольшую возвышенность, и вскочивъ на нее, спѣшилъ эскадронъ за каменистымъ гребнемъ. Коноводы укрылись въ лощинѣ, и также оцѣплены были стрѣлками. Въ такомъ положеніи онъ сталъ выжидать новой атаки. Дѣйствительно, чеченская конница кинулась въ шашки, но, встрѣченная бѣглымъ огнемъ, отшатнулась.

Міатлинская башня (изъ Альбома Кн. Гагарина).

Первое нападеніе было отбито; но за первымъ надо было ждать втораго, третьяго и такъ далѣе. Горцы станутъ биться до тѣхъ поръ, пока у драгунъ не будетъ больше патроновъ, а затѣмъ пустятъ впередъ пѣхоту и задавятъ массой. Но Провидѣнію угодно было сохранить Нижегородскому полку одинъ изъ самыхъ боевыхъ его эскадроновъ. Въ тотъ моментъ, когда пѣшія толпы уже приближались къ нашей позиціи, отъ

Хутумбаша показались двѣ роты Дагестанскаго полка, а со стороны Чиръ-Юрта легкимъ облакомъ заклубилась пыль, изъ-подъ которой неясно вырисовались скакавшіе во всѣ повода эскадроны. Горцы поняли, что угрожаетъ имъ при малѣйшемъ промедленіи, и, бросивъ эскадронъ, поскакали къ Сулаку. Петровъ не далъ имъ, однако, уйти безнаказанно. Вскочивъ на коней, 2-й эскадронъ помчался на перерѣзъ непріятелю, и когда горцы подоспѣли къ Міатлинской переправѣ, она уже была занята драгунами. Отбитый отъ брода, непріятель кинулся къ подошвѣ Хутумбаша—и попалъ подъ огонь дагестанскихъ ротъ. Пѣшіе еще кое-какъ взобрались на крутую гору и исчезли въ лабиринтѣ ея овраговъ, но конные, не имѣвшіе возможности укрыться, понесли большую потерю. Когда прибылъ Круковскій съ двумя дивизіонами, бой уже былъ оконченъ. Онъ поблагодарилъ 2-й эскадронъ за молодецкое дѣло, и, прослѣдивъ внимательно за ходомъ боя на самой мѣстности, былъ удивленъ ничтожною потерей: въ эскадронѣ ранены были драгунъ и три лошади ([8]).

«Умалчивая о личной храбрости штабсъ-капитана Петрова», писалъ онъ по этому поводу къ главнокомандующему, «я поставляю на видъ только его боевую опытность и замѣчательную распорядительность, послѣдствіемъ чего и было то, что въ столь важномъ бою эскадронъ понесъ такую ничтожную потерю» ([9]). Главнокомандующій пожаловалъ Петрову орденъ св. Анны 3 ст. съ бантомъ, а на эскадронъ прислалъ два знака отличія Военнаго ордена ([10]).

Урокъ, данный безпокойнымъ сосѣдямъ, надолго обезпечилъ спокойствіе Сулакской линіи, и большихъ партій нигдѣ не показывалось; но это не исключало возможности ни отдѣльныхъ хищничествъ, ни случаевъ дикаго фанатизма, принимавшаго иногда такіе чудовищные размѣры, которые нѣтъ-нѣтъ да и давали чувствовать, что полкъ стоитъ на передовомъ рубежѣ, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, исполненнымъ религіознаго экстаза. Не далѣе, какъ на третій день Пасхи, въ Капчугаѣ, въ одномъ изъ промежуточныхъ пунктовъ между Чиръ-Юртомъ и Шурою, случилось именно одно изъ такихъ загадочныхъ происшествій, заставившее говорить о себѣ все пограничное населеніе. Въ числѣ нукеровъ шамхала Тарковскаго былъ одинъ салатавецъ, бѣжавшій изъ горъ, и много лѣтъ безотлучно находившійся при особѣ самого владѣтеля. Шамхалъ довѣрялъ ему больше, чѣмъ своимъ природнымъ подданнымъ. Только въ послѣднее время стали замѣчать, что салатавецъ сдѣлался не

въ мѣру задумчивъ, угрюмъ и проводилъ цѣлые часы въ глубокомъ сосредоточенномъ молчаніи. На это никто не обратилъ вниманія, и никто не видѣлъ той внутренней страстной борьбы, которая разгоралась въ немъ, вслѣдствіе религіозныхъ сомнѣній и колебаній. А сѣмя, брошенное въ него мюридизмомъ, между тѣмъ росло, и выразилось, наконецъ, сознательнымъ желаніемъ очистить свою грѣховную жизнь и стяжать небесный вѣнецъ пролитіемъ крови хотя одного невѣрнаго. И вотъ, проѣзжая однажды по улицамъ Капчугая, онъ встрѣтилъ апшеронскаго солдата, мирно возвращавшагося въ свою казарму. Случай былъ соблазнительный, и шамхальскій нукеръ, выхвативъ пистолетъ, положилъ солдата на мѣстѣ. На выстрѣлъ выскочилъ весь караулъ. Тогда горецъ, спрыгнувъ съ коня, бросился за камни и ружейнымъ выстрѣломъ свалилъ другого апшеронца. Солдаты кинулись въ штыки. Мюридъ защищался отчаянно, изрубилъ еще двухъ, и палъ наконецъ мертвымъ рядомъ съ своими четырьмя жертвами (11). Въ Чиръ-Юртѣ въ тотъ же день узнали объ этомъ происшествіи, и невольно припомнили почти однородный случай, бывшій въ Караагачѣ за 29 лѣтъ передъ этимъ. Фанатизмъ и изувѣрство были явленіемъ одинаковымъ какъ на Лезгинской, такъ и на Сулакской линіяхъ.

На другой день, 14-го апрѣля (это былъ четвертый день Пасхи), въ самой штабъ-квартирѣ Нижегородскаго полка случилась тревога,—странная, единственная въ своемъ родѣ тревога. Ее нельзя было назвать фальшивою въ строгомъ смыслѣ слова, но она не имѣла ничего общаго и съ тѣми тревогами, которыя заносятся въ журналъ военныхъ происшествій. Часовъ около восьми вечера, когда еще ставни не были закрыты, и во всѣхъ окнахъ свѣтились огоньки, когда движеніе на улицѣ еще не прекратилось, и даже дѣти продолжали рѣзвиться, оглашая воздухъ своимъ звонкимъ смѣхомъ, вдругъ на одной изъ глухихъ окраинъ Новой слободки раздался пронзительный женскій крикъ; за нимъ тотчасъ же послѣдовалъ выстрѣлъ, а затѣмъ прогремѣло ихъ нѣсколько. Собаки подняли неистовый лай. Улицы мгновенно опустѣли; женщины поспѣшно закрывали ставни, тушили огни и скликали ребятъ, поднявшихъ съ перепугу неописанный ревъ. У всѣхъ мелькнула въ головѣ одна и та же мысль—не повторилось ли что нибудь въ родѣ капчугайскаго происшествія, которое было еще такъ свѣжо въ памяти жителей. Офицеры, выскочившіе изъ хатъ, стояли также въ недоумѣніи, не зная бѣжать ли

имъ къ своимъ эскадронамъ, такъ какъ черезъ нѣсколько минутъ тишина наступила абсолютная; даже собаки больше не лаяли, и только время отъ времени проносился въ тихомъ вечернемъ воздухѣ все тотъ же дикій, пронзительный, хватающій за душу крикъ женщины. Между тѣмъ къ Новой слободкѣ на рысяхъ спустился дежурный эскадронъ. Полку отдано было приказаніе сѣдлать лошадей, и людямъ отъ своихъ мѣстъ не отлучаться. Прошло минутъ двадцать. Дежурный эскадронъ повернулъ назадъ къ штабъ-квартирѣ; лошадей велѣно разсѣдлать. Въ Новой слободкѣ снова обнаружилась жизнь: открывались ставни, въ окнахъ, остававшихся темными во все время переполоха, опять показались огни, и движеніе по всей слободкѣ возобновилось, еще болѣе оживленное и шумное, чѣмъ прежде. Тревога не была фальшивою; но если бы она подняла на ноги всю Сулакскую линію, то и тогда едва ли бы удалось открыть непріятеля, особенно въ темную ночь, когда тучи, обложившія небо, казались черными, и на землѣ ничего нельзя было различить, кромѣ пѣнистыхъ волнъ рѣки, издававшихъ слабый фосфорическій свѣтъ. Вотъ что случилось въ Новой слободкѣ въ 8 часовъ вечера 14-го апрѣля.

Жена одного молодого солдата съ грудным ребенкомъ на рукахъ вышла на завалинку подышать свѣжимъ воздухомъ. Мѣсто было уединенное; кругомъ тишина полная. Мужъ ушелъ наверхъ, въ штабъ-квартиру, но скоро долженъ былъ возвратиться. Баюкая дитя, которое долго не хотѣло угомониться, она и сама заснула крѣпкимъ и сладкимъ сномъ. Черезъ нѣсколько времени она слышитъ—кто-то беретъ изъ ея рукъ ребенка. Полагая, что это мужъ, она проговорила: «оставь, я насилу его закачала». Но ей никто не отвѣтилъ, а ребенка изъ рукъ ея взяли. Малютка два раза простоналъ какъ-то глухо и замеръ. Женщина очнулась, но каково было ея положеніе, когда, открывъ глаза, она увидѣла какого-то страшнаго звѣря, который уходилъ отъ нея неслышными, но быстрыми шагами по направленію къ валу. Дикимъ, раздирающимъ душу голосомъ она начала кричать: звѣрь! звѣрь! Выбѣжали сосѣди. Не зная въ чемъ дѣло, одни захватили ружья, другіе шашки. Сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, но звѣря и слѣдъ простылъ. Когда мужъ, не подозрѣвавшій какъ близко тревога касалась его собственнаго дома, возвратился послѣ переполоха домой, онъ не нашелъ своего единственнаго ребенка, а въ дикихъ, блуждающихъ глазахъ молодой жены угадалъ страшную истину: она была помѣшана. «Звѣрь, звѣрь!»—повторяла она прежнимъ

неистовымъ голосомъ, и безпомощно протягивала руки въ ту сторону, куда скрылся похититель ея маленькаго дорогого сокровища. На другой день найдены были косточки малютки, разбросанныя по дорогѣ между Новой слободкой и Болтугаемъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ земля не успѣла просохнуть отъ недавнихъ дождей, открыты были слѣды какого-то неизвѣстнаго звѣря; пошли по нимъ дальше, но на каменистомъ грунтѣ предгорій они затерялись. Страннымъ находили всѣ, что ни одна собака въ цѣлой слободкѣ не подала голоса даже въ то время, когда звѣрь былъ уже по сю сторону вала; или онѣ притаились отъ страха, почуявъ его приближеніе, или звѣрь былъ слишкомъ остороженъ и шелъ изъ-подъ вѣтра, чтобы не выдать своего присутствія.

Не успѣли еще наговориться объ этомъ, какъ новое происшествіе опять подняло на ноги всю штабъ-квартиру. Однажды вечеромъ, когда совершенно стемнѣло, солдатикъ 9-го эскадрона лежалъ въ своей казармѣ на подоконникѣ, свѣсивъ внизъ голову, и вдругъ закричалъ такимъ отчаяннымъ голосомъ, что не только пикинеры, но даже люди изъ сосѣднихъ казармъ сбѣжались узнать въ чемъ дѣло. Солдатика нашли буквально залитымъ кровью. По его словамъ, *«онъ»* схватилъ его за волосы такъ крѣпко, что сорвалъ ихъ съ головы вмѣстѣ съ кожею. На головѣ у солдатика, дѣйствительно, не было ни волосъ, ни кожи. — «А ты въ другой разъ стригись покороче, замѣтилъ ему степенный вахмистръ: а то отпустилъ космы, настояще какъ дьяконъ. Вишь, какъ онъ тебя оболванилъ»...—Гладко выбрилъ, что говорить,—уже смѣялись солдатики надъ несчастнымъ товарищемъ, ополоумѣвшимъ отъ боли и стыда за свою оплошность. Никто, кромѣ его, не зналъ, кто этотъ таинственный «онъ», да и самъ солдатикъ ничего порядкомъ объяснить не умѣлъ. Часовые говорили потомъ, что видѣли, какъ что-то большое, грузное прыгнуло черезъ рогатку и исчезло въ полѣ. Не было сомнѣнія, что это былъ все тотъ же невѣдомый звѣрь, сдѣлавшій штабъ-квартиру Нижегородскаго полка излюбленнымъ мѣстомъ своихъ посѣщеній. Круковскій выслалъ за нимъ цѣлую команду охотниковъ, съ Зенкевичемъ во главѣ, и обѣщалъ червонецъ за шкуру. Въ три дня и въ три ночи охотники исходили всѣ горныя ущелья, окружавшія Чиръ-Юртъ, и ничего не видѣли. На четвертый день поставили капканъ,—и звѣрь попался. Но онъ былъ такъ силенъ, что, пытаясь уйти, протащилъ за собою капканъ версты полторы отъ того мѣста, гдѣ онъ былъ поставленъ.

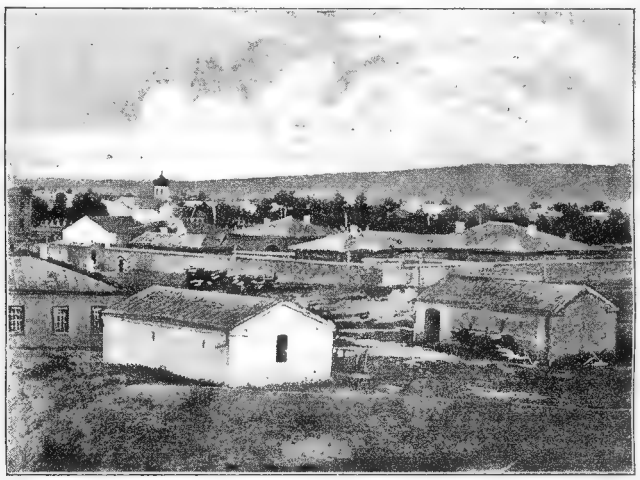
Зенкевичъ первый настигъ его; но видъ разсвирѣпѣвшаго звѣря былъ до того страшенъ, что даже Зенкевичъ остановился передъ нимъ въ нерѣшимости. Однако онъ скоро оправился, и ударомъ кинжала положилъ его на мѣстѣ. Оказалось, что это былъ одинъ изъ рѣдкихъ экземпляровъ громадной пятнистой гіены, или «діаны», какъ называлъ ее Зенкевичъ. Круковскій далъ ему червонецъ, а шкуру оставилъ у себя какъ рѣдкость, потому что въ этихъ мѣстахъ гіены никогда еще не появлялись ([12]).

Съ мая мѣсяца начались вездѣ усиленныя приготовленія къ походамъ, а между тѣмъ ожидали пріѣзда намѣстника, намѣревавшагося въ этомъ году еще разъ объѣхать Дагестанъ, чтобы дать общее направленіе военнымъ дѣйствіямъ, такъ какъ самъ онъ разсчитывалъ провести лѣто не здѣсь, а съ войсками чеченскаго отряда. И вотъ, однажды, 8-го мая, возвращаясь изъ своей обычной прогулки въ Султанъ-Юртъ, гдѣ были нѣкоторыя хозяйственныя заведенія полка, Круковскій у крыльца своего дома случайно поднялъ голову и увидѣлъ, что за лѣвымъ берегомъ Сулака по Кумыкской плоскости двигалась какая-то черная масса; она замѣтно приближалась къ его району; надъ нею сверкали узкія металлическія полоски, въ которыхъ не трудно было угадать штыки; они то пропадали въ голубоватомъ эфирѣ жаркаго лѣтняго полдня, то переливались на солнцѣ. Круковскій вынесъ свою подзорную трубку, но она почти ничего не сказала ему новаго; онъ и самъ зналъ, что это русская колонна, а не чеченцы; но направленіе, по которому она двигалась, нѣсколько озадачивало его. Намѣстникъ, конечно, не могъ бы ѣхать съ такимъ ничтожнымъ конвоемъ, да и путь, избранный колонной, былъ необычайный. Обыкновенно оказіи приходили съ Кумыкской плоскости черезъ Внезапную, а эта шла напрямикъ, оставивъ Внезапную далеко въ сторонѣ. Впереди колонны ѣхалъ высокій всадникъ на гнѣдомъ конѣ, въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ, съ золотымъ аксельбантомъ черезъ плечо. По этому аксельбанту не трудно было догадаться, что этотъ всадникъ—новый командиръ сосѣдняго Кабардинскаго полка флигель-адъютантъ князь Барятинскій; но зачѣмъ онъ ѣхалъ въ Чиръ-Юртъ—на этотъ вопросъ Круковскій подобрать отвѣта не могъ. Черезъ часъ съ небольшимъ колонна была уже на правомъ берегу Сулака и поднимала пыль по дорогѣ къ Чиръ-Юрту. Еще полчаса—и въ пріемную командира Нижегородскаго полка вошелъ тотъ высокій, статный штабъ-офицеръ, который все время ѣхалъ впереди отряда. Круковскій поднялся съ мѣста и снялъ съ головы папаху. «Мы

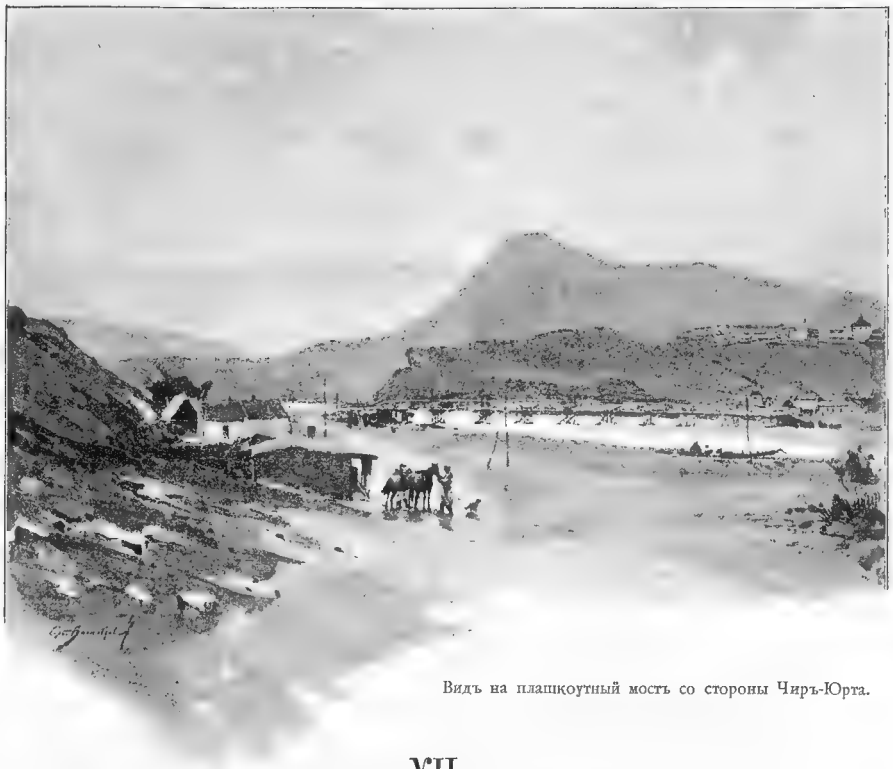
близкіе сосѣди,—заговорилъ первый князь Барятинскій,—и я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать вамъ визитъ; это даже мой долгъ, такъ какъ моя новая штабъ-квартира моложе вашей почти на два года». Круковскій улыбнулся; онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять настоящей цѣли этого неожиданнаго посѣщенія. Барятинскій былъ любопытенъ; ему хотѣлось просто посмотрѣть на человѣка, котораго главнокомандующій называлъ своимъ Баярдомъ, и который, не имѣя ни связи, ни имени, заставилъ говорить о себѣ цѣлый Кавказъ. Круковскій въ отвѣтъ протянулъ ему свою широкую, смуглую отъ загара руку. Эти два человѣка, стоявшіе другъ противъ друга, составляли поразительный контрастъ, который не могъ не обратить на себя вниманіе даже поверхностнаго наблюдателя. Съ одной стороны тонкая, граціозная фигура молодого флигель-адъютанта, въ элегантномъ сюртукѣ, сшитомъ по самой строгой формѣ, и съ маленькимъ-маленькимъ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ; съ другой стороны—широкій бюстъ, мощная закаленная фигура, въ длинноломъ до самыхъ пятъ сюртукѣ, нѣсколько уже поношенномъ, и тоже съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ, но только казенныхъ размѣровъ. Оба они принадлежали къ той блестящей плеядѣ сподвижниковъ намѣстника, которые составляли гордость нашей арміи въ послѣднія два десятилѣтія кавказской войны. Круковскій и Барятинскій съ первой же встрѣчи оцѣнили другъ друга и стали навсегда друзьями; каждый изъ нихъ видѣлъ въ другомъ то, чего не было въ немъ самомъ, и это-то, быть можетъ, и было причиною ихъ тѣснаго сближенія. Черезъ четыре года одному изъ нихъ пришлось оплакивать другого.

Пріѣздъ князя Барятинскаго не остался безъ значенія и для цѣлой Сулакской линіи, такъ какъ онъ первый открылъ прямое сообщеніе своей штабъ-квартиры съ Чиръ-Юртомъ, и прежняя дорога на Внезапную была оставлена навсегда. Черезъ недѣлю, когда начались уже каспійскія бури, и Чиръ-Юртъ сталъ походить на караванъ, застигнутый въ пустынѣ песчанымъ ураганомъ, прибылъ наконецъ главнокомандующій. Песокъ и щебень, обдававшіе его съ головы до ногъ, повидимому, не оказывали никакого вліянія на расположеніе его духа. Онъ одинаково привѣтливо улыбался во всякое время года: и въ лѣтнія бури и въ чудные дни кавказской осени. Осмотрѣвъ Чиръ-Юртъ и выражая свою признательность Круковскому, онъ назвалъ его въ приказѣ по корпусу «достойнѣйшимъ полковымъ командиромъ». А надо сказать, что въ этотъ пріѣздъ намѣст-

никъ видѣлъ почти всѣ штабъ-квартиры, и ни одинъ изъ полковыхъ командировъ, не исключая князя Барятинскаго, успѣвшаго въ короткое время превратить приземистый и грязный Хассавъ-Юртъ въ настоящій городокъ, не удостоился такого эпитета. Въ письмѣ къ военному министру, говоря о превосходномъ устройствѣ новой штабъ-квартиры Нижегородскаго полка, «которая возникла изъ ничего въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ», онъ просилъ его обратить особое всемилостивѣйшее вниманіе Государя Императора на полезную службу и дѣятельность полковника Круковскаго, — и Круковскому пожалованъ былъ орденъ св. Анны 2 ст. съ Императорскою короною.



Крѣпость Грозная.



Видъ на плашкоутный мостъ со стороны Чиръ-Юрта.

VII.

Опять подъ Гергебилемъ и въ трущобахъ Ичкеріи.

Вторичная осада Гергебиля. — Драгуны на Аймякинскихъ высотахъ. — Аймякинское ущелье. — Тревога 22 іюня. — Покореніе Гергебиля, и роспускъ Дагестанскаго отряда. — Набѣгъ въ Ичкерію. — Сборъ войскъ подъ Герзель-ауломъ. — Ночное движеніе. — Штурмъ Ахметъ-Талы. — Возвращеніе отряда.

(1848 г.)

Пошелъ уже третій годъ съ тѣхъ поръ, какъ на Кавказѣ примѣнялся новый планъ военныхъ дѣйствій, выработанный послѣ Даргинскаго похода: зимою дѣйствовали въ Чечнѣ, лѣтомъ собирали войска въ

Дагестанѣ. На этотъ разъ цѣлью нашихъ дѣйствій въ Прикаспійскомъ краѣ служилъ опять Гергебиль, осада котораго въ минувшемъ году стоила намъ огромной потери. Теперь нужно было взять Гергебиль во что бы то ни стало: этого требовали честь русскаго оружія и необходимость отнять у непріятеля опорный пунктъ на берегу Кара-Койсу, чтобы подорвать его матеріальныя и нравственныя силы.

Сводный дивизіонъ Нижегородскаго полка, проведшій зиму въ Дженгутаѣ, также получилъ приказаніе выступить въ с. Оглы, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ Дагестанскаго отряда. Отсюда, 9-го іюня, и началось наступленіе къ Гергебилю. Драгунскій дивизіонъ, въ составѣ двухъ эскадроновъ: 5-го, капитана Товбича, и 9-го, капитана Шульца, подъ общимъ начальствомъ маіора Тихоцкаго (*), шелъ въ колоннѣ князя Аргутинскаго черезъ Кудухскія и Аймякинскія высоты, едва лѣпясь по узкимъ и скользкимъ карнизамъ, висѣвшимъ надъ страшными кручами. На Аймякинскихъ высотахъ былъ сдѣланъ привалъ. Здѣсь князь Аргутинскій оставилъ всю кавалерію, а съ пѣхотой началъ спускаться внизъ къ Гергебилю. Никакая кавалерія не могла бы маневрировать и дѣйствовать на такой страшно пересѣченной мѣстности, какую представляло собою Аймякинское ущелье. Даже если бы подъ всадниками были не лошади, а дикія козы, то и тогда можно было бы двигаться только какъ двигаются козы, т. е. въ разбродъ и по одиночкѣ. Такимъ обра-

(*) Въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 года 2-й эскадронъ, входившій въ составъ своднаго дивизіона, отозванъ былъ въ Чиръ-Юртъ, а на мѣсто его въ Дженгутай прибылъ 5-й, подъ командой капитана Товбича. Михаилъ Васильевичъ Товбичъ перешелъ въ Нижегородскій полкъ осенью 1846 года изъ Рижскаго драгунскаго полка, гдѣ также командовалъ 1-мъ эскадрономъ. Въ жизни Михаила Васильевича былъ одинъ случай, заставившій о немъ говорить и, по всей вѣроятности, не оставшійся безъ вліянія на его служебную карьеру. Было это въ 1844 году, когда эскадронъ, которымъ онъ командовалъ, стоялъ въ Старооскольскомъ уѣздѣ Курской губерніи, въ имѣніи помѣщика Корабкова. Однажды, въ лѣтній день, когда всѣ мужики, бабы и даже дѣвки были въ полѣ, въ деревнѣ вспыхнулъ сильный пожаръ, и крестьянамъ пришлось бы идти по міру, еслы бы драгуны Товбича, собранные имъ по тревогѣ, не остановили огня, дѣйствуя въ этомъ случаѣ съ рѣдкимъ единодушіемъ и даже самоотверженіемъ. Самъ Товбичъ кинулся въ горѣвшій домъ и вынесъ на своихъ рукахъ изъ, пламени слѣпого 80-ти лѣтняго крестьянина. Когда жители сосѣднихъ городовъ собрали по подпискѣ порядочную сумму денегъ въ пользу эскадрона, нижніе чины отказались принять ихъ, и пожертвовали всю сумму въ пользу несчастныхъ погорѣльцевъ. Гражданскій губернаторъ донесъ объ этомъ Государю, и императоръ Николай Павловичъ приказалъ благодарить эскадронъ за похвальный поступокъ, а капитану Товбичу пожаловалъ золотую медаль съ надписью «За спасеніе погибавшихъ», и подвигъ его повелѣлъ сдѣлать извѣстнымъ по всему военному вѣдомству (Пр. Воен. Мин. 1845 г. 5-го мая № 75). Имя Товбича съ тѣхъ поръ стало извѣстно во всей русской арміи. Въ Нижегородскомъ полку, за экспедицію 1848 года онъ былъ произведенъ въ маіоры, а въ началѣ 1849 года назначенъ командиромъ Горскаго линейнаго казачьяго полка, штабъ-квартира котораго находилась въ Екатеринодарѣ. Впослѣдствіи онъ впалъ въ меланхолію, и въ 1857 году, къ глубокому сожалѣнію всѣхъ своихъ сослуживцевъ, кончилъ жизнь самоубійствомъ; онъ застрѣлился изъ пистолета.

зомъ драгунамъ довелось быть только зрителями въ разыгравшейся драмѣ и ограничить кругъ своихъ дѣйствій скромною ролью наблюдательнаго отряда. Князь Аргутинскій и поставилъ ихъ именно съ тѣмъ, чтобы не дать противнику возможности сдѣлать какую-либо диверсію въ открытыхъ равнинахъ Мехтулы, и тѣмъ отвлечь наши войска отъ Гергебиля. Но непріятель нигдѣ не показывался, никакихъ попытокъ не дѣлалъ, и драгуны, стоя на Аймякинскихъ высотахъ, могли любоваться только роскошною панорамой, которая развертывалась передъ ихъ глазами. А панорама для тѣхъ, кто никогда не бывалъ въ горахъ, какъ напр. пикинеры, представлялась дѣйствительно замѣчательною. Кругомъ, на сколько глазъ обнималъ горизонтъ—вездѣ въ дикомъ первобытномъ хаосѣ громоздились одна выше другой неприступныя горы, и между ними на страшной глубинѣ лежала узкая и мрачная долина. Если смотрѣть съ обрыва Аймякинской горы, то казалось, что въ глубокомъ ущельѣ царствуетъ вѣчная ночь, и только, сверкая серебряною нитью, вся покрытая бѣлою пѣной, бѣшеными каскадами мчалась рѣка, оглушительный шумъ которой слышался за нѣсколько верстъ. За этимъ-то ущельемъ, на берегу Кара-Койсу, и стоялъ Гергебиль. Скалы заслоняли его отъ глазъ любопытныхъ, и драгуны видѣли только сакли верхнихъ террасъ, окруженныя стѣнами и башнями. Оттуда день и ночь доносился гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, и по нимъ можно было слѣдить, какъ наши батареи все ближе и ближе подвигались къ стѣнамъ осажденной крѣпости. Такъ прошло 12 дней въ напрасномъ ожиданіи, что непріятель, маячившій на дальнихъ горахъ, сдѣлаетъ, наконецъ, диверсію. Но горцы не трогались съ мѣста, и только время отъ времени отдѣляли партіи, которыя уходили въ Гергебиль на смѣну истомленныхъ или павшихъ защитниковъ. Послѣднее обстоятельство указывало прямо на необходимость обложить Гергебиль со всѣхъ сторонъ, а для этого прежде всего нужно было занять крѣпостные сады, спускавшіеся красивыми террасами къ берегамъ другого, не менѣе шумнаго Казикумыкскаго Койсу. Въ то время какъ главный отрядъ готовился къ этому рѣшительному шагу, отдѣльная колонна полковника Евдокимова получила приказаніе подняться на Аймякинскія высоты, присоединить къ себѣ всю кавалерію, и затѣмъ дѣйствовать черезъ Кудухскія высоты, чтобы отвлечь на себя хоть часть непріятельскаго скопища. Евдокимовъ выступилъ изъ лагеря въ ночь на 22-е іюня. Головная часть его уже взобралась на первую

террасу, какъ вдругъ, часовъ въ одиннадцать ночи, поднялась кругомъ страшная суматоха: вся покатость горы освѣтилась сотнями ружейныхъ выстрѣловъ, и со всѣхъ сторонъ понеслись неистовые крики и вопли. Отрядъ остановился въ нѣкоторой нерѣшимости. Евдокимовъ зналъ, что на этой террасѣ, только нѣсколько дальше, стояла наша милиція, и надо было полагать, что она-то именно и была атакована горцами. Евдокимовъ только недоумѣвалъ, откуда они могли появиться? Впослѣдствіи уже узнали отъ лазутчиковъ, что въ тотъ самый моментъ, когда Евдокимовъ выступилъ изъ русскаго лагеря, отъ главнаго скопища горцевъ отдѣлилась также значительная партія Муссы-Бѣлоканскаго и двинулась на ту же Аймякинскую гору, но только съ противоположной стороны. Вышло это совершенно случайно, и противники, ничего не зная другъ о другѣ, преслѣдовали каждый свои собственныя цѣли. Евдокимовъ до свѣту хотѣлъ быть на Кудухѣ, а Мусса-Бѣлоканскій до свѣту же разсчитывалъ покончить съ нашей милиціей, которая, спустившись на одну изъ террасъ, стояла въ завалахъ уже слишкомъ безпечно. Милиція, дѣйствительно, не замѣтила какъ горцы подобрались къ ея позиціи,— и вдругъ ринулись съ тыла. Застигнутая врасплохъ, она была бы уничтожена, если бы Мусса-Бѣлоканскій внезапно не услыхалъ шумъ подымавшейся сюда же русской пѣхоты. Это было для него такою же неожиданностію, какъ и для нашей милиціи нападеніе горцевъ. Онъ тотчасъ остановилъ атаку и, такимъ образомъ, выпустилъ изъ рукъ своихъ лучшую добычу, которая разсѣялась въ разныя стороны. Между тѣмъ, не зная въ чемъ дѣло, но слыша выстрѣлы, въ драгунскомъ лагерѣ, стоявшемъ на горѣ, также ударили тревогу. Впечатлѣніе среди темной ночи было самое непріятное. Никто не зналъ, что происходитъ внизу, а между тѣмъ паника уже сообщилась цудахарской конницѣ и она бѣжала въ такомъ безпорядкѣ, что только на слѣдующій день къ вечеру явилась возможность собрать разсыпавшихся всадниковъ. Все это задержало Евдокимова на цѣлыя сутки, и только 23-го іюня онъ могъ, наконецъ, двинуться дальше къ Кудухскимъ высотамъ. Драгуны первые явились надъ спускомъ, ведущимъ къ Гергебилю, но сойти внизъ на коняхъ, подъ огнемъ непріятеля, было невозможно: здѣсь не спустились бы даже легкія серны. Пришлось обождать пѣхоты, и только тогда, когда стрѣлки, буквально скатившіеся внизъ, заняли крѣпкую позицію надъ самымъ ауломъ, драгуны по одиночкѣ свели своихъ лошадей, рискуя

Аймякинское ущелье.

Изъ Альбома Князя Гагарина.

ежеминутно оборваться въ кручи. Бой, шедшій между тѣмъ цѣлый день за обладаніе садами, уже окончился, и Гергебиль очутился въ тѣсной блокадѣ. Аймякинская гора занята была пѣхотой Евдокимова, а вся кавалерія передвинута къ Кутишинскому озеру, въ прикрытіе къ отряднымъ табунамъ, и тамъ простояла уже до конца осады.

6-го іюля, послѣ усиленнаго бомбардированія, продолжавшагося 18 часовъ къ ряду, горцы увидѣли, что держаться въ укрѣпленіи, обращенномъ въ груду развалинъ, больше нельзя, и ночью, прорвавшись черезъ наши войска, занимавшія сады, ушли за Казикумыкское Койсу. Можно было пожалѣть, что на этотъ разъ подъ рукой не случилось драгунъ,— иначе потери непріятеля были бы громадны. Но до Кутишинскаго озера было далеко, и драгуны явились только на слѣдующій день, когда Гергебиль былъ уже занятъ. Истребивъ аулъ съ его прекрасными садами, отрядъ перешелъ на Турчидагъ, чтобы угрозою вторженія въ непріятельскія земли заставить жителей центральнаго Дагестана отказаться отъ помощи чеченцамъ, противъ которыхъ готовилась осенняя экспедиція. Цѣль эта была вполнѣ достигнута, и 28-го августа отрядъ былъ распущенъ; драгуны возвратились въ Шуру и стали лагеремъ впредь до особыхъ распоряженій князя Аргутинскаго (1).

Такъ окончилась лѣтняя экспедиція 1848 года въ Дагестанѣ. Но, между тѣмъ какъ войска осаждали Гергебиль, въ другомъ уголку Кавказа, на Кумыкской плоскости, также былъ собранъ отрядъ, имѣвшій своею задачей вторженіе въ лѣсистую Ичкерію, чтобы отвлечь вниманіе чеченцевъ отъ осажденной крѣпости. Для набѣга былъ избранъ одинъ изъ многолюдныхъ ичкеринскихъ ауловъ Ахметъ-тала, лежавшій въ лѣсистыхъ ущельяхъ Аксая, верстахъ въ 18 за Герзель-ауломъ, и извѣстный какъ притонъ всѣхъ бездомовыхъ людей, абрековъ, вожаковъ и хищниковъ. Предпріятіе хранилось въ большомъ секретѣ, и самое выступленіе войскъ изъ своихъ штабъ-квартиръ разсчитано было такъ, чтобы всѣ части могли прибыть къ Герзель-аулу почти одновременно, за нѣсколько часовъ до набѣга. Если бы въ таинственный часъ ночи съ 23 на 24-го іюня какой-нибудь метеоръ вдругъ освѣтилъ Кумыкскую плоскость, она представила бы изъ себя довольно оригинальное и странное зрѣлище. По всѣмъ дорогамъ, сходившимся вѣеромъ къ сборному пункту, тихо и безмолвно, точно крадучись, двигались какія-то темныя массы. Шелъ изъ Чиръ-Юрта и сводный дивизіонъ Нижегородскаго полка, 6-й и 7-й

эскадроны, подъ командой маіора Эттингера. Таинственное движеніе въ страшную по народнымъ повѣрьямъ Иваповскую ночь, когда расцвѣтаетъ папоротникъ, и міръ наполняется легіонами демоповъ, стерегущихъ клады, дѣйствительно, имѣло въ себѣ нѣчто фантастическое и грозное. Къ 11 часамъ подъ Герзель-ауломъ уже стояли три батальона пѣхоты съ четырьмя орудіями, донской казачій полкъ Бакланова, и два эскадрона драгунъ. Вслѣдъ за войсками прибылъ начальникъ колонны полковникъ Веревкинъ, и отрядъ въ самую полночь выступилъ изъ воротъ укрѣпленія.

Впереди всѣхъ, рядомъ съ вожакомъ, извѣстнымъ своею преданностью, ѣхалъ полковникъ Баклановъ, о которомъ и тогда уже ходили на Кумыкской плоскости цѣлыя легенды. Его сопровождало 50 отборныхъ пластуновъ. Они вели отрядъ, и въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ должны были захватывать или истреблять его разъѣзды безъ выстрѣла. За пластунами, держась въ нѣкоторомъ разстояніи, двигались драгуны, потомъ казачій полкъ и, наконецъ, пѣхота съ орудіями. Дорога пролегала по правому берегу Аксая и была такъ испорчена и перекопана, что горцы, считая ее непроходимой, никогда не держали на ней карауловъ. Во многихъ мѣстахъ попадались глубокіе овраги, на днѣ которыхъ ревѣли горные ручьи, холодные и быстрые, уносившіе съ собою цѣлыя деревья, подмытыя подъ корень; то попадались отвѣсные подъемы и спуски, то лѣсныя чащи, гдѣ пни и корни деревъ, поваленныхъ бурею, такъ перевивались между собою колючимъ кустарникомъ, что путь черезъ нихъ приходилось прокладывать съ помощью топоровъ или кинжаловъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ драгуны спѣшивались, и каждый самъ по себѣ изыскивалъ средства для переправы. Лошадей подъ орудіями выпрягли на первой же верстѣ, и пушки тянули на лямкахъ. Вдобавокъ отряду пришлось проходить въ недальнемъ разстояніи отъ двухъ большихъ хуторовъ, и чтобы не поднять тревоги, надобно было усугубить тишину до послѣдней возможности. Были минуты, когда большинство отчаявалось въ успѣхѣ предпріятія, вспоминая прошлогодній неудачный набѣгъ князя Барятинскаго на Зондакъ. Между тѣмъ начало свѣтать. Аулъ былъ уже не далеко, и на встрѣчу отряда стали попадаться одиночные люди, выходившіе на полевыя работы. Ихъ истребляли по невозможности вести съ собою плѣнныхъ. Обыкновенно, заслышавъ шаги или голоса идущихъ людей, пластуны Бакланова скрывались въ кустахъ

и затѣмъ, подпустивъ къ себѣ намѣченныя жертвы, бросались на нихъ, какъ тигры, и убивали прежде, чѣмъ тѣ успѣвали крикнуть о помощи. Казаки не дѣлали въ этихъ случаяхъ осѣчекъ, понимая, что отъ нихъ зависѣлъ не только успѣхъ предпріятія, но и спасеніе цѣлой колонны. Упусти они хотя одного,—этотъ одинъ могъ бы распространить тревогу по цѣлой Ичкеріи, и тогда отрядъ, застигнутый въ этихъ трущобахъ, едва ли бы избѣжалъ катастрофы.

На самомъ свѣту пронзительный свистъ Бакланова далъ знать, что онъ подошелъ къ аулу. Драгуны и казаки, не ожидая пѣхоты, мигомъ охватили селеніе, и кинулись въ аулъ, оглашая воздухъ неистовымъ гикомъ, криками и ружейными выстрѣлами. Въ одну минуту толстыя, тяжелыя ворота, сорванныя съ петель, грохнулись на земь, и драгуны разсѣялись по улицамъ. Горцы, захваченные врасплохъ, засѣли въ домахъ и оборонялись отчаянно. Тѣ сакли, которыя не были заняты сразу, приходилось брать уже приступомъ. Чтобы выиграть время и уменьшить потери, рѣшили прибѣгнуть къ помощи огня, и пожаръ, быстро охвативъ турлучныя зданія, скоро заставилъ чеченцевъ покинуть ихъ жилища. Тогда борьба охватила собою всѣ пункты аула. Трескъ разрушающихся зданій, вопль не успѣвшихъ выскочить изъ пламени, отчаянные крики женщинъ и дѣтей, сновавшихъ въ безумномъ ужасѣ посреди этихъ мрачныхъ, обрызганныхъ грязью и кровью, тѣней,—все это составляло такую картину, о которой никто не могъ вспоминать безъ содроганія. Обѣ стороны работали холоднымъ оружіемъ, такъ какъ выстрѣлы въ этой толпѣ поражали бы безъ разбора и своихъ, и чужихъ. Отчаяніе придавало горцамъ неестественную силу, и, слабѣйшіе числомъ, они не разъ отбрасывали драгунъ и казаковъ, ставя ихъ въ весьма опасное положеніе. Но вотъ подоспѣла пѣхота, и подъ напоромъ ея штыковъ въ лоскъ легли отважные ахметъ-талинцы. Только немногіе малодушные трусы, ветхіе старики, которые не смогли зарядить винтовки, да нѣсколько женщинъ и дѣтей, уцѣлѣвшихъ среди общей рѣзни, отдались въ руки побѣдителей; остальное населеніе погибло.

Черезъ часъ все было окончено; но долго еще въ разныхъ сторонахъ аула раздавались одиночные выстрѣлы, какъ послѣдніе замирающіе звуки отгремѣвшей битвы. Солдаты, разсыпавшись по пепелищу, забирали все, что уцѣлѣло отъ огня. Скоро плѣнные, съ остатками ихъ жалкаго скарба, собраны были въ кучу и отправлены на лѣвый берегъ

Аксая, куда переправился за ними и цѣлый отрядъ. Отступать рѣшено было по другой дорогѣ, которая пролегала по открытымъ полянамъ, и только въ пяти или въ шести мѣстахъ пересѣкалась глубокими лѣсными оврагами.

Отступленіе началось подъ прикрытіемъ кавалеріи. Два эскадрона и шесть сотенъ развернули фронтъ, и, спѣшивъ стрѣлковъ, задерживали горцевъ, пока пѣхота не заняла оврага и не приготовилась въ немъ къ оборонѣ. Тогда начала отступать кавалерія и, перейдя оврагъ, остановилась, чтобы пропустить за себя пѣхоту; такимъ образомъ составилось нѣчто въ родѣ перекатныхъ цѣпей, которыя, взаимно помогая другъ другу, позволили отряду, послѣ восьмичасового боя, отойти къ Герзель-аулу въ должномъ порядкѣ (2).

Погибшій аулъ, въ которомъ перебиты были почти всѣ лучшіе абреки, издавна тревожившіе линію своими набѣгами, болѣе никогда уже не возстановлялся, и самое мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, заросло травою. Но и нашимъ войскамъ побѣда надъ упорными ахметъ-талинцами стоила не дешево: въ драгунскомъ дивизіонѣ трое нижнихъ чиновъ были убиты и 17 ранены, а общая потеря въ отрядѣ простиралась до 170 человѣкъ. Въ числѣ особенно отличившихся Эттингеръ въ своемъ рапортѣ называетъ старшаго вахмистра 6-го эскадрона Шевченку, и рядовыхъ Матвѣя Воробьева и Александра Крупенникова. Шевченко былъ старый ветеранъ, имѣвшій два георгіевскихъ креста. Подъ нимъ убили лошадь на переправѣ черезъ рѣку, и, падая вмѣстѣ съ ней, онъ вывихнулъ руку такъ сильно, что кость вышла изъ плечевого сустава; Воробьевъ и Крупенниковъ получили серьезныя раны, и, несмотря на то, всѣ трое оставались во фронтѣ до окончанія дѣла (3).

Въ Герзель-аулѣ драгуны сдѣлали только привалъ, и пошли домой, въ свою штабъ-квартиру, подъ новымъ, никогда еще не испытаннымъ впечатлѣніемъ ночного набѣга. Итакъ, въ то время, какъ одинъ дивизіонъ два мѣсяца сряду стоялъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ въ напрасномъ ожиданіи боя, другой—совершившій всего трехъ-дневный походъ, сходился съ непріятелемъ такъ близко, что даже заглядывалъ въ его сакли, распоряжался въ нихъ какъ дома, и на память своего пребыванія во вражеской странѣ привезъ не малое количество бурокъ, ковровъ, сѣдельныхъ подушекъ, уздечекъ, и разнаго другого, никому не нужнаго, домашняго скарба.

Экспедиція эта доставила маіору Эттингеру орденъ св. Владиміра 4 степени, а капитанъ Мосоловъ, и штабсъ-капитанъ Бѣлюстинъ, прапорщики Батіевскій и Штейнъ произведены въ слѣдующіе чины. Нижнимъ чинамъ пожаловано три знака отличія военнаго ордена (4).

На перевалѣ у Кутишинскаго озера.

Крѣпость Воздвиженская

VIII.

Драгуны въ Малой Чечнѣ.

(1848 г.).

Назначеніе одного дивизіона въ составъ чеченскаго отряда.—Препятствія, которыя пришлось преодолѣть при этомъ князю Воронцову.—Командиръ 1-го дивизіона маіоръ Золотухинъ.—Маршрутъ, высланный главнокомандующимъ.—Хассавъ-Юртъ.—Опасный путь до Сунжи.—Начальникъ колонны полковникъ Веревкинъ.—Переправа Нижегородцевъ черезъ Сунжу вплавь.—Дорога въ Грозную.—Ханкальское ущелье, и воспоминаніе, вызванное имъ въ драгунахъ.—Крѣпость Воздвиженская.—Первый ночлегъ въ лагерѣ.—Вступленіе въ Чечню.—Гойта.

Участіемъ пяти эскадроновъ въ военныхъ событіяхъ 1848 года далеко не исчерпывается боевая хроника Нижегородскаго драгунскаго полка. Еще одному дивизіону предстоялъ въ томъ же самомъ году, обильномъ

экспедиціями, далекій походъ и частыя встрѣчи съ непріятелемъ, но уже среди роскошной и живописной природы Малой Чечни. Устройство передовой чеченской линіи, которой князь Воронцовъ придавалъ такое рѣшающее значеніе въ дѣлѣ будущаго замиренія чеченцевъ, началось еще въ 1844 году, но подвигалось медленно. На одномъ изъ ея фланговъ стояла крѣпость Воздвиженская, на другомъ Ачхоевское укрѣпленіе, но разстояніе между ними было слишкомъ велико,—сорокъ верстъ, и наблюдать это пространство безъ промежуточнаго звена не было никакой возможности. Надо было поставить въ центрѣ еще третью крѣпость, которая поддерживала бы связь между ея отдаленными флангами. И вотъ, въ то время, когда лѣтнія военныя дѣйствія въ Дагестанѣ закончились, и Гергебиль былъ взятъ, войска начинаютъ сосредоточиваться въ Чечнѣ на берегахъ Мартаны для заложенія новаго укрѣпленія, долженствовавшаго не только закончить передовую линію, но и отдѣлить воинственный и безпокойный Гойтинскій округъ отъ густо населенныхъ ауловъ Гехинскаго. Самъ главнокомандующій давно уже находился въ Воздвиженской, куда ожидалъ прибытія и двухъ эскадроновъ Нижегородскихъ драгунъ, вызванныхъ имъ изъ Чиръ-Юрта, вопреки желаніямъ и даже протестамъ начальника лѣваго фланга генерала Нестерова, питавшаго къ драгунамъ почему-то предубѣжденіе (1). Въ Дагестанѣ слава ихъ была уже упрочена; но въ Чечнѣ о нихъ еще ничего не знали. Правда, и тамъ говорили много о Кутишинскомъ аулѣ, но никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы конные люди ворвались въ укрѣпленный аулъ. Это считалось миѳомъ, риторической фигурой, вставленной въ реляцію для красоты, а отнюдь не фактомъ, совершившимся на глазахъ многихъ тысячъ свидѣтелей (2).

Докладывая свои соображенія князю Воронцову, Нестеровъ энергически стоялъ за высылку въ его отрядъ не драгунъ, а линейныхъ казаковъ, которыхъ считалъ незамѣнимыми въ войнѣ противъ чеченцевъ. Казаки—говорилъ онъ—вполнѣ отвѣчаютъ своему назначенію дѣйствовать противъ иррегулярной непріятельской конницы; они не требуютъ за собой ухода; лошади ихъ не разборчивы, выносливы и неутомимы; вся аванпостная и конвойная служба лежитъ на казакахъ. Драгуны къ ней не способны, и своимъ присутствіемъ будутъ только стѣснять отрядъ въ его операціяхъ (3). Онъ точно заранѣе умывалъ руки и слагалъ съ себя отвѣтственность за послѣдствія, которыя могли произойти отъ прикомандированія къ его отряду этой безполезной кавалеріи. Главнокомандующій съ

большимъ вниманіемъ слушалъ то, что говорилъ ему Нестеровъ; его поблекшія уста все время сохраняли ту непроницаемую улыбку, которая такъ хорошо была знакома Кавказу; но когда Нестеровъ кончилъ, онъ повторилъ свое приказаніе вызвать драгунъ изъ Чиръ-Юрта спокойнымъ, холоднымъ тономъ, не допускавшимъ мысли о новыхъ возраженіяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ побывалъ на Сулакской линіи, въ его головѣ созрѣла мысль, отъ которой никакія комбинаціи не могли заставить его отказаться. Это была мысль,—что драгуны изъ своей новой штабъ-квартиры будутъ поспѣвать повсюду: и въ Дагестанъ, и въ Чечню, и въ крайнемъ случаѣ даже въ Кахетію, къ своему старому дорогому пепелищу (4). Въ Дагестанѣ уже видѣли ихъ; онъ хотѣлъ, чтобъ и чеченцы взглянули на людей, которые не даютъ себѣ труда спѣшиваться даже при штурмѣ укрѣпленныхъ ауловъ.

Распоряженіе о вызовѣ двухъ эскадроновъ на лѣвый флангъ Кавказской линіи получено было въ Чиръ-Юртѣ въ двадцатыхъ числахъ іюля. Судьбѣ угодно было, чтобы на очереди стоялъ 1-й дивизіонъ, которымъ командовалъ маіоръ Золотухинъ, одинъ изъ выдающихся кавказскихъ штабъ-офицеровъ. Біографія этого замѣчательнаго человѣка до прибытія его на Кавказъ не представляетъ собою ничего интереснаго; она была такъ же безцвѣтна, какъ любая біографія заурядnаго армейскаго офицера: происходилъ изъ дворянъ Тульской губерніи, выпущенъ изъ кадетъ Тульскаго Александровскаго корпуса корнетомъ въ Конно-польскій уланскій полкъ, переведенъ въ Московскій драгунскій, принялъ на законномъ основаніи 8-й эскадронъ и такъ далѣе, такъ далѣе... У него не было прошлаго; и когда онъ, въ чинѣ капитана, прибылъ въ 1846 году изъ Россіи, на него смотрѣли такъ же, какъ и на остальныхъ офицеровъ дополнительныхъ эскадроновъ; онъ только былъ общительнѣе, привѣтливѣе, радушнѣе своихъ товарищей; его полюбили, но никто не подозрѣвалъ въ немъ задатковъ настоящихъ военныхъ талантовъ, никто не предвидѣлъ того блестящаго мѣста, которое онъ займетъ въ исторіи Нижегородскаго полка. Если былъ на Кавказѣ въ то время человѣкъ, который, обнажая шашку и врываясь въ ряды непріятеля, думалъ не о томъ, чтобы проложить себѣ дорогу къ отличіямъ и почестямъ,—такъ это именно былъ Золотухинъ. Въ этомъ отношеніи онъ составлялъ явленіе замѣчательное и исключительное. Люди, носившіе громкія имена, искали на Кавказѣ славы, думали о повышеніяхъ и карьерѣ. Онъ ни о чемъ не

думалъ. Видѣть непріятеля и не броситься на него, въ какомъ бы числѣ онъ ни былъ, онъ называлъ «уклоненіемъ отъ службы». Если онъ зналъ напередъ, что разрѣшенія атаковать не получитъ, онъ его и не спрашивалъ. Чтобы не оказаться потомъ виновнымъ въ нарушеніи дисциплины, онъ бралъ иниціативу на себя, на личную свою отвѣтственность, и затѣмъ ссылался на ошибку, недоразумѣніе, или на собственную забывчивость и разсѣянность. Онъ былъ человѣкъ глубоко-религіозный и начиналъ каждое дѣло молитвою. «Благослови, Господи»,—было его любимымъ девизомъ и любимою фразой; съ ними онъ не думалъ о послѣдствіяхъ, не боялся отвѣтственности и даже самой смерти. Онъ былъ фаталистъ и вѣрилъ—чему назначено быть, то и будетъ.

Въ 1848 году, когда къ имени его начинаютъ прислушиваться на Кавказѣ, ему было только 36 лѣтъ. Открытое лицо его, съ благороднымъ профилемъ и нѣжными голубыми глазами, всегда смотрѣло привѣтливо и ласково. Онъ былъ довольно высокаго роста, блондинъ, съ высокимъ челомъ, на которомъ лысина проложила себѣ путь до самаго темени. «У меня *рѣдкіе* волосы», говорилъ онъ съ своимъ обычнымъ юморомъ, дѣлая удареніе на словѣ *рѣдкіе*. Характеромъ онъ былъ гораздо моложе своихъ лѣтъ, и могъ бы одерживать побѣды не надъ одними чеченцами (5). Таковъ былъ дивизіонеръ, на долю котораго выпала трудная роль завоевать Нижегородцамъ почетное мѣсто среди новаго, несовсѣмъ привѣтливо ожидавшаго ихъ, общества.

Сначала предполагалось отправить эскадроны, назначенные въ экспедицію, вмѣстѣ съ двумя батальонами, возвращавшимися изъ-подъ Гергебиля съ подполковникомъ княземъ Чавчавадзе. Но, впослѣдствіи, распоряженіе это было отмѣнено: драгунамъ приказано было сдѣлать первые три перехода однимъ, и только въ Умаханъ-Юртѣ, расположенномъ при впаденіи Гудермеса въ Сунжу, и слѣдовательно, стоявшемъ уже одною ногою въ непріятельской землѣ, присоединиться къ пѣхотѣ (6).

24-го іюля, задолго до восхода солнца, когда на востокѣ, надъ далекой окраиной моря, только что показался первый розовый отблескъ утренней зари, эскадроны стояли уже на плацу въ ожиданіи полкового командира. Круковскій не замедлилъ явиться. «Здорово драгуны!» крикнулъ онъ своимъ звучнымъ басомъ: «Поздравляю съ походомъ! Я не буду повторять вамъ того, что говорилъ прежде; вы сами знаете, какъ должны вести себя въ отрядѣ. Въ добрый часъ, съ Богомъ!» (7).

Дивизіонъ тронулся въ путь и, переправившись по плашкоутному мосту на лѣвый берегъ Сулака, очутился на Кумыкской плоскости. Эта плоскость такъ близко соприкасалась съ землей непріятеля и была подвержена такимъ внезапнымъ нападеніямъ, что по справедливости могла считаться самымъ опаснымъ мѣстомъ на лѣвомъ флангѣ. Драгуны поэтому шли съ военными предосторожностями и съ заряженными ружьями. Первый переходъ до Хассавъ-Юрта былъ не утомителенъ, но скученъ; унылые ландшафты разстилались по обѣ стороны дороги; тихо и безлюдно было кругомъ,—ни одного живого существа не попадалось на встрѣчу. Чапчакская башня, одиноко возвышавшаяся надъ оврагомъ, въ которомъ горцы нерѣдко скрывались въ засадахъ, не нарушала общей безжизненности картины, и только придавала ей грозную таинственность. Она точно говорила: здѣсь тихо, но вы не довѣряйтесь этой тишинѣ и будьте насторожѣ.

Часовъ въ 10 утра дивизіонъ подошелъ къ Хассавъ-Юрту, гдѣ его ожидала радушная и гостепріимная встрѣча кунаковъ-кабардинцевъ. Ровно два года тому назадъ, когда Круковскій проходилъ съ полкомъ черезъ Кумыкскую плоскость, направляясь къ своей новой штабъ-квартирѣ, на этомъ мѣстѣ, на этой самой мутной рѣчкѣ Ярыкъ-су, стояла ограда изъ земляного вала, обсаженная колючкой; внутри ограды не было ни одного зданія, ничего, кромѣ землянокъ, съ отверстіями въ соломенныхъ крышахъ для дыма. Нѣсколько шалашей изъ кукурузной соломы, три или четыре турлучные сарая, въ которыхъ ютились маркитанты, да навѣсъ для орудій,—вотъ все, что напоминало тогда жилыя помѣщенія; гарнизонъ нарождавшагося укрѣпленія укрывался отъ солнечнаго зноя въ палаткахъ. Теперь на этомъ мѣстѣ стоялъ цѣлый городъ, не уступавшій наружнымъ видомъ многимъ уѣзднымъ городамъ внутренней Россіи, и превосходившій многіе изъ нихъ числомъ своихъ жителей. Но несмотря даже и на эту волшебную перестановку декорацій,—Хассавъ-Юртъ унылое, скучное мѣсто. Увидѣвъ его, драгуны должны были примириться съ своей штабъ-квартирой: нашелся уголокъ еще печальнѣе Сулакской линіи. Обширное кладбище, раскинувшееся противъ южнаго фаса, слишкомъ краснорѣчиво говорило въ какихъ неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ находилась новая штабъ-квартира Кабардинскаго полка. Едва ли гдѣ-нибудь, на всемъ восточномъ Кавказѣ, съ такою нестѣсняемостью всѣ санитарныя условія принесены

были въ жертву стратегическимъ. Шамиль былъ правъ, когда совѣтовалъ ауховскому наибу Гайтемиру не слишкомъ тревожить войска, строившія Хассавъ-Юртъ. «Пусть ихъ строятъ»,—говорилъ онъ: «это они роютъ для себя могилу».

Кабардинцы тотчасъ разобрали желанныхъ гостей по казармамъ, а офицеры обѣдали у полкового командира. Дивизіонеръ занималъ почетное мѣсто по правую руку амфитріона, и Барятинскій съ большимъ интересомъ разспрашивалъ его о жизни въ Чиръ-Юртѣ, о тревогахъ на Сулакѣ, объ обществѣ офицеровъ, и внимательно слушалъ разсказъ о Кутишинскомъ дѣлѣ, въ которомъ Золотухину принадлежала видная роль. Прощаясь съ гостями уже позднею ночью, Барятинскій выразилъ сожалѣніе, что время не позволило ему, въ качествѣ командующаго войсками на Кумыкской плоскости, доставить драгунамъ приличное развлеченіе, но что онъ постарается пополнить этотъ пробѣлъ, когда драгуны будутъ возвращаться изъ экспедиціи.

Отъ Хассавъ-Юрта до Ташъ-Кичу дорога становилась еще болѣе опасною. Оказіи конвоировались по ней иногда цѣлыми батальонами съ орудіями, и всѣ сознавали, что главнокомандующій выказалъ очень лестное довѣріе драгунамъ, выславъ маршрутъ, по которому два эскадрона одни должны были пройти 70-верстное разстояніе отъ Сулака до Сунжи въ такое время, когда Кумыкская плоскость дни и ночи проводитъ въ ожиданіи тревогъ. Бѣлыя казармы кабардинскаго полка скоро исчезли за поворотомъ дороги, сверкнулъ въ послѣдній разъ штыкъ часового на крѣпостномъ валу, и опять окружила дивизіонъ широкая, голая, унылая степь. Все, что обрамляло ее, затонуло въ синеватой мглѣ, несмотря на ранній часъ утра; влѣво протянулся Качкалыковскій хребетъ, но и самъ онъ, и его лѣса, окутанные сверху до низу мглою, какъ будто дымились. Неподвижно стоявшая надъ поверхностью земли атмосфера успѣла накалиться до тридцати слишкомъ градусовъ. Скучно было итти офицерамъ, и они отъ нечего дѣлать затѣяли скачку, въ которой принялъ участіе и самъ дивизіонеръ на своемъ бѣломъ конѣ. Побѣдитель не долженъ былъ разсчитывать ни на какой призъ; за то одному, полетѣвшему съ лошади черезъ голову, дружно апплодировали, и даже требовали повторенія (8).

Въ одиннадцатомъ часу утра дивизіонъ вступилъ въ Ташъ-Кичу. Это былъ большой аулъ, жители котораго встрѣтили драгунъ не особенно

привѣтливо. Рослые, статные кони и стройные ряды этой невиданной здѣсь кавалеріи не возбудили въ нихъ удивленія. Гордая осанка жителей и ихъ насмѣшливая презрительная мина, съ которой они провожали драгунъ, не укрылись отъ дивизіонера; онъ обратился къ нимъ съ серьезнымъ лицомъ и сказалъ, точно они могли понимать его русскую рѣчь: «Смѣйтесь, смѣйтесь! Вы кое-что услышите объ насъ, и очень скоро; посмотримъ, какъ-то вы тогда будете смѣяться».

Послѣ ночлега подъ открытымъ небомъ драгуны двинулись дальше. Аулъ прошли съ пѣснями и бубнами; но едва вышли изъ его воротъ, какъ пѣсенниковъ отозвали назадъ, и на ихъ мѣста выѣхали фланкеры. Наступила тишина, среди которой глухо отдавался только топотъ конскихъ копытъ по мягкому грунту. Два раза заяцъ перебѣжалъ дорогу, за что по адресу его раздалось нѣсколько весьма выразительныхъ, энергическихъ проклятій; стадо оленей, неизвѣстно откуда вынырнувшее, появилось въ сторонѣ, точно выросло изъ земли, постояло нѣсколько секундъ неподвижно, какъ бы всматриваясь въ проходившихъ мимо драгунъ, и потомъ вдругъ повернуло назадъ, и, какъ молнія, скрылось въ лѣсахъ Качкалыковскаго хребта. Красиво закинувъ рога на спину, животныя неслись такъ быстро, что развѣ одинъ ураганъ могъ бы поспорить со скоростью ихъ бѣга. Мѣстность также измѣнила свой пустынный характеръ; вправо едва замѣтными темными полосками чередовались надтеречные сады, а еще ближе синѣлъ Брагунскій лѣсъ, таинственный и страшный, въ которомъ всегда можно было найти хищническую партію. Жара значительно уже спала, когда драгуны подошли наконецъ къ Сунжѣ и остановились на ея берегу, какъ разъ противъ Умаханъ-Юрта, окруженнаго лагеремъ собиравшейся здѣсь пѣхоты.

Колонной, къ которой должны были присоединиться драгуны, командовалъ полковникъ Веревкинъ,—одинъ изъ выдающихся офицеровъ генеральнаго штаба, умный, талантливый, но эксцентрикъ и оригиналъ, какихъ мало можно было встрѣтить даже на Кавказѣ. Къ нему-то Золотухинъ и послалъ походнаго адъютанта за приказаніями. Веревкинъ стоялъ не далеко отъ причала, въ старомъ, заношенномъ сюртукѣ на распашку, съ заложенными назадъ руками, и пристально смотрѣлъ на проносившіяся мимо него волны. Онъ даже не замѣтилъ приближенія драгунскаго офицера, который, взявшись подъ козырекъ, осмѣлился наконецъ перервать нить его размышленій. «Приказаній никакихъ не будетъ;

переправляйтесь», сказалъ онъ, не повернувъ даже головы къ адъютанту.—На паромѣ переправляться? продолжалъ допытываться молодой офицеръ. «Вотъ еще вздумали! Ночевать, что ли, хотите на переправѣ? А прикрывать кто васъ будетъ? Вплавь переправляйтесь».—Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ адъютантъ,—придется обождать два-три часа, чтобы не запалить лошадей: день жаркій, лошади въ мылѣ... «Прежде всего извольте взяться подъ козырекъ!»—онъ возвысилъ голосъ при этомъ, совершенно излишнемъ напоминаніи, такъ какъ адъютантъ все время не отнималъ руки отъ козырька, и издали, какъ самъ онъ говоритъ, можно было подумать, что онъ принимаетъ присягу. Но адъютантъ промолчалъ, а Веревкинъ, не отрываясь, продолжалъ смотрѣть на воду. «А кто васъ будетъ прикрывать, пока вы будете стоять на томъ берегу?» проговорилъ онъ наконецъ своимъ прежнимъ апатичнымъ тономъ.—Мы не нуждаемся въ прикрытіи, коротко отвѣтилъ адъютантъ. Только тогда Веревкинъ оторвался, наконецъ, отъ воды, и, увидѣвъ передъ собою совершенно юнаго офицера, засмѣялся. «Вамъ таки удалось разсмѣшить меня», проговорилъ онъ, «а это рѣдко кому удается». Онъ махнулъ рукой и проговорилъ уже нѣсколько смягченнымъ тономъ: «пусть переправляются вплавь».

Извѣстіе, привезенное адъютантомъ, нѣсколько озадачило дивизіонера; однако онъ скоро успокоился. «Ну, что жь такое: драгуны не боятся, когда ихъ посылаютъ въ огонь, они не должны бояться и воды»,—разсуждалъ онъ. «Нѣкоторые не умѣютъ плавать, да это не бѣда—Нижегородцы должны стоять выше человѣческихъ слабостей».

Черезъ полчаса началась переправа. Нижегородцамъ въ первый разъ пришлось переправляться черезъ такую широкую и быструю горную рѣчку, какъ Сунжа: лошадей далеко сносило въ сторону, волны съ шумомъ обдавали пѣной и брызгами всадниковъ, но все обошлось благополучно; только двое, затянувши поводья, окунулись въ Сунжу, но и тѣ при помощи товарищей кое-какъ добрались до берега. Колоннаго начальника дивизіонеръ разыскалъ уже въ крѣпости, въ какой-то невозможной лачужкѣ, и выслушалъ разсказанный имъ не безъ комизма инцидентъ о встрѣчѣ его съ отряднымъ адъютантомъ. «Знаете ли? говорилъ Веревкинъ, «онъ, кажется, хотѣлъ меня вызвать на дуэль; я подозрѣваю, что у него тутъ не совсѣмъ въ порядкѣ—(онъ указалъ рукою на лобъ). Вы обратите на это вниманіе». Золотухинъ вернулся къ дивизіону въ самомъ веселомъ расположеніи духа. «Мнѣ кажется», сказалъ онъ, также

Драгунскій барабанщикъ на конѣ.

указывая на свой лобъ, «у него тутъ не совсѣмъ ладно. Я много въ жизни встрѣчалъ оригиналовъ, но такого въ первый разъ вижу» (9).

Изъ Умаханъ-юрта драгуны выступили уже не одни, а вмѣстѣ съ небольшою колонной, которая состояла изъ шести ротъ пѣхоты и двухъ полевыхъ орудій. Трехдневное странствованіе ихъ по кумыкской плоскости окончилось; но его нельзя обойти молчаніемъ уже потому, что оно было первымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ. Съ этихъ поръ эскадроны стали направлять на Грозную, кружнымъ, но болѣе безопаснымъ путемъ черезъ привольныя казачьи станицы.

Проходя Новый и Старый юрты, драгуны поражались богатствомъ и громадностью этихъ ауловъ; особенно произвелъ на нихъ впечатлѣніе Старый-юртъ, представлявшій собою уже настоящій городъ. Однѣхъ мечетей его достало бы на всѣ аулы Сулакской линіи. Въ Старый-юртъ солдаты не посылались иначе какъ цѣлыми командами; забираться въ лабиринтъ его улицъ и закоулковъ по одиночкѣ было не совсѣмъ безопасно, и случалось не разъ, что такіе смѣльчаки пропадали безъ вѣсти. Жители его de jure признавали наше владычество, de facto — душою и тѣломъ принадлежали Шамилю, и даже высылали отъ себя значительный контингентъ въ его скопища. Надъ рѣкою, на которой стоитъ аулъ, постоянно клубится паръ: вода въ ней горячая, и даже при впаденіи въ Терекъ сохраняетъ довольно высокую температуру. Отсюда начался подъемъ на Старо-юртовскій хребетъ, упиравшійся своимъ косматымъ гребнемъ въ самую высь голубого неба. Подъемъ былъ труденъ, но зато картина, развернувшаяся передъ драгунами съ вершины перевала, была поразительная. Орлы каждый день любуются подобной панорамой, но войскамъ приходится любоваться ею не часто. Отсюда взоръ обнимаетъ громадное пространство, цѣлую страну, обширную, какъ любое германское государство. Налѣво—темные лѣса и горы Чечни, направо — серебристый Терекъ съ его сельскими ландшафтами, а прямо — неизмѣримая степь, и на самомъ краю маячитъ Грозная, которую отсюда скорѣе можно принять за мусульманскій городъ, нежели за русскую крѣпость. Это сходство придаютъ ей минареты четырехъ ауловъ, пріютившихся подъ ея стѣнами, и пирамидальные тополи, издали кажущіеся минаретами. Роты, слѣдовавшія въ одной колоннѣ съ драгунами, нашли себѣ кунаковъ, въ войскахъ, квартировавшихъ въ Грозной, но на драгунъ, пришедшихъ издалека, никто не обратилъ вниманія, точно они явились съ другой

планеты. Отрядный адъютантъ, ѣздившій за приказаніями, ничего не добился, и на вопросъ ожидавшихъ его офицеровъ, отвѣчалъ: «ничего не узналъ, ничего не хотятъ сказать, должно быть приняли за лазутчика» (10).

На другой день въ шесть часовъ утра колонна, усиленная еще батальономъ съ орудіемъ, и двумя казачьими сотнями, выстроилась за воротами Грозной. Чрезъ десять минутъ пріѣхалъ Веревкинъ. Онъ ни съ кѣмъ не поздоровывался, не произнесъ даже обычныхъ командныхъ словъ; онъ просто выѣхалъ впередъ, а за нимъ тронулась колонна. Можно было подумать, что онъ лунатикъ и дѣлаетъ все это во снѣ. Только поровнявшись съ драгунами, онъ бросилъ на нихъ ироническій взглядъ, точно хотѣлъ сказать: можетъ быть, вы и теперь не нуждаетесь въ прикрытіи. Дорога, дѣйствительно, пошла опасная. Верстахъ въ семи отъ Грозной миновали знаменитое Ханкальское ущелье, — эти тріумфальныя ворота, черезъ которыя войска вступаютъ въ нейтральную полосу, отдѣляющую Большую Чечню отъ Малой. Горы, образующія это ущелье, представляютъ собою явленіе странное: онѣ не принадлежатъ ни къ какой горной системѣ; онѣ стоятъ одиноко, покрытыя лѣсомъ, на совершенно открытой, голой равнинѣ, точно природа именно здѣсь собиралась громоздить горы, но потомъ раздумала, и перенесла свою дѣятельность на другое мѣсто, а ихъ такъ и оставила, какъ онѣ есть, недоконченными. Въ Ханкальскомъ ущельѣ видѣли уже непріятельскіе пикеты, стоявшіе по горамъ неподвижно, какъ конныя статуи, и потому шли въ боевомъ порядкѣ: пѣхота окружена была цѣпями, драгуны также прикрылись фланкерами, орудія шли на отвозахъ. За этимъ грознымъ ущельемъ, въ которомъ за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ старый Нижегородскій полкъ доставилъ Георгіевскій крестъ своему командиру полковнику Сталю,— опять началась равнина, еще болѣе унылая, нежли Кумыкская плоскость: тамъ попадались овраги, иногда рѣки, иногда колючій кустарникъ; тамъ зайцы перебѣгали дорогу, одинъ разъ олени выбѣжали посмотрѣть—точно ли это драгуны движутся одни по такой опасной дорогѣ? Здѣсь не было ничего; даже ящерицѣ негдѣ было пріютиться—до того оголена эта равнина. Это была скучная станція; за нею оставалось одно преимущество— она была послѣднею.

Около полудня 30 іюля изъ полупрозрачнаго, синеватаго тумана, занавѣшавшаго окрестность, стали вырисовываться какія-то высокія и длинныя строенія. То были стѣны и башни Воздвиженской. Влѣво бѣлѣли па-

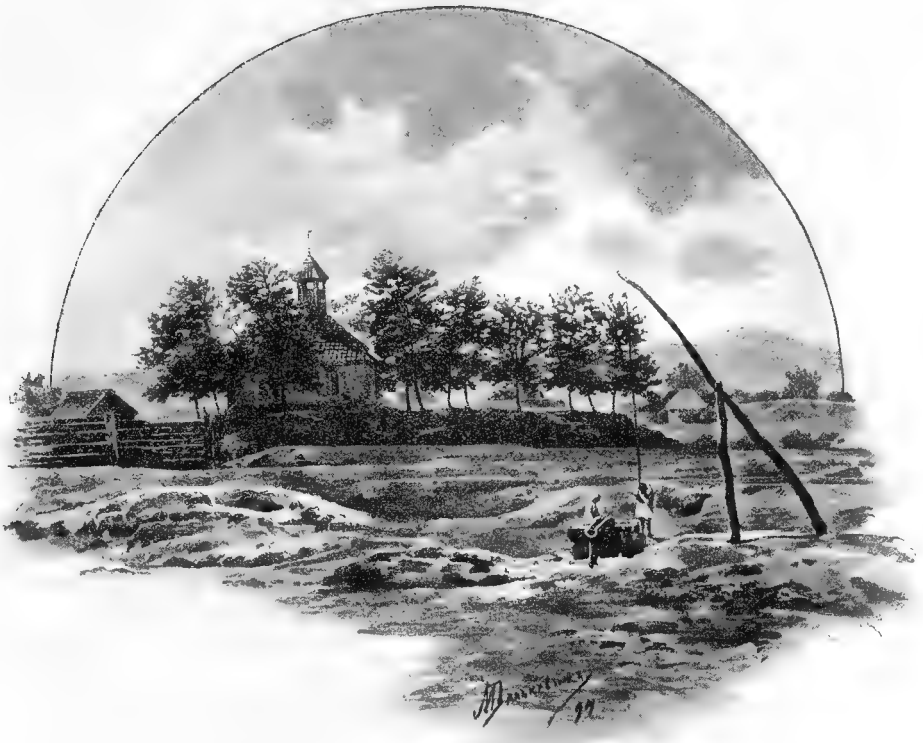
латки отряднаго лагеря. Драгуны прошли прямо на указанное имъ мѣсто и стали разбивать коновязь. Начиналась военная жизнь при обстановкѣ еще незнакомой драгунамъ. Нужно сказать, что на Кавказѣ всѣ районы носили на себѣ особый типичный отпечатокъ, рѣзко бросавшійся въ глаза даже малонаблюдательному человѣку. Кто-то весьма удачно сравнилъ лагери дагестанскихъ отрядовъ съ обителями квакеровъ, на которыхъ лежала печать монастырскаго послушанія. Въ Чечнѣ жизнь кипѣла ключемъ, и если тамошніе лагери можно было сравнить хоть съ чѣмъ-нибудь, такъ это съ цыганскимъ таборомъ, гдѣ съ утра до вечера шло веселье и раздавались пѣсни, не умолкавшія ни при сорокаградусной жарѣ, ни при двадцати градусахъ мороза. Впечатлѣніе окружающихъ ландшафтовъ, характеръ жителей, обстановка и условія, при которыхъ развивалась лагерная жизнь, самыя отношенія начальниковъ—все отражалось на духѣ войскъ, незнакомыхъ съ подавляющею мертвою природой Дагестана. Но на этотъ разъ случилось нѣчто совершенно особенное.

Какъ только смерклось, въ драгунскій лагерь прискакалъ адъютантъ съ приказаніемъ: ночью не зажигать никакихъ огней, ни въ палаткахъ, ни за палатками, костры тотчасъ залить водою, за цѣпь никого не пропускать, пѣсни прекратить. И когда стемнѣло, кругомъ лагеря, и въ самомъ лагерѣ сдѣлалось такъ тихо, какъ будто войска его покинули. Было что-то страшное, зловѣщее въ этой тишинѣ и неподвижности. Это походило скорѣе на засаду, нежели на отдыхъ. Кругомъ стояли густыя цѣпи; по одну сторону ихъ, ближе къ лагерю, расположились резервы, по другую, по всѣмъ дорогамъ, которыя вели къ непріятелю, лежали секреты. Причина такой осторожности заключалась въ поведеніи одного изъ чеченскихъ наибовъ, Талгика, который угрожалъ ночнымъ нападеніемъ и даже привезъ съ собой артиллерію. Надо сказать, что подобныя тревоги бывали уже нѣсколько разъ, и стоили намъ не дешево, такъ какъ непріятельскія гранаты, залетая въ лагерь, рвались даже въ самыхъ палаткахъ,—это всѣмъ такъ надоѣло, что за два дня до прихода драгунъ, подъ курганъ, гдѣ обыкновенно появлялись непріятельскія орудія, подведена была мина. Работы велись чрезвычайно скрытно. Талгикъ, ничего не подозрѣвавшій, въ обычное время открылъ огонь, какъ вдругъ грянулъ страшный взрывъ, и темная ночь мгновенно освѣтилась яркимъ пламенемъ, вырвавшимся изъ-подъ земли. Крики и вопли, раздававшіеся

въ той сторонѣ, свидѣтельствовали о катастрофѣ, постигшей батарею, и если бы войска, какъ было предположено, кинулись въ этотъ моментъ на курганъ, они возвратились бы въ лагерь съ богатымъ призомъ. Но атака, къ сожалѣнію, была отмѣнена. Инженерный офицеръ, зажигавшій мину, почему-то прискакалъ сказать, что взрывъ не удался, такъ какъ орудія стояли не на прежней позиціи, а нѣсколько въ сторонѣ. Только на другой день оказалось, что офицеръ ошибся: орудія, лишенныя всѣхъ своихъ принадлежностей, всю ночь валялись подъ курганомъ, и только передъ свѣтомъ были увезены куда-то на арбахъ; самъ Талгикъ, врытый въ землю по самыя плечи, до утра оставался на мѣстѣ въ самомъ безпомощномъ состояніи. Сюрпризъ, устроенный ему, не охладилъ, однакоже, порывовъ усерднаго наиба, и лазутчики дали знать, что ночью будетъ опять канонада по лагерю. Но на этотъ разъ лазутчики ошиблись; ночь прошла спокойно, а на разсвѣтѣ войска дѣйствительно покинули лагерь, и стали строиться фронтомъ къ Малой Чечнѣ; пѣхота была въ бѣлыхъ матроскихъ рубахахъ и бѣлыхъ шароварахъ; драгуны въ бѣлыхъ фуражкахъ и кителяхъ, но въ черныхъ, съ красными лампасами, шароварахъ. Скоро отъ сѣверныхъ воротъ Воздвиженской показалась кавалькада, впереди которой ѣхалъ всадникъ на маленькой гнѣдой лошадкѣ, весь въ черномъ, въ высокой бѣлой фуражкѣ. Это былъ самъ главнокомандующій, окруженный огромною свитой. За нимъ, въ сѣроватомъ облакѣ поднятой пыли, развѣвались три большіе значка: голубой и красный съ бѣлыми крестами, и бѣлый значекъ съ чернымъ крестомъ по серединѣ. «Здравствуйте тенгинцы! Здравствуйте куринцы! Здравствуйте саперы!» привѣтствовалъ онъ каждую часть отдѣльно, проѣзжая медленнымъ, неторопливымъ шагомъ. Дошла очередь и до драгунскаго дивизіона: «Здравствуйте, здравствуйте драгуны!» весело и ласково привѣтствовалъ ихъ Воронцовъ, точно встрѣтилъ старыхъ знакомыхъ, съ которыми не надѣялся такъ скоро увидѣться. «Обратили вы вниманіе, Димитрій Матвѣевичъ», сказалъ дивизіонеру одинъ изъ офицеровъ,—«онъ драгунамъ два раза сказалъ «здравствуйте?». — «Это оттого, отвѣчалъ дивизіонеръ,—что у насъ два строя: конный и пѣшій» (11). Объѣхавъ колонны, главнокомандующій вернулся къ авангарду и занялъ мѣсто между нимъ и головнымъ батальономъ. Войска тронулись. Ни команды, ни сигнала никто не подавалъ; тронулись—потому что впереди заколыхались значки; за ними пришла въ движеніе и вся колонна. Веселый говоръ пошелъ по рядамъ и слился въ

нестройный гулъ голосовъ; о тишинѣ, которую принято соблюдать во фронтѣ, не было и помину. Главнокомандующій ѣхалъ впереди, и не безъ удовольствія прислушивался къ этому говору: онъ понималъ его значеніе, и любилъ, когда его присутствіемъ солдаты не стѣснялись. Верстахъ въ семи отъ Воздвиженской отрядъ остановился. Нейтральная полоса, отдѣлявшая Большую Чечню отъ Малой, была пройдена. Здѣсь большую русскую дорогу подъ прямымъ угломъ пересѣкала Гойта. За лѣвымъ берегомъ ея начинаются грозные лѣса Малой Чечни.

Лагерь маркитантовъ подъ Воздвиженской.



Укрѣпленіе Урусъ-Мартанъ.

IX.

На Гойтѣ и Мартанѣ.

Переходъ черезъ Гойгу.—Черная поляна.—Первое знакомство драгунъ съ чеченскою конницею на фуражировкѣ.—Закладка новой крѣпости.—Истребленіе кукурузнаго поля.—Обманчивая тишина и сюрпризъ, устроенный чеченцами при возвращеніи колонны.—Драгуны не остаются въ долгу, и на сюрпризъ отвѣчаютъ сюрпризомъ.—Кавалерійская атака въ Гойтинскомъ лѣсу, и пораженіе въ чащѣ его пѣшихъ чеченцевъ.—Появленіе передъ колонной главнокомандующаго.—Находчивый отвѣтъ полковника Преображенскаго.—Награды дивизіону.—Празднество въ драгунскомъ лагерѣ и ночныя канонады.—Непріятель отводитъ воду.—Критическое положеніе отряда.—Канонада на Гойтѣ.—Эскадронъ, заблудившійся въ Гойтинскомъ лѣсу.—Золотухинъ ставитъ себѣ задачей взять непріятельскія пушки.

Лѣниво бѣжитъ Гойта въ своихъ берегахъ, поросшихъ сумрачными, таинственными лѣсами. Много крови пролито было здѣсь прежде, чѣмъ русскіе успѣли проложить дорогу, которую чеченцы иронически называли

«большою русскою дорогою». Хороша, въ самомъ дѣлѣ, дорога, по которой нельзя было двигаться иначе, какъ съ отрядомъ въ нѣсколько батальоновъ пѣхоты, съ пушками и кавалеріею. Не одинъ разъ широкія просѣки раскрывали таинственныя гойтинскія дебри, но мощная природа такъ же быстро покрывала ихъ свѣжими порослями, такими густыми и частыми, что черезъ нихъ съ трудомъ, и то по одиночкѣ, могла пробираться пѣхота. На этотъ разъ поросли, расчищенныя всего за нѣсколько мѣсяцевъ въ зимней экспедиціи Фрейтага, не составляли собою препятствій, но за то весеннее половодье размыло берега и уничтожило всѣ переправы. Пришлось возстановлять спуски съ помощью саперъ и пѣхоты. Драгуны, а за ними два батальона первые перешли черезъ Гойту и составили прикрытіе рабочихъ. Главнокомандующій переѣхалъ рѣчку вмѣстѣ съ драгунами. Онъ ѣздилъ осматривать окрестность, и, возвратившись съ рекогносцировки, сошелъ съ лошади, и тутъ же, у импровизированнаго бивуака, присѣлъ на скамеечкѣ. Драгуны также спѣшились, но держали лошадей въ поводу, чтобы по первому сигналу вскочить на коней. Непріятель, однакоже, нигдѣ не показывался. Работа шла безъ помѣхи. Черезъ часъ, не больше, переправа была устроена, и солдаты перетащили на рукахъ пушки и обозы.

Мѣстность за лѣвымъ берегомъ Гойты, на которую ступили войска, носила названіе Черной поляны. Но почему ее назвали Черною? Можетъ быть, русскіе увидѣли ее въ первый разъ осенью, когда трава была выжжена, кругомъ стояли черныя, обнаженныя, мокрыя деревья, и сѣрый туманъ низко стлался по самой землѣ. Теперь среди угрюмыхъ лѣсовъ, обступившихъ ее со всѣхъ сторонъ, покрытая роскошною зеленью и залитая солнечнымъ свѣтомъ, она смотрѣла до того привѣтливо, что ей скорѣе можно бы было дать названіе свѣтлой. Колонна уже прошла отъ переправы двѣ-три версты, когда въ лѣвой цѣпи загорѣлась перестрѣлка; она скоро стихла, но въ этотъ короткій промежутокъ времени у насъ выбыло изъ строя нѣсколько человѣкъ, и въ томъ числѣ командиръ Тенгинскаго пѣхотнаго полка полковникъ Левковичъ (старый Нижегородскій драгунъ). Главнокомандующій былъ очень встревоженъ этимъ извѣстіемъ, и успокоился только тогда, когда, съѣздивъ на перевязочный пунктъ, убѣдился самъ, что рана не смертельна (1).

Восьмиверстное разстояніе отъ Гойты до Мартаны войска прошли въ два часа времени, и пѣхота заняла позицію около развалинъ боль-

шого чеченскаго аула. Это былъ тотъ самый аулъ, который первый поднялъ возстаніе въ сороковомъ году, и въ мечети котораго Шамиль торжественно принялъ присягу чеченскаго народа на газаватъ. Аулъ и мечеть разрушены русскими, но газаватъ остался. Подъ его кровавое знамя уже восемь лѣтъ стекались отважные бойцы, только шагъ за шагомъ уступавшіе намъ свои плодоносныя земли. Какъ только войска раскинули лагерь, лазутчики дали знать, что на томъ берегу Мартаны находятся большіе запасы сѣна, которые непріятель не успѣлъ убрать,—и кавалерія, подъ начальствомъ полковника князя Эристова, послана была на фуражировку.

За Урусъ-Мартаномъ, на широкой лѣсной прогалинѣ, драгуны увидѣли чеченскую конницу, не менѣе какъ въ двѣ тысячи всадниковъ, которая при ихъ приближеніи подалась назадъ и заняла опушку; только между огромными стогами сѣна, стоявшими въ самомъ концѣ поляны, скакали одиночные всадники съ факелами въ рукахъ, и торопливо ихъ зажигали. Нѣкоторые стога уже пылали. Чтобы спасти остальные, казаки кинулись впередъ съ княземъ Эристовымъ, а драгуны развернули фронтъ, и стали лицомъ къ непріятелю, чтобы прикрыть фуражировъ. Между чеченцами и нашими фланкерами завязалась перестрѣлка. Казаки между тѣмъ окружили стога, къ которымъ еще не успѣло коснуться пламя, проворно разбирали и вьючили ихъ на своихъ лошадей. Черезъ часъ работа была покончена, и сотни, ведя въ поводу лошадей, гнувшихся подъ тяжестью вьюковъ, стали отходить, прикрываемыя драгунами. Картина была грандіозная. Два эскадрона длинною линіей стояли передъ лѣсомъ, какъ мѣдныя изваянія. Ихъ неподвижность пугала горцевъ, никогда не видѣвшихъ регулярнаго кавалерійскаго строя. Они не осмѣлились преслѣдовать ихъ даже тогда, когда драгуны, стройно заѣхавъ назадъ, стали отходить отъ опушки. Чеченцы послали въ догонку имъ только нѣсколько выстрѣловъ, и бросились зажигать стога, которые спаслись отъ расхищенія. Скоро черный дымъ застлалъ поляну, и изъ-подъ его колеблющихся тучъ огненными пирамидами ярко свѣтились стога горѣвшаго сѣна.

Таково было первое знакомство чеченцевъ съ драгунами. Потерь не было ни съ той, ни съ другой стороны; ни та, ни другая сторона не попыталась даже схватиться съ противникомъ, что называется, вплотную, и тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, произведенное драгунами, было такъ оче-

видно, что его нельзя даже оспаривать. Послѣднее обстоятельство и послужило темой для разговоровъ въ лагерѣ. Тамъ никакъ не могли угадать и разъяснить причину, которая заставила чеченцевъ отказаться отъ обычнаго преслѣдованія колонны. Одинъ только князь Воронцовъ хорошо понималъ эти причины, но онъ молчалъ, и только добродушной улыбкой провожалъ драгунъ, когда они мимо его ставки проходили въ лагерь (²).

Черезъ день послѣ этого совершилась торжественная закладка новаго укрѣпленія, названнаго Урусъ-Мартанскимъ. Отслужено было молебствіе, и когда главнокомандующій положилъ первый камень въ основу будущей крѣпости,—залпъ артиллеріи возвѣстилъ сосѣднимъ горамъ, что Мартанъ отнынѣ становится русскою рѣкою.

На другой день, 4-го августа, назначена была опять большая фуражировка, и изъ лагеря выступили три батальона пѣхоты при четырехъ орудіяхъ, дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ и нѣсколько сотенъ милиціи, подъ командой полковника Преображенскаго. Колонна миновала Черную поляну и, втянувшись въ лѣсъ, очутилась посреди обширнаго поля, засѣяннаго кукурузой. Высокіе стебли ея клонились къ землѣ подъ тяжестью початковъ. Столѣтнія чинары стояли кругомъ, и, казалось, однѣ сторожили это цвѣтущее, переливавшееся золотомъ поле. Кругомъ ни шелеста, ни шороха: колонну точно обступила ни живая природа, а декорація, написанная великимъ художникомъ. Но эта декорація была слишкомъ заманчива для сюпризовъ всякаго рода, а тишина казалась слишкомъ неестественною и подозрительною. Царствовавшею кругомъ тишиною заразились даже войска: говорили шепотомъ, командныя слова произносили вполголоса, или замѣняли ихъ жестами. Колонный начальникъ съ трехъ сторонъ оцѣпилъ поле стрѣлками, а четвертую, къ сторонѣ Черной поляны, занялъ отрядъ: пѣхота стояла въ ружьѣ, кавалерія держала лошадей въ поводу; одни орудія остались на передкахъ, потому что никто не могъ предвидѣть, гдѣ имъ придется дѣйствовать. Два часа продолжалась фуражировка, и въ эти два часа ни однимъ звукомъ не было нарушено безмолвіе, окружавшее колонну. Такъ же тихо отступила она отъ кукурузнаго поля, какъ тихо подошла къ нему, и стала выбираться изъ лѣсу. Страннымъ казалось всѣмъ отсутствіе непріятельскихъ пикетовъ, которые выставлялись днемъ и ночью, и въ осеннія бури и въ зимніе морозы, отъ каждаго аула, отъ каждой группы раскинутыхъ въ лѣсу хуторовъ. Непріятель, имѣвшій превосходныхъ лазутчиковъ, не могъ не знать о выступленіи нашей ко-

лонны; и всѣхъ занималъ вопросъ: почему онъ не слѣдилъ за нею, и почему не встрѣтилъ ее въ завалахъ, которыми такъ удобно было обнести кукурузное поле? Чѣмъ загадочнѣе было поведеніе горцевъ, тѣмъ недовѣрчивѣе относился къ нему, и тѣмъ осторожнѣе былъ колонный начальникъ. Войска подвигались медленно, въ строгомъ боевомъ порядкѣ и тишинѣ, навѣянной на нихъ таинственной обстановкой; орудія, заряженныя картечью, слѣдовали на отвозахъ; офицеры внимательно присматривались къ темени лѣса; но никакихъ признаковъ близкаго присутствія человѣка нигдѣ не было видно. Такъ миновали Черную поляну и вступили на большую русскую дорогу. Многіе вздохнули съ облегченіемъ; по рядамъ пронесся говоръ, и колонна пошла бойкимъ шагомъ. Впереди, въ трехъ-четырехъ верстахъ, уже виденъ былъ станъ русскаго войска; изъ-за чернаго бруствера, опоясывавшаго лагерь, вставали бѣлыя верхушки палатокъ; по временамъ солнечный лучъ скользилъ по золоченому кресту церковнаго намета, или игралъ на штыкѣ часового. На валу стояла какая-то группа, наблюдавшая, повидимому, за движеніемъ колонны,—точно и она чего-то опасалась, и чего-то ждала. Опушка лѣсовъ попрежнему въ угрюмомъ молчаніи смотрѣла на большую русскую дорогу. И вдругъ, съ лѣвой стороны колонны, изъ этой опушки вылетѣлъ дымокъ, сорвался выстрѣлъ, за нимъ грохнулъ другой. Лѣвая цѣпь отвѣтила залпомъ, — и черезъ минуту перестрѣлка уже кипѣла по всей линіи. Дивизіонеръ пріосанился. «Начинается. Что-нибудь перепадетъ и на нашу долю!» весело проговорилъ онъ, обращаясь къ своимъ офицерамъ. Но перестрѣлка вдругъ смолкла. Наступила короткая пауза. Старые офицеры знали, что этотъ перерывъ не предвѣщаетъ ничего хорошаго. И, дѣйствительно, черезъ секунду чеченцы толпою высыпали изъ лѣса и, гикнувъ, выхватили шашки. Съ нашей стороны затрещалъ батальный огонь. Отрядъ остановился. «Орудія въ лѣвую цѣпь!» крикнулъ Преображенскій. Но прежде чѣмъ команда дошла по назначенію, кавалерійская труба рѣзко прозвучала «походъ», и дивизіонъ драгунъ съ мѣста понесся маршъ маршемъ. Если бы въ это время кто-нибудь оглянулся въ сторону нашего лагеря, онъ бы увидѣлъ какъ группа, не спускавшая глазъ съ двигавшейся колонны, теперь засуетилась. Самъ Преображенскій нѣсколько потерялся. Кавалерійская атака подъ самою опушкою лѣса казалась ему до того непонятною, до того необъяснимою, что онъ даже не сдѣлалъ въ первую минуту никакого распоряженія, чтобы оста-

новить кавалерію. А драгуны неслись все дальше и дальше. Впереди всѣхъ стлался сѣрый конь Золотухина. Слышно было среди наступившаго молчанія, какъ гудѣла земля подъ топотомъ двухсотъ лошадей, мчавшихся черезъ поляну. Вотъ уже наша цѣпь прекратила огонь, чтобы не стрѣлять по своимъ; вотъ сверкнули на солнцѣ выхваченныя изъ ноженъ полосы шашекъ—и драгуны съ-налета врѣзались въ густую толпу чеченцевъ. Чеченцы дрогнули и смѣшались; они видѣли какъ тронулась кавалерія, но они были увѣрены, какъ былъ увѣренъ и самъ Преображенскій, что драгуны, проскакавъ нѣсколько саженей, остановятся, пострѣляютъ и повернутъ назадъ.Такъ дѣйствовали обыкновенно наши казаки; но того, что случилось теперь, никто не предвидѣлъ. Смятые, растоптанные чеченцы въ паническомъ страхѣ кинулись въ лѣсъ; но драгуны сидѣли у нихъ на плечахъ, и вслѣдъ за ними вскочили въ опушку. И наши, и непріятель—все исчезло изъ глазъ за темною листвой Гойтинскаго лѣса. Безпорядочные выстрѣлы гремѣли тамъ и здѣсь по цѣлому бору, но слышались уже все дальше и дальше. Очевидно, драгуны гнали и рубили чеченцевъ (3).

Гойтинскій лѣсъ, считавшійся непроницаемымъ, оказался доступнѣе, нежели то можно было предполагать. Издали онъ, дѣйствительно, смотрѣлъ сплошною стѣною; но это былъ одинъ изъ тѣхъ оптическихъ обмановъ, которыми изобилуютъ далекія перспективы. Въ послѣднее время онъ значительно порѣдѣлъ и не представлялъ уже неодолимаго препятствія для кавалеріи, которая захотѣла бы сойтись съ непріятелемъ. Что произошло въ лѣсу, когда драгуны и чеченцы остались одинъ на одинъ, описывать трудно. Никто не могъ видѣть одновременно всѣхъ эпизодовъ боя, которыхъ было столько же, сколько было людей во фронтѣ.

«Въ лѣсу,—говоритъ одинъ очевидецъ,—мы совершенно разсыпались и даже потеряли изъ виду другъ друга. Я служилъ тогда юнкеромъ во 2-мъ эскадронѣ, былъ молодъ, и въ первый разъ въ дѣлѣ. Оглушенный шумомъ и грохотомъ, не сознавая, что такое происходитъ кругомъ, я скакалъ черезъ баррикады поваленныхъ деревъ, и вдругъ при одномъ прыжкѣ лицомъ къ лицу очутился съ чеченцемъ. Онъ отскочилъ за дерево и въ упоръ нацѣлилъ въ меня изъ винтовки. Признаюсь, я совершенно растерялся; но, къ счастью, въ эту минуту возлѣ меня очутился взводный вахмистръ Сенкевичъ, слѣдившій за мной, какъ за ребенкомъ. Онъ оттолкнулъ меня въ сторону, и крикнувъ съ укоромъ: «эхъ, сударь!—

Атака въ Гойтинскомъ лѣсу Золотухина.

рубить надо!»—ловкимъ ударомъ шашки положилъ чеченца на мѣстѣ» (4). Много опасныхъ минутъ пришлось пережить походному адъютанту прапорщику Ключареву, которому приходилось разыскивать то того, то другого эскадроннаго командира, и одному скакать по заколдованному лѣсу, гдѣ каждое дерево скрывало за собою засаду. «Въ одну изъ такихъ поѣздокъ», разсказывалъ онъ, «я потерялъ своихъ изъ виду, и очутился въ такой трущобѣ, гдѣ ни конскаго топота, ни людскихъ голосовъ—ничего не было слышно. Напрасно я всматривался въ темную даль кустарника—не мелькнетъ ли гдѣ-нибудь бѣлая шапка драгуна; нигдѣ никого, — я былъ одинъ. Проѣхавъ нѣсколько шаговъ на удачу, я увидѣлъ чеченца, загородившаго мнѣ дорогу; онъ стоялъ безъ папахи; бритая голова, глаза сверкавшіе, какъ угли, и черная борода придавали ему такой свирѣпый видъ, что лошадь моя шарахнулась въ сторону. Это меня спасло, потому что въ тотъ же моментъ грянулъ выстрѣлъ, и пуля расколола переднюю луку моего сѣдла. Чеченецъ въ одинъ прыжокъ очутился возлѣ меня съ обнаженнымъ кинжаломъ; но, къ счастью, я успѣлъ предупредить его ударомъ шашки; онъ залился кровью и опустился на земь. Я проскакалъ мимо. Вправо отъ меня были кусты. Вдругъ оттуда показался дымокъ и сверкнулъ выстрѣлъ; пуля пролетѣла мимо, но выстрѣлъ очевидно былъ сдѣланъ по мнѣ. Я остановился въ нерѣшимости, не зная: повернуть ли назадъ, или промчаться мимо предательскаго куста? Гдѣ же наши? тоскливо спрашивалъ я самъ себя, тревожно оглядываясь по всѣмъ сторонамъ. Но наши были близко; они точно слышали мой вопросъ, и три всадника, вѣроятно привлеченные выстрѣломъ, вынырнули изъ-за деревьевъ. Это были люди 2-го эскадрона. Они кинулись въ кусты, надъ которыми еще вился дымокъ. Но прежде чѣмъ они успѣли управиться съ чеченцемъ, двое изъ нихъ были ранены его кинжаломъ.

«Пробираясь дальше по высокимъ зарослямъ, скрывавшимъ меня съ головою, я скоро разыскалъ дивизіонера. Онъ стоялъ на своемъ сѣромъ конѣ совершенно одинъ и держалъ въ поводу строевую драгунскую лошадь. На мой вопросъ: что это значитъ? онъ ничего не отвѣтилъ, и только головой указалъ на распростертаго у ногъ его старшаго вахмистра Башкова. — Убитъ? спросилъ я вполголоса. — «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ, «но, кажется, умретъ, пуля осталась въ животѣ. Не знаю», продолжалъ Золотухинъ, «какъ онъ отбился отъ своего эскадрона, но мы ѣхали съ нимъ рядомъ, какъ вдругъ,—вонъ изъ того куста раздались

два выстрѣла. Онъ зашатался и упалъ; трубачъ мой бросился къ кусту, но тамъ никого не было; онъ хотѣлъ обшарить и тѣ кусты,—вонъ что подальше, да я приказалъ ему скорѣе скакать за людьми: надо же поднять человѣка и уложить его на лошадь, чтобы хоть какъ-нибудь довезти до колонны» (5)...

Погромъ пѣшихъ чеченцевъ былъ самый рѣшительный. Теперь пора была и возвращаться назадъ, потому что за лѣвымъ флангомъ у насъ уже стали показываться новыя значительныя массы горцевъ, и въ просвѣтѣ между деревьями мелькали значки. Трубачъ протрубилъ отступленіе. По мѣрѣ того, какъ драгуны выѣзжали изъ лѣса, они мало по малу смыкались, и строились развернутымъ фронтомъ. Чеченцы, по ихъ слѣдамъ занявшіе опушку, не смѣли, однако, выйти въ открытое поле, и провожали ихъ только ружейнымъ огнемъ. Эскадроны все время отступали шагомъ. Этого, по мнѣнію Золотухина, во-первыхъ, требовало достоинство оружія, а во-вторыхъ, были раненые, съ которыми скакать рысью было бы безчеловѣчно. Пѣхота все еще продолжала стоять на томъ же мѣстѣ, гдѣ отъ нея отдѣлился дивизіонъ, и встрѣтила возвращавшихся драгунъ апплодисментами. Но не одна колонна была свидѣтельницею ихъ безоглядно-отважной атаки. Въ подзорную трубу съ валовъ новой крѣпости слѣдилъ за нею самъ главнокомандующій. Онъ былъ очень встревоженъ. «Куда они скачутъ? Что съ ними будетъ?» повторялъ онъ нѣсколько разъ, не оставляя трубы даже тогда, когда драгуны скрылись у него изъ виду. Но вотъ эскадроны опять выходятъ изъ лѣса; они отступаютъ шагомъ, и непріятель, видимо озадаченный, не осмѣливается даже ихъ преслѣдовать. Князь Воронцовъ спросилъ коня, и поѣхалъ на встрѣчу колонны.

Поровнявшись съ авангардомъ, онъ придержалъ свою лошадь, чтобы выслушать донесеніе колоннаго начальника. Лицо его было очень серьезно; даже обычная улыбка на этотъ разъ исчезла. «Почему вы не выслали на встрѣчу драгунамъ подкрѣпленія, когда они отступали отъ лѣса?» спросилъ онъ строгимъ голосомъ.—Я боялся, ваше сіятельство, оскорбить этимъ драгунъ!—находчиво отвѣчалъ Преображенскій. Главнокомандующій мгновенно просіялъ. Онъ весело протянулъ колонному начальнику руку, и проговорилъ шутливымъ тономъ: «Правда, правда, они очень самолюбивы».—«Здравствуйте, драгуны, здравствуйте!» сказалъ онъ, подъѣзжая къ ихъ фронту: «Я не удивляюсь тому, что вы сдѣлали сего-

дня; пусть удивляются другіе, а я васъ знаю давно. Еще два-три такихъ урока, и чеченцы отучатся бросаться въ шашки, по крайней мѣрѣ въ вашемъ присутствіи. Велика ли потеря?» обратился онъ къ Золотухину.—Четыре человѣка убито, семь ранено и выбыло шесть лошадей, ваше сіятельство, отвѣчалъ Золотухинъ. «Что дѣлать, что дѣлать,—гдѣ дрова рубятъ, тамъ и щепки летятъ», проговорилъ Воронцовъ. Онъ подалъ руку дивизіонеру и той же чести удостоилъ всѣхъ офицеровъ дивизіона. Раненаго вахмистра Башкова онъ тутъ же поздравилъ прапорщикомъ.

Возвращаясь назадъ съ перевязочнаго пункта, куда онъ ѣздилъ провѣдать раненыхъ драгунъ, князь Воронцовъ пріостановился. Улыбка во второй разъ въ это утро исчезла съ его лица. Онъ только теперь замѣтилъ какіе-то шарообразные узлы въ окровавленныхъ платкахъ, болтавшіеся на сѣдельныхъ лукахъ у нѣкоторыхъ драгунъ. Онъ не спросилъ: что это такое? Онъ зналъ заранѣе, что ему отвѣтятъ: «Головы, ваше сіятельство!» Онъ не хотѣлъ слышать этого отвѣта и, отвернувшись, проскакалъ далѣе. Князь Воронцовъ не одинъ разъ возставалъ противъ этого обычая; онъ даже прямо запрещалъ его,—но и онъ ничего не могъ сдѣлать съ тѣмъ, что народилось не само собою, а было создано условіями такой войны, какъ Кавказская.

Когда главнокомандующій проѣхалъ, отъ его свиты отдѣлился полковникъ Веревкинъ. «А знаете ли что?» сказалъ онъ Золотухину, остановивъ свою худенькую гнѣдую лошаденку рядомъ съ красивымъ сѣрымъ конемъ дивизіонера. «Вѣдь вашъ адъютантъ былъ правъ, когда хотѣлъ,—помните ли?—въ Умаханъ-юртѣ вызвать меня на дуэль: драгуны-то и въ самомъ дѣлѣ не нуждаются ни въ чьемъ прикрытіи». Онъ помолчалъ. «Вы не подозрѣваете и сами, какого рода отличіе оказали сегодня ваши драгуны», прибавилъ онъ, махнувши рукою: «Но объ этомъ послѣ, теперь мнѣ некогда». Онъ тронулъ плетью свою тощую лошадку, и эта лошадка великолѣпною иноходью въ одинъ моментъ нагнала свиту намѣстника. Золотухинъ только покачалъ головою. «У него и конь такой же чудакъ, какъ онъ самъ», проговорилъ наконецъ дивизіонеръ,—«глядитъ такимъ тщедушнымъ, мизернымъ, а стоитъ двухъ такихъ лошадей, какъ моя». Загадочныя слова Веревкина выяснились въ тотъ же день, когда адъютантъ, ѣздившій за приказаніями, вернулся къ дивизіону. Вотъ что сообщилъ ему начальникъ отряднаго штаба.

Черезъ часъ послѣ того, какъ колонна ушла на фуражировку, главнокомандующему дали знать, что между Гойтой и Мартаной собралась сильная партія, которая рѣшила встрѣтить наши войска на возвратномъ пути, и заманивъ ихъ въ лѣсъ, нанести пораженіе. Извѣстіе это произвело въ лагерѣ порядочный переполохъ, и Воронцовъ отдалъ приказаніе, чтобы два батальона пѣхоты и вся остальная кавалерія стояли наготовѣ. Драгунъ, однакоже, не пришлось заманивать въ засаду; ничего не подозрѣвая, они сами бросились въ лѣсъ и произвели такой погромъ, какого не ожидали ни мы, ни чеченцы. Можно, однакоже, судить о состояніи главнокомандующаго, когда онъ увидѣлъ, что наша кавалерія сама пошла въ разставленную для нея ловушку. Но дѣло вышло совсѣмъ не такъ, какъ предполагалъ главнокомандующій. Бѣжавшая передъ драгунами толпа распространила панику во всѣхъ остальныхъ, озадаченныхъ внезапнымъ появленіемъ въ лѣсу кавалеріи. А пока наибы опомнились и успѣли возстановить порядокъ, драгуны уже ушли, оставивъ на память своего пребыванія въ лѣсу сорокъ изрубленныхъ тѣлъ, изъ которыхъ 12 были обезглавлены. Кромѣ этихъ головъ, драгуны привели съ собою трехъ плѣнныхъ, и привезли множество оружія, которое не было даже приведено въ извѣстность ([6]).

Главнокомандующій въ тотъ же день назначилъ на дивизіонъ три знака отличія Военнаго ордена; маіору Золотухину пожаловалъ орденъ св. Анны 2 ст., штабсъ-капитану Джемарджидзе золотую шашку; штабсъ-капитану Петрову Владиміра 4 ст.; поручику Буковскому и прапорщику Ключареву—слѣдующіе чины; поручику Сарычову и прапорщику князю Чавчавадзе ордена св. Анны 4 ст., а старшему вахмистру Дмитрію Башкову—чинъ прапорщика. Послѣднему не удалось, однакоже, прочесть приказъ главнокомандующаго. Онъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ по приходѣ въ лагерь, но его опустили въ могилу уже въ офицерскихъ эполетахъ ([7]).

«Изъ журнала Чеченскаго отряда,—писалъ князь Воронцовъ военному министру,—вы увидите подробности перестрѣлокъ, происходившихъ какъ при слѣдованіи отряда, такъ и во время фуражировокъ, но я считаю долгомъ упомянуть здѣсь только о дѣлѣ, хотя незначительномъ, но весьма удачномъ, въ которомъ драгуны успѣли вновь поддержать свою старую славу» ([8]).

На слѣдующій день главнокомандующій выѣхалъ изъ лагеря на линію, поручивъ чеченскій отрядъ, на время болѣзни генерала Нестерова, пол-

ковнику барону Меллеръ-Закомельскому. Драгуны проводили главнокомандующаго до самаго Валерика, гдѣ его встрѣтилъ полковникъ Слѣпцовъ съ сунженскими казаками. Прощаясь съ драгунами, намѣстникъ просилъ ихъ напоминать о себѣ почаще новыми отличіями, о которыхъ онъ будетъ читать всегда съ особеннымъ удовольствіемъ. «А случаи къ отличіямъ будутъ», — добавилъ онъ съ загадочною улыбкою. Смыслъ этихъ словъ не замедлилъ объясниться тутъ же; съ колонною Слѣпцова прибыло нѣсколько лазутчиковъ, отъ которыхъ главнокомандующій узналъ, что въ самый день выступленія его изъ лагеря Шамиль прислалъ на Урусъ-Мартанъ почти всѣхъ наибовъ большой Нагорной Чечни, подчинивъ ихъ Абакаръ-Дебиру, котораго почему-то считалъ едва ли не самымъ способнымъ предводителемъ послѣ Хаджи-Мурата и Кибитъ-Магомы. Вмѣстѣ съ Абакаръ-Дебиромъ онъ прислалъ и другого знаменитаго наиба, Магометъ-Амина,—впослѣдствіи извѣстнаго военнаго диктатора Закубанскихъ народовъ. Если свѣдѣнія, доставленныя лазутчиками, были преувеличены, то можно было сказать навѣрное, что войскамъ чеченскаго отряда предстояла тревожная и трудная экспедиція.

Возвратившись домой, драгуны, несмотря на эти слухи, рѣшили въ тотъ же день отпраздновать свой первый дебютъ, и вмѣстѣ заодно уже вспрыснуть полученныя ими награды. 4-е августа являлось для нихъ событіемъ дѣйствительно знаменательнымъ. Въ этотъ день появляются первыя могильныя насыпи, положившія начало Урусъ-Мартанскому кладбищу, и подъ этими насыпями покоились драгуны. Драгунъ хотѣли устранить совсѣмъ отъ участія въ заложеніи новой крѣпости, а они прежде всѣхъ подъ стѣнами ея заняли самое почетное мѣсто. Это также не мѣшало отмѣтить ихъ недоброжелателямъ. До сихъ поръ они были только гостями, но теперь имъ отводилось видное мѣсто, которое они завоевали себѣ сами въ рядахъ чеченскаго отряда. Предубѣжденія противъ нихъ исчезли. Самъ генералъ Нестеровъ, такъ сильно возставшій противъ прикомандированія ихъ къ отряду, теперь находилъ, что ихъ присутствіе необходимо даже и въ будущихъ экспедиціяхъ. «Драгуны», сказалъ онъ у себя за обѣдомъ, «начинаютъ у насъ вводить въ моду рукопашный бой; боюсь только, что казаки не захотятъ подражать этой модѣ: они такіе старовѣры».

Наступилъ, наконецъ, вечеръ. Послѣдніе звуки дневного шума замерли въ воздухѣ какъ-то ранѣе обыкновеннаго; костры, разбросанные по обоимъ берегамъ рѣки, одинъ за другимъ угасали. Вечерняя заря совершенно

потухла, и на темномъ небѣ загорались послѣднія запоздалыя звѣздочки. Передъ драгунскимъ лагеремъ стоялъ огромный таганъ, напоминавшій треножники древнихъ оракуловъ. На немъ пылала большая, неизвѣстно откуда добытая кастрюля. Кругомъ полукругомъ лежали собесѣдники, кто на коврахъ, а кто на разостланныхъ буркахъ. Всѣ молчаливо смотрѣли на синее пламя безъ дыма, придававшее всей обстановкѣ какой-то фантастическій характеръ—точно жрецы или друиды собрались варить божественный нектаръ. Драгуны ожидали гостей со всѣхъ и ближнихъ и дальнихъ палатокъ лагеря; обѣщался быть даже самъ необщительный, вѣчно кипятившійся и всѣми недовольный, начальникъ отряднаго штаба полковникъ Рудановскій. Онъ раньше другихъ перешелъ на сторону драгунъ и сталъ отстаивать ихъ интересы. Но въ эту минуту, когда гости одинъ за другимъ стали подходить на огонекъ, привѣтливо мигавшій во мракѣ августовской ночи, вдругъ раздался конскій топотъ, и передъ изумленнымъ обществомъ предсталъ ординарецъ начальника отряда. «Драгунскому дивизіону», сказалъ онъ, «приказано сію же минуту отвести своихъ лошадей внизъ, къ отрядному обозу». Проговоривъ эти слова, ординарецъ исчезъ. Въ одно мгновеніе все поднялось на ноги; приказанія отдавались торопливо, сдержаннымъ шепотомъ, исполнялись молча. Никто не спрашивалъ: въ чемъ дѣло? велятъ—стало-быть надо, а почему велятъ—объ этомъ узнаемъ послѣ. Черезъ нѣсколько минутъ коновязь опустѣла, и передъ палатками остались одни офицеры, которымъ нечего было дѣлать въ обозѣ. «Никто не долженъ покидать своего поста», сказалъ дивизіонеръ, усаживаясь на прежнее мѣсто противъ жертвенника, пламя котораго между тѣмъ успѣло погаснуть. Офицеры также опустились на землю, раздумывая каждый про себя: что будетъ дальше? Вдругъ Черная поляна освѣтилась,—точно вспыхнула молнія, и изъ мрака на мгновеніе вынырнули и наши аванпосты, и опушка гойтинскаго лѣса; черезъ секунду грохнулъ ударъ, и въ опустѣвшую коновязь упала граната, осколки которой съ визгомъ пронеслись по лагерю. Пѣхота зашевелилась, задвигалась. Въ этотъ моментъ опять, точно озаренная бенгальскимъ огнемъ, выступила изъ мрака величественная панорама ближайшаго лѣса, и въ ту же коновязь ударило ядро, сдѣлало рикошетъ и прошипѣло надъ головами офицеровъ. Началась канонада. Ядро за ядромъ, граната за гранатой ложились въ драгунскую коновязь, и если бы начальникъ отряда, предупрежденный лазутчиками, не убралъ лошадей, драгунамъ, пожалуй,

пришлось бы докончить экспедицію пѣшими. Ясно было, что непріятель навелъ свои орудія съ вечера, и что онъ мстилъ драгунамъ за 4-е августа. Скоро, однакоже, наша артиллерія заставила замолчать непріятельскую. Выстрѣлы смолкли; войска были распущены, и гости, покинувшіе драгунскій лагерь при первыхъ звукахъ тревоги, опять со всѣхъ сторонъ потянулись къ сборному пункту. Жертвенникъ возстановили, и отъ прежняго мечтательнаго настроенія, вызваннаго аккомпаниментомъ оглушительныхъ выстрѣловъ, общество перешло къ той беззаботной, шумной веселости, которую только и можно встрѣтить на бивуачномъ полѣ. Разошлись уже передъ свѣтомъ, довольные и собой, и другъ другомъ, и даже непріятелемъ, который также принималъ участіе въ празднествѣ, устроивъ передъ началомъ его блестящій фейерверкъ (9).

На слѣдующую ночь — опять тревога. Въ одиннадцать часовъ надъ лагеремъ прошипѣла первая граната, вылетѣвшая изъ опушки гойтинскаго лѣса. Она ударилась въ транспортную повозку и разнесла ее въ щепы. Непріятель уже зналъ, что наканунѣ драгунскія лошади были отведены къ обозу, и потому всѣ выстрѣлы его направлены были въ ту сторону. Но непріятель опять обманулся. Баронъ Меллеръ-Закомельскій зналъ, что онъ будетъ стрѣлять по обозу, и потому приказалъ оставить драгунскихъ лошадей въ коновязи. Въ эту ночь канонада была упорна и продолжалась болѣе часу. Въ лагерѣ было убито три человѣка, и двумъ оторвало ноги (10).

Появленіе орудій, такъ смѣло приближавшихся къ нашему лагерю, свидѣтельствовало, что Абакаръ-Дебиръ, начальствовавшій урусъ-мартанскими скопищами, намѣренъ въ точности исполнить повелѣнія Шамиля. Впрочемъ, въ ночныхъ экскурсіяхъ участвовали только малочеченцы да его гумбетовцы, а всѣ остальные: тавлинцы, ауховцы и ичкеринцы, спокойно стояли на квартирахъ въ нижне-гехинскихъ хуторахъ или по берегамъ Валерика, куда къ нимъ все подходили и подходили подкрѣпленія. Но между тѣмъ какъ непріятель заботился объ усиленіи своихъ боевыхъ средствъ, численный составъ чеченскаго отряда, напротивъ, значительно сокращался. Послѣ отъѣзда главнокомандующаго спущено было на льготу семь сотенъ казаковъ, и во всемъ отрядѣ осталось кавалеріи только два эскадрона драгунъ, если не считать еще двухъ сборныхъ линейныхъ сотенъ, предназначавшихся для конвойной службы. Начальникъ

Рѣка Гойта въ Малой Чечнѣ.

кавалеріи полковникъ князь Эристовъ также покинулъ отрядъ, и это почетное званіе осталось за маіоромъ Золотухинымъ (11).

7-го августа о непріятелѣ не было никакихъ извѣстій; мало того, ни одинъ лазутчикъ не показывался въ лагерѣ, такъ что начальникъ отряда не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что происходитъ въ абакаръ-дебиравскихъ сборищахъ. Оставаться въ такомъ недоумѣніи было для насъ не безопасно. Двое мирныхъ чеченцевъ вызвались идти на развѣдки, но они вернулись съ извѣстіемъ, что всѣ дороги въ окрестностяхъ Урусъ-Мартана заняты сильными непріятельскими пикетами, и что сообщенія совершенно прерваны. Ночь на 8-е число прошла особенно тихо. Не только непріятель не показывался съ своею артиллеріею, не только на аванпостахъ до бѣлаго утра не было сдѣлано никакого оклика, но даже рѣка какъ будто отдыхала; шума ея, того монотоннаго, усыпляющаго шума, который одинъ, какъ колыбельная пѣснь, отдавался обыкновенно въ тишинѣ ночей, теперь совсѣмъ не было слышно. На это странное обстоятельство какъ-то никто не обратилъ вниманія. Утромъ 8-го августа къ адъютанту явился дежурный по дивизіону вахмистръ съ вопросомъ:—«куда прикажете вести лошадей на водопой?»—«Какъ куда? Куда всегда водили»,—отвѣтилъ озадаченный адъютантъ.—«Водили всегда на рѣку, а теперь рѣки и званія нѣтъ». Только здѣсь стало ясно для всѣхъ, почему наканунѣ Урусъ-Мартанъ оцѣпленъ былъ пикетами, мимо которыхъ ни одному лазутчику не удавалось проникнуть въ лагерь. Только теперь многіе вспомнили, почему имъ показалось съ вечера, что рѣка, на которой стоитъ лагерь, какъ будто перестала шумѣть. Ея уже не существовало въ то время; она была отведена, и отъ нея оставались только обрывистые овраги съ каменистымъ ложемъ. Положеніе было крайне затруднительное; черезъ сутки оно должно было сдѣлаться безвыходнымъ. Всѣ призадумались, особенно драгуны. «Намъ прежде всего придется свернуть свои палатки и возвратиться на Сулакъ, гдѣ воды очень много», шутили офицеры. Въ цѣломъ отрядѣ только и было рѣчи о томъ, что лагерь, по всей вѣроятности, перенесутъ на другое мѣсто. Но вѣдь воду отведутъ и на другомъ мѣстѣ. Куда ни переноси лагерь, вездѣ ее будутъ отводить, и вмѣсто рѣкъ будутъ встрѣчаться сухіе овраги. Что же оставалось дѣлать? Стоять на Урусъ-Мартанѣ было невозможно, но нельзя было оставить и Урусъ-Мартанъ безъ отряда. Очутившись лицомъ къ лицу съ такою неразрѣшимою дилеммой, баронъ Меллеръ-Закомельскій позвалъ инженер-

наго офицера. «Прикажите рыть колодцы», отдалъ онъ категорическое приказаніе. Принялись рыть колодцы. Нѣсколько разъ присылалъ начальникъ отряда своего ординарца спросить: не показалась ли вода? и каждый разъ ординарецъ возвращался съ неутѣшительнымъ отвѣтомъ, что воды нѣтъ. Такъ наступила ночь, и работы были остановлены.

Въ то время, какъ пѣхота бѣдствовала отъ мучительной жажды, драгунскій дивизіонъ еще съ утра отправленъ былъ на Гойту, чтобы встрѣтить транспортъ, слѣдовавшій изъ Воздвиженской. Съ драгунами пошли также два батальона пѣхоты и четыре орудія, подъ командою подполковника Серебрякова. Это былъ маленькій, худенькій офицеръ съ сильною просѣдью, но бойкій, живой и энергичный. Главнокомандующій зналъ его лично и высоко цѣнилъ его боевую опытность. До Гойты оставалось уже не болѣе версты, какъ вдругъ изъ-подъ обрыва лѣваго берега ея вынеслась огромная толпа конныхъ чеченцевъ, и также быстро скрылась въ лѣсу. Драгуны замѣтили только, что всѣ они были вооружены, кто заступомъ, кто киркою, а кто желѣзною лопатою. «Господи! неужели они и Гойту отвели?»— съ ужасомъ подумали офицеры. Но Гойта спокойно текла въ своихъ берегахъ. Чеченцы только испортили спускъ и заставили насъ возобновлять его подъ огнемъ пяти орудій, поставленныхъ въ трущобахъ Гойтинскаго лѣса. Положеніе было критическое. У Золотухина мелькнула мысль атаковать батарею. Онъ уже потихоньку сдѣлалъ всѣ распоряженія, но маленькій бойкій старичекъ, командовавшій колонной, не спускалъ съ него глазъ и, подмѣтивъ это движеніе, потребовалъ къ себѣ дивизіонера. Онъ категорически запретилъ драгунамъ трогаться съ мѣста. «Отъ переправы до опушки лѣса»,—говорилъ онъ Золотухину: «дороги нѣтъ; вамъ придется идти по высокимъ зарослямъ шагомъ; непріятель всегда успѣетъ прибрать свои орудія, а васъ перестрѣляютъ такъ, что вы не будете даже видѣть, кто въ васъ стрѣляетъ. Я знаю: у нихъ по флангамъ батареи устроены завалы; вамъ надо будетъ ихъ штурмовать; за вами втянется въ дѣло цѣлая колонна, а поддержать насъ некому—въ лагерѣ и безъ насъ довольно работы». Золотухинъ вернулся не въ духѣ. «Этотъ маленькій старичокъ»,—сказалъ онъ офицерамъ,—«говоритъ такъ разсудительно, что мнѣ оставалось только удивляться собственной неразсудительности». Тѣмъ не менѣе онъ тутъ же далъ себѣ слово, рано или поздно, поближе познакомиться съ тѣми ужасами, о которыхъ говорилъ колонный начальникъ.

Около полудня подошла Воздвиженская колонна. Она тотчасъ выдви-

нула четыре орудія, и непріятеля принялись громить съ обѣихъ сторонъ. Пользуясь этимъ, пѣхота докончила разработку спуска, драгуны напоили лошадей; транспортъ переправился, и колонна потянулась обратно. Непріятель подвигался за нею и провожалъ ее орудійными выстрѣлами. Наконецъ, не далеко отъ того мѣста, гдѣ драгуны 4-го числа кинулись въ атаку, онъ остановился и прекратилъ преслѣдованіе, къ великому огорченію Золотухина, замышлявшаго именно на этомъ мѣстѣ повторить 4-е августа ([12]).

Шамиль былъ также недоволенъ своими наибами. «Если бы чеченцы,—писалъ онъ Абакаръ-Дебиру,—оставались вѣрными преданіямъ своихъ славныхъ предковъ, то они не возлагали бы свое упованіе на артиллерію, а подползли бы бурьяномъ къ колоннѣ, дали по ней залпъ изъ двухъ тысячъ винтовокъ—и тогда русскіе не знали бы какъ размѣстить своихъ убитыхъ и раненыхъ» ([13]).

Въ лагерѣ воды все еще не было, люди продолжали томиться отъ жажды. Въ урочный часъ прогремѣлъ заревой пушечный выстрѣлъ, и граната, описавъ въ воздухѣ огненную дугу, окунулась за опушку лѣса. Почти въ тотъ же самый моментъ изъ того же самаго лѣса сверкнулъ огонекъ, вырвалась другая граната, и разорвалась въ лагерѣ у самыхъ маркитантскихъ навѣсовъ. Непріятель опять открылъ канонаду. Въ это самое время небо, хмурившееся еще съ вечера, окончательно обложилось тучами. Вдругъ сверкнула яркая молнія, и ударъ грома раздался въ одно время съ нашимъ отвѣтнымъ выстрѣломъ. Гроза, гремѣвшая въ небѣ, и вторившая ей на землѣ канонада представляли поразительное зрѣлище. Но вотъ хлынулъ ливень. Чеченцы поспѣшно убрали свои пушки, а изъ палатокъ со всѣхъ сторонъ высыпали солдаты, спѣшившіе набирать воды, какъ и во что ни попало. Утромъ, когда всѣ еще спали, въ лагерѣ вдругъ раздалось «ура!» Кто-то прибѣжалъ сказать, что саперы открыли воду. Но крикъ этотъ былъ до того неожиданъ, что возлѣ ставки начальника отряда ударили тревогу. Драгуны бросились сѣдлать лошадей. Непріятель по сухому руслу рѣки могъ легко ворваться въ лагерь, и поэтому суматоха сдѣлалась общею. За то, когда узнали въ чемъ дѣло, радость была неописанная. Теперь мы имѣли опять собственную воду, и кланяться Абакаръ-Дебиру уже не приходилось. Колодезь берегли, какъ святыню; днемъ ставили къ нему часового, на ночь онъ запирался и охранялся особымъ карауломъ ([14]).

Жаркіе августовскіе дни драгуны, въ качествѣ единственной кавалеріи чеченскаго отряда, буквально проводили на конѣ, такъ какъ безъ ихъ участія не проходило почти на одного движенія изъ лагеря. 9-го они прикрывали фуражировку, производившуюся далеко отъ нашей позиціи, около нижнегекинскихъ хуторовъ, гдѣ были расквартированы тавлинцы. Но тавлинцевъ въ этотъ день не было дома; они ушли съ Абакаръ-Дебиромъ куда-то на Сунжу, а потому перестрѣлка была очень слабая. Артиллерія наша не сдѣлала даже ни одного выстрѣла, чтобы не поднять тревоги и не привлечь на себя скопищъ Дебира. Драгуны въ первый разъ были спѣшены и занимали цѣпь наравнѣ съ пѣхотою ([15]).

11-го августа дивизіонъ ходилъ съ колонной опять на Рошню, гдѣ повторилось то же, что было уже 8-го августа: то же ожиданіе воздвиженской колонны, та же разработка спуска, и та же канонада, съ тою разницею, что тогда у насъ подбили одинъ зарядный ящикъ, но мы все-таки могли отвѣчать непріятелю изъ четырехъ орудій, а 11-го мы отвѣчали только изъ трехъ,—четвертое было подбито однимъ изъ первыхъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Драгуны также потеряли одну лошадь, убитую чеченскимъ ядромъ ([16]).

На слѣдующій день опять походъ, и опять на ту же Гойту. Начальникъ отряда торопился снабдить новую крѣпость всѣми необходимыми запасами на зиму, а потому изъ Воздвиженской шла усиленная транспортировка и боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ. На этотъ разъ походъ не представилъ бы собою ничего замѣчательнаго, если бы не одинъ эпизодъ, который едва не кончился роковою развязкой, и если не кончился, то только потому, что чеченцы, не ожидавшіе насъ на Гойтѣ, собрались въ этотъ день позднѣе обыкновеннаго. Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ. 1-й эскадронъ, посланный поддерживать правую цѣпь, незамѣтно уклонился въ сторону, вошелъ въ Гойтинскій лѣсъ и потерялъ дорогу. Куда ни обращался эскадронъ, куда ни посылалъ свои разъѣзды, вездѣ стояла передъ нимъ непролазная чаща столѣтнихъ деревъ, а если и выбиралось небольшое расчищенное мѣстечко, то оно сплошь покрывалось уже бурьяномъ и колючкой, по которымъ невозможно было пробраться. Золотухинъ первый замѣтилъ отсутствіе эскадрона. «Поѣзжайте съ трубачемъ», обратился онъ къ адъютанту, «и скажите эскадронному командиру, чтобы онъ держался непремѣнно у меня на виду». Въ цѣпи адъютанту сказали, что драгуны давно отдѣлились:

«должно быть, впереди гдѣ-нибудь». Но и впереди ихъ не было. Адъютантъ, проѣхавъ за цѣпь, окунулся въ лѣсъ,—и тоже потерялъ дорогу. Жутко было ѣхать по Гойтинскому лѣсу вдвоемъ со старымъ трубачемъ, ничѣмъ не вооруженнымъ, кромѣ одной только шашки. Куда направить коня? Гдѣ искать эскадронъ? Послѣдніе звуки русской рѣчи замерли въ отдаленіи; кругомъ наступила абсолютная тишина. За густымъ, непроницаемымъ бурьяномъ, гдѣ наши всадники исчезли, можно сказать, съ головами, ничего не было видно, кромѣ все того же грозно-молчаливаго лѣса. Лошади едва ступали, принужденныя на каждомъ шагу разрывать грудью крѣпкія сѣти перепутавшихся колючихъ растеній, острыя иглы которыхъ впивались въ тѣло и рвали одежду. Послѣ долгихъ скитаній, наткнувшись даже на чеченскій пикетъ, который снялся при видѣ двухъ русскихъ всадниковъ, вѣроятно предполагая, что за ними внизу, гдѣ-нибудь въ лощинѣ, закрытой бурьяномъ, идутъ войска,—путники наши увидѣли наконецъ эскадронъ, стоявшій на лѣсной прогалинѣ, и общими силами выбрались уже на дорогу. Подходя къ отряду, трубачи стали подавать сигналы, опасаясь, чтобы орудія не хватили картечью на шорохъ въ бурьянѣ. Но въ отрядѣ увидѣли бѣлыя фуражки, и догадались въ чемъ дѣло. Когда колонный начальникъ узналъ, гдѣ адъютантъ разыскалъ эскадронъ,—онъ только пожалъ плечами. «Теперь, увидѣвъ вашего адъютанта опять между нами», сказалъ онъ Золотухину, «я могу сказать, что былъ на своемъ вѣку свидѣтелемъ хоть одного чуда». Золотухинъ молча пожалъ адъютанту руку и подарилъ трубачу десять цѣлковыхъ. «Девять изъ нихъ, Тихоненко, пропей», сказалъ онъ ему, «а десятый спрячь, и, когда придешь въ штабъ-квартиру, поставь на него свѣчку Николаю Угоднику» (17).

На этотъ разъ чеченцы, дѣйствительно, насъ не ожидали; даже спуски не были испорчены; но едва Воздвиженскій транспортъ перешелъ черезъ Гойту, какъ изъ лѣса вылетѣло ядро и оторвало ногу одному казаку. Артиллерія наша быстро вынеслась на позицію. На этотъ разъ бой оказался неравнымъ. Противъ трехъ пушекъ Абакаръ-Дебира дѣйствовало семь русскихъ, и нога урядника, должно быть, дорого обошлась непріятелю, потому что выстрѣлы изъ лѣса замолкли и болѣе не возобновлялись.

— Знаете ли, Димитрій Матвѣевичъ, гдѣ стояли сегодня непріятельскія орудія? обратился колонный начальникъ къ Золотухину. «Гдѣ?»—Да

какъ разъ на томъ мѣстѣ, откуда вашъ адъютантъ повернулъ эскадронъ на дорогу. Вѣдь приди чеченцы десятью минутами раньше, ни одинъ изъ вашихъ драгунъ не вышелъ бы изъ лѣсу.—«Ну, это бабушка на двое сказала», проворчалъ Золотухинъ.—«Приди чеченцы десятью минутами раньше, такъ, можетъ быть, мой эскадронъ вернулся бы и съ абакаровскими пушками» ([18]).

Непріятельскія пушки рѣшительно не давали покоя дивизіонеру.

Чеченецъ.
Съ рисунка Горшельдта

Чеченское кладбище.

X.

Въ глубинѣ Чеченскихъ лѣсовъ.

(1848 г.).

Новая канонада по лагерю.—Попытка Золотухина захватить орудія на Гойтѣ.—Возвращеніе въ лагерь и неожиданная тревога.—Новая попытка взять артиллерію.—Драгуны—«Богомъ хранимое войско».—Торжество въ драгунскомъ лагерѣ.—Послѣдній бой.—Пѣсня о чеченской экспедиціи.—Возвратный путь.—Червленная станица.—Набѣгъ изъ Хассавъ-Юртъ.—Пѣсня, которую пѣли драгуны, вступая въ штабъ-квартиру.

13-го августа ночная канонада опять подняла на ноги весь лагерь. Въ цѣпи были слышны даже команды, отчетливо произносимыя по-русски,—

очевидно, тамъ были наши дезертиры, образовавшіе около резиденціи имама цѣлую русскую слободу. Канонада 13-го августа могла бы занять почетную страницу въ лѣтописи непріятельской артиллеріи, если бы у нея была своя лѣтопись. Болѣе тридцати человѣкъ, и еще болѣе того лошадей выбыли въ эту роковую ночь убитыми или изувѣченными изъ строя чеченскаго отряда. Даже въ середину одной палатки залетѣла граната, разорвалась, и палатка сгорѣла до тла вмѣстѣ съ солдатскимъ имуществомъ (1). Чтобы положить конецъ назойливости непріятельской артиллеріи, надо было принять противъ нея что-нибудь рѣшительное,—и починъ въ этомъ дѣлѣ взялъ на себя Золотухинъ (2).

14-го августа утромъ онъ всталъ ранѣе обыкновеннаго, одѣлся тщательнѣе, чѣмъ одѣвался всегда, пригладилъ на вискахъ рѣдкіе волосы, перекинулъ черезъ плечо шашку и направился къ палаткѣ начальника отряда. Онъ шелъ задумчиво, съ опущенною внизъ головою, нервно перебирая губами. О чемъ они говорили вдвоемъ, оставшись безъ свидѣтелей, объ этомъ не зналъ никто; но черезъ полчаса Золотухинъ возвратился назадъ сіяющій, съ какою-то загадочною улыбкою. «Драгунамъ сѣдлать», отдалъ онъ приказаніе. «Сейчасъ выступаемъ съ колонной на Гойту», — Димитрій Матвѣевичъ, — спрашивали его офицеры, — зачѣмъ васъ требовалъ начальникъ отряда? «Такъ, отвѣчалъ онъ: — вкралась какая-то ошибка въ семидневную вѣдомость». Ему никто не повѣрилъ, да и самъ онъ почувствовалъ, что предлогъ, сочиненный имъ, весьма неудаченъ. На походѣ онъ отъѣхалъ въ сторону, и сталъ горячо шептаться о чемъ-то съ начальникомъ колонны, тѣмъ маленькимъ сѣдымъ старичкомъ, который, какъ добрый геній, охранялъ его отъ излишнихъ увлеченій.

«Баронъ передалъ мнѣ», говорилъ старичекъ, «что онъ разрѣшилъ вамъ, если представится случай, атаковать непріятельскую батарею; но мой совѣтъ—бросьте вы эту затѣю. Подумайте только, Димитрій Матвѣевичъ, чѣмъ это все можетъ окончиться. Вы не знаете, въ какія трущобы прячутъ они свои батареи...» Но Димитрій Матвѣевичъ не расположенъ былъ думать. «Знаете ли, понимаете ли вы», кипятился онъ: «что чеченцы своею дерзостью показываютъ пренебреженіе ко мнѣ и къ моимъ драгунамъ. Нѣтъ, вы лучше и не просите за Абакара; я далъ слово, и накажу его». Онъ говорилъ это съ такою серьезною миной, точно дѣло шло о наказаніи какого-нибудь провинившагося солдатика.

Саженяхъ въ 25-ти отъ Гойты дивизіонеръ вдругъ остановилъ коня. «Вотъ она!» воскликнулъ онъ радостно, указывая рукой на бурьянъ подлѣ дороги. «Это она и есть. Вонъ даже колея пошла. Значитъ, по ней-то и возятъ они орудія. Я зналъ, что она должна быть, да не зналъ, гдѣ она начинается». Присмотрѣвшись, дѣйствительно можно было замѣтить, что отъ большой русской дороги влѣво, почти подъ прямымъ угломъ отдѣлялась узкая, извилистая тропа, и за бурьяномъ терялась въ трущобахъ Гойтинскаго лѣса. Вдругъ надъ бурьяномъ поднялся знакомый дымокъ, и ядро со свистомъ прорѣзало воздухъ. «Драгуны, направо! Рысью!» скомандовалъ Золотухинъ,—и эскадроны, свернувъ на тропинку, указанную дивизіонеромъ, въ одну минуту скрылись изъ глазъ слѣдовавшей за ними колонны. Только бурьянъ своимъ шелестомъ и трескомъ выдавалъ ихъ направленіе. Еще разъ на одно мгновеніе увидѣла ихъ колонна, когда эскадроны, выбравшись наконецъ изъ бурьяна, съ обнаженными шашками перенеслись черезъ поляну—и опять скрылись въ таинственной, дремучей чащѣ лѣса. Непріятель, все время стрѣлявшій по колоннѣ, вдругъ оборвалъ огонь, и молнія выстрѣловъ сверкнула совсѣмъ по другому направленію.

«Замѣтилъ, шельма!» заговорили въ колоннѣ: «теперь плохо будетъ драгунамъ». Многіе перекрестились. Въ этотъ моментъ точно ураганъ пронесся по цѣлому лѣсу, и деревья зашумѣли и закачали своими верхушками. Это непріятель далъ два картечные залпа, но третій дать не успѣлъ: драгуны уже перескочили оврагъ и, путаясь между деревьями, неслись на поляну. Но на полянѣ никого уже не было,—орудія исчезли. Они не могли быть далеко, но между ними и драгунами очутился завалъ, изъ-за котораго разомъ поднялось двѣ тысячи чеченцевъ. Драгуны остановились. Зрѣлище было такъ поразительно, что каждый дѣйствовалъ подъ вліяніемъ охватившаго его впечатлѣнія. Чеченцы смотрѣли на драгунъ; драгуны смотрѣли на чеченцевъ, и ни та, ни другая сторона даже не подумала схватиться за ружья. И вдругъ эта страшная тишина, охватившая поляну, нарушилась звукомъ человѣческаго голоса. Отчетливо, рѣзко пронеслась команда Золотухина: «Драгуны, налѣво кругомъ, шагомъ маршъ». Столпившіеся въ кучу и не имѣвшіе даже мѣста, гдѣ развернуться, эскадроны съ трудомъ повернули коней—ни одного выстрѣла не прогремѣло за ними въ догонку. Почему? На это отвѣтъ дать нельзя; это одна изъ тѣхъ психологическихъ загадокъ, надъ разрѣшеніемъ кото-

рыхъ вѣками трудятся люди, и никогда ихъ не разрѣшаютъ. Только тогда, когда добрались наконецъ до знакомой тропы, заросшей бурьяномъ, эскадроны пошли на рысяхъ. Къ общему удивленію оказалось, что три драгуна, сѣрый конь дивизіонера и лошадь подъ трубачемъ были ранены, и ранены кинжалами. Когда и какъ это случилось, никто не могъ дать себѣ отчета. Оставалось только предположить, что въ бурьянѣ, черезъ который пронеслись драгуны, скрывались чеченцы; но бурьянъ былъ такъ густъ, что если бы въ немъ сидѣли всѣ наибы Чечни, то и тогда драгуны легко могли бы ихъ не замѣтить.

Обѣ колонны, и Воздвиженская и Урусъ-Мартанская, привѣтствовали возвращеніе дивизіона шумными восклицаніями. Дѣло было смѣлое и, дѣйствительно, блестящее по результатамъ. Чеченская артиллерія въ этотъ день больше не показывалась, и войска въ первый разъ возвратились отъ Гойты, не тревожимыя пушечными выстрѣлами; только въ сторонѣ, параллельно большой русской дороги, двигалась чеченская конница, которая то приближалась къ намъ, то отъ насъ отдалялась на столько, на сколько позволяли бурьяны. Впереди ѣхалъ всадникъ, въ которомъ узнали Магометъ-Амина. За нимъ везли два большія бѣлыя знамени. Партія двигалась въ такомъ порядкѣ, что ее можно было бы издали принять за регулярную кавалерію, если бы фронтъ ея не такъ пестрѣлъ разномастными лошадьми и разноцвѣтными черкесками всадниковъ. Обѣ колонны не обращали другъ на друга вниманія: мы шли на Урусъ-Мартанъ, они, повидимому, возвращались на Гехи или Валерикъ. Наконецъ непріятель остановился, далъ залпъ изъ ружей, и повернулъ на югъ. Скоро бѣлые значки его пропали въ глубинѣ гойтинскаго лѣса (3).

Едва возвратилась колонна, какъ изъ лагеря выступила другая на фуражировку къ Урусъ-Мартанскимъ хуторамъ, раскинутымъ по правому берегу Сунжи. Кавалеріи съ нею не было. Подъ вечеръ, когда фуражиры возвращались въ лагерь, непріятель устроилъ засаду при входѣ въ Рошнинскій лѣсъ, и встрѣтилъ ихъ сильнымъ огнемъ изъ орудій. Въ лагерѣ ударили тревогу. Драгуны первыми выскочили въ поле, и обогнувъ Рошнинскій лѣсъ скрытою балкой, вышли какъ разъ въ тылъ непріятелю. Занятые стрѣльбой, чеченцы не замѣтили грозы, которая на нихъ налетѣла. Появленіе драгунъ было такъ неожиданно, что растерявшійся непріятель едва успѣлъ дать залпъ изъ винтовокъ, какъ былъ стоптанъ налетѣвшими эскадронами. Но орудій уже не было: ихъ успѣли все-таки

сбросить подъ кручу, и они буквально провалились сквозь землю. Было что-то сверхъестественное въ этомъ внезапномъ исчезновеніи пушекъ, тѣмъ болѣе, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла батарея, драгуны захватили артиллерійскіе хомуты, мѣшки съ порохомъ, брошенные банники и другія принадлежности. Видя, что разыскивать артиллерію безполезно, драгуны сорвали сердце на бѣжавшихъ чеченцахъ. Между тѣмъ подошла пѣхота, и съ нею пріѣхалъ самъ Меллеръ-Закомельскій. Осмотрѣвъ мѣстность, по которой шла кавалерійская атака, и увидѣвъ число разбросанныхъ труповъ, онъ спросилъ Золотухина: какая потеря? Одинъ убитъ и четверо ранены—отвѣчалъ дивизіонеръ. Меллеръ подъѣхалъ къ эскадронамъ. «Драгуны!» крикнулъ онъ восторженнымъ голосомъ, «вы Богомъ хранимое войско... Въ одинъ день два раза пройти черезъ такія опасности, пройти черезъ такіе лѣса, какъ на Гойтѣ и Рошнѣ, и возвратиться почти цѣлыми — это чудо, которому никто не повѣритъ». Дивизіонеръ только улыбался. «Удивляюсь», говорилъ онъ,—«о чемъ они разговариваютъ: пусть Абакаръ вывезетъ свои пушки, мы и еще разъ сходимъ. На то мы и драгуны, чтобы лѣсовъ не бояться».

Четыре дня послѣ этого боя непріятель ничѣмъ не заявлялъ своего присутствія, и даже прекратилъ свои ночныя экскурсіи, которыя, такъ сказать, и закончились бомбардированіемъ лагеря 13-го августа. Зловѣщіе огни, вспыхивавшіе въ извѣстные часы ночи въ опушкѣ гойтинскаго лѣса, болѣе не показывались, и съ этихъ поръ ничто не тревожило сонъ и отдыхъ отряда. «Напугали жъ вы его, господа драгуны», говорили пѣхотные солдаты, «теперь не то что въ шашки,— орудію подвести не смѣетъ» ([4]). Абакаръ, дѣйствительно, сталъ остороженъ. Двѣ попытки драгунъ захватить орудія не удались,—но третья могла удаться. Это лучше всѣхъ понималъ самъ Шамиль, дѣлая Абакару выговоръ, и выставляя ему въ примѣръ другихъ чеченскихъ наибовъ, которые умѣли беречь артиллерію ([5]).

Крѣпость между тѣмъ была докончена и снабжена всѣми боевыми и продовольственными запасами. Въ конвоированіи транспортовъ на Гойту надобность миновала, и войска сосредоточили всю свою дѣятельность на фуражировкахъ, съ цѣлью истребить непріятельскіе запасы, такъ чтобы заставить Абакара распустить свои сборища.

Такихъ фуражировокъ произведенъ былъ цѣлый рядъ по берегамъ Рошни и Тенги, въ пространствѣ между большой русской дорогой и Сун-

жей, на хуторахъ наиба Сабдуллы, на Гехѣ,—словомъ, всюду, гдѣ еще оставались посѣвы, не тронутые русскою косою. Драгуны принимали въ этихъ фуражировкахъ видное участіе: они то выѣзжали въ прикрытіе нашихъ отступавшихъ цѣпей, не позволяя чеченцамъ кидаться въ шашки, то спѣшивались, и сами образовывали цѣпи, подъ прикрытіемъ которыхъ истреблялись лѣса и горѣли аулы (6).

Однажды, когда драгуны шли по берегу Рошни, непріятель сдѣлалъ пушечный выстрѣлъ, и снарядъ упалъ какъ разъ передъ 2-мъ эскадрономъ. Юнкеръ Сапѣга съ головы до ногъ былъ осыпанъ землею.—Это ядро, сказалъ ѣхавшій рядомъ съ нимъ товарищъ.—«Граната», хладнокровно отозвался Сапѣга.—Нѣтъ, ядро.—«А я тебѣ говорю: граната».—Давай пари!—«Изволь». Сапѣга слѣзъ съ лошади, схватилъ вертѣвшійся еще снарядъ и поднесъ его прямо къ носу товарища. Тотъ въ ужасѣ отшатнулся. Въ рукахъ Сапѣги, дѣйствительно, оказалась граната. «Увѣрился?»—хлоднокровно спросилъ Сапѣга, и швырнулъ снарядъ въ сторону. Граната лопнула, и осколки ея прошипѣли въ воздухѣ. Главнокомандующій, до котораго стороною дошелъ слухъ о невинномъ развлеченіи драгунскихъ юнкеровъ, засмѣялся. «Такія оригинальныя пари даже англичанамъ не приходили въ голову,» сказалъ онъ, и велѣлъ послать Сапѣгѣ знакъ отличія военнаго ордена (7).

Это былъ послѣдній пушечный выстрѣлъ въ экспедицію 48 года. Шамиль, недовольный дѣйствіями Абакаръ-Дебира, отозвалъ его изъ Чечни, а вмѣстѣ съ нимъ ушла и артиллерія, принадлежащая гумбетовцамъ. Скоро драгунамъ представился случай увидѣть и новаго предводителя, гехинскаго наиба Сабдуллу, на хуторахъ котораго не разъ имъ приходилось бывать непрошенными гостями. Они его видѣли въ то время, когда онъ ѣхалъ одинъ по опушкѣ гехинскаго лѣса, подъ огнемъ нашей цѣпи. Подъ нимъ былъ прекрасный вороной конь въ серебряномъ уборѣ; поодоль держалась небольшая свита, среди которой развѣвался наибскій значокъ (8). Драгуны съ любопытствомъ смотрѣли на человѣка, о которомъ такъ много говорили въ Чечнѣ, но который до сихъ поръ не показывался, стѣсняемый присутствіемъ въ своихъ владѣніяхъ другого старшаго наиба. Теперь онъ остался одинъ, и двѣ-три фуражировки стоили намъ гораздо болѣе жертвъ, чѣмъ весь предшествовавшій мѣсяцъ. Шамиль долженъ былъ раскаяться, что не поручилъ съ самаго начала защиту Малой Чечни ему или Талгику.

Отъѣздъ Абакаръ-Дебира совпалъ какъ разъ съ прибытіемъ въ русскій лагерь и начальника лѣваго фланга генерала Нестерова, который, оправившись отъ своей болѣзни, вступилъ въ командованіе чеченскимъ отрядомъ.

Генералъ Нестеровъ принадлежалъ къ числу тѣхъ славныхъ кавказскихъ вождей, которымъ отведено будетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи покоренія края. Это былъ еще человѣкъ молодой, лѣтъ 37—38, высокаго роста, статный, величественный, несмотря на плотное и даже нѣсколько тучное сложеніе. Открытое лицо его дышало добродушіемъ. Онъ прибылъ въ лагерь инкогнито; ни почетнаго караула, ни ординарцевъ, ни даже офиціальнаго представленія—ничего этого не было. Онъ вышелъ изъ экипажа и просто занялъ свой шатеръ, какъ обыкновенный смертный. Когда онъ проходилъ по лагерю, солдатъ запрещено было вызывать на линію; но солдаты выбѣгали сами, чего запретить имъ было нельзя.

Экспедиція вступила въ послѣдній свой фазисъ. Былъ уже сентябрь мѣсяцъ, и въ окрестностяхъ Урусъ-Мартана дѣлать больше было нечего. Все, что подлежало истребленію,—было истреблено. Оставались одни роскошные фруктовые сады по ту сторону Рошни; но чеченцы стерегли ихъ слишкомъ ревниво и не отдали бы, конечно, дешево. Тѣмъ не менѣе 6-го сентября драгуны, въ составѣ небольшой колонны, выступили за Рошну. Ожидали упорнаго боя, и съ удивленіемъ не встрѣтили въ садахъ ни одного чеченца. Непріятель, отвлеченный въ другую сторону искусной демонстраціей Нестерова, опомнился только тогда, когда спасать и отстаивать было уже нечего. Въ какіе-нибудь два-три часа подъ топорами русскихъ солдатъ погибло то, что созидалось и поддерживалось цѣлыми поколѣніями (9). Но таковы суровые законы войны. Такъ дѣйствовали всегда, и долго еще будутъ дѣйствовать всѣ завоеватели. Самые великодушные изъ нихъ щадили надгробные памятники, но все остальное предавали огню и мечу.

Съ возвращеніемъ изъ этой экспедиціи, драгуны начинаютъ готовиться къ празднеству, которое по своимъ размѣрамъ должно было представлять собою нѣчто грандіозное, даже гомерическое. Приглашенъ былъ весь отрядъ отъ фурштадтскаго офицера, завѣдывавшаго воловьимъ транспортомъ, до начальника лѣваго фланга включительно. Драгуны собирались праздновать 8-е сентября, день рожденія начальника кавале-

ріи чеченскаго отряда и своего дивизіонера Димитрія Матвѣевича Золотухина, и хотѣли отпраздновать его достойнымъ образомъ.

Въ исторіи Нижегородскаго полка много разъ говорится о томъ, какъ драгуны сражались; почему же не сказать хоть одинъ разъ о томъ, какъ они веселились.

За два дня до назначеннаго празднества начались приготовленія. Походный адъютантъ дивизіона долженъ былъ обойти весь лагерь, раскинувшійся по обоимъ берегамъ Урусъ-Мартана, заглянуть во всѣ офицерскія палатки, не исключая палатки самого начальника лѣваго фланга, и со всѣхъ собрать контрибуцію въ видѣ скатертей, салфетокъ, ножей, вилокъ, ложекъ и прочей столовой посуды. Въ инструкціи, данной ему по этому поводу, сказано было опредѣлительно обращать вниманіе не на качество, а на количество приборовъ. Одному смертному справиться съ такою задачею, конечно, было не подъ силу; пришлось сформировать особый экспедиціонный отрядъ, въ составъ котораго вошли, кромѣ взводныхъ вахмистровъ и унтеръ-офицеровъ, денщики и расторопные драгуны. Эти собиратели столоваго сервиза облечены были также въ почетное званіе герольдовъ; имъ вмѣнялось въ обязанность возвѣщать отряду о предстоявшемъ въ драгунскомъ лагерѣ пиршествѣ, которое, однакоже, будетъ считаться не полнымъ, если кто-нибудь не удостоитъ его своимъ присутствіемъ. Всѣ обѣщали быть. Для помѣщенія такого количества гостей сооружалось и особое зданіе. Оно было ажурное: поставленъ былъ цѣлый рядъ столбовъ, издали представлявшихся величественною колоннадою, а на столбахъ покоилась крыша, на которую пошло масса кукурузы и даже хвороста, навезеннаго изъ опушки ближайшаго лѣса. Общій видъ зданія былъ сѣренькій, но за то во внутреннемъ убранствѣ его преобладала пестрота и оригинальность. Столы, замѣненные простыми досками, были покрыты всевозможными чайными и столовыми салфетками, кусками сырцоваго холста или парусиною; ножи были съ черенками всевозможныхъ сортовъ, и даже вовсе безъ черенковъ, съ одними желѣзными хвостиками; вилки попадались о двухъ и даже объ одномъ зубцѣ, а ложки заключали въ себѣ или всѣ 84 доли чистаго серебра, или ни одной. Всѣ гости, входившіе подъ куполъ этого величественнаго зданія, прежде всего останавливались въ нѣкоторомъ изумленіи, и потомъ уже здоровались съ виновникомъ торжества и съ драгунскими офицерами. Когда гости восторгались изящною

простотою убранства, Золотухинъ всѣмъ говорилъ, что подъ этою кровлею собираются не простые смертные, а закаленные въ бояхъ кавказскіе воины, герои, украшенные подвигами, испытанные невзгодами и лишеніями. Послѣ пиршества герои разойдутся, и зданіе разберутъ для того, чтобы никто изъ не принадлежащихъ къ сонму героевъ не имѣлъ права сказать, что и онъ переступалъ порогъ его. Начальникъ лѣваго фланга не заставилъ ждать себя ни одной минуты. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, поднялись съ своихъ мѣстъ, когда въ дверяхъ показалась его красивая фигура. Еще утромъ въ драгунскій лагерь пріѣзжалъ одинъ изъ его

Станица Червленная.
Изъ Альбома Кн. Г. Гагарина.

адъютантовъ поздравить начальника кавалеріи, а теперь и самъ онъ пріѣхалъ поздравить его лично. Но обратившись къ столамъ, и онъ, подобно всѣмъ гостямъ, остановился въ нѣкоторомъ минутномъ замѣшательствѣ. Онъ выразилъ сожалѣніе, что ничего не зналъ раньше, дня за четыре, тогда онъ могъ бы вытребовать изъ Грозной весь свой столовый сервизъ и бѣлье. «Впрочемъ», прибавилъ онъ, «такъ мнѣ кажется даже лучше, больше разнообразія; здѣсь каждый приборъ имѣетъ свою исторію, и навѣрное болѣе занимательную, чѣмъ всѣ мои приборы, никогда сроду не видѣвшіе такой патріархальной обстановки. «Димитрій Матвѣевичъ», сказалъ онъ затѣмъ Золотухину, «познакомьте меня съ вашими драгунами. Я желаю, господа», обратился онъ къ офицерамъ, «познакомиться съ вами какъ вашъ гость, а не какъ вашъ начальникъ.

Какъ начальникъ, я уже давно знакомъ со всѣми вами заочно, и этимъ обязанъ донесеніямъ и письмамъ барона Меллера-Закомельскаго, котораго вы положительно обворожили». Онъ еще хотѣлъ сказать что-то, но какъ будто замялся и промолчалъ. Короткое знакомство свое съ офицерами онъ, дѣйствительно, доказалъ на дѣлѣ. Когда представлялся ему командиръ 1-го эскадрона Джемарджидзе, онъ съ нимъ заговорилъ о кутишинскомъ штурмѣ; Петрова онъ спросилъ, какую награду получилъ онъ за Міатлинское дѣло и какую за 4-е августа? опредѣлены ли его малолѣтніе братья на казенный счетъ? и т. пд. Поручика Сарычева разспрашивалъ о послѣдствіяхъ его тяжелыхъ ранъ, полученныхъ на кахетинскомъ трактѣ, а когда дошла очередь до поручика Ключарева, онъ спросилъ его: страшно ли ему было ѣхать по Гойтинскому лѣсу въ сопровожденіи одного трубача? «Я передъ вами въ долгу за это», прибавилъ Нестеровъ, «но теперь, если позволите, сообщу вамъ то, чего вы, можетъ быть, не знали до сихъ поръ, но что я давно уже зналъ въ Грозной отъ своихъ лазутчиковъ. Вы полагали, что васъ, кромѣ одного пикета, никто не видѣлъ; а я вамъ скажу, что васъ видѣли сотни людей, слѣдили за вами, даже ползли по вашимъ слѣдамъ; но чѣмъ далѣе вы углублялись въ лѣсъ, тѣмъ изумленіе ихъ переходило все болѣе и болѣе въ суевѣрный страхъ; они порѣшили, что вы... что у васъ... ну, не совсѣмъ въ головѣ ладно, а передъ такими людьми они благоговѣютъ. Въ трубачѣ, который не отставалъ отъ васъ ни на шагъ, они видѣли человѣка приставленнаго слѣдить, чтобы вы не сдѣлали чего-нибудь надъ собою; стало быть, и его личность, какъ ментора, являлась неприкосновенною. Сказать ли вамъ откровенно», добавилъ генералъ, засмѣявшись: «я и самъ на ихъ мѣстѣ подумалъ бы о васъ то же самое»...

«Ну, теперь, Димитрій Матвѣевичъ», обратился онъ къ Золотухину, «разрѣшите намъ выпить водки». Всѣ усѣлись за длинные столы. Прислуживали драгуны. Лихіе кавалеристы, привыкшіе разносить и развѣшивать торбы, но никогда не подававшіе блюдъ «господамъ», выказали такую оригинальную неловкость, что нѣкоторымъ изъ присутствовавшихъ тутъ же вспомнился разсказъ о медвѣдѣ, прислуживавшемъ за столомъ Радзивилла, во время посѣщенія его замка королемъ Станиславомъ. Самая степенность, которую они старались сохранять на своихъ физіономіяхъ, и торжественность осанки придавали имъ столько комизма, что это первое дало, такъ сказать, поводъ къ общему веселію и шуткамъ. Никакіе

недочеты въ строку не ставились. Больше всѣхъ отличился походный адъютантъ, который, откупоривая бутылку шампанскаго, значительную часть ея пролилъ прямо на грудь начальника лѣваго фланга. Произошло общее замѣшательство, всѣ голоса смолкли; но Нестеровъ самъ поспѣшилъ прервать это неловкое молчаніе своимъ добрымъ, задушевнымъ смѣхомъ, сказавъ, что онъ не вѣритъ примѣтамъ, но что считаетъ это добрымъ предзнаменованіемъ; и когда принесли горячую воду, чтобы смыть пятно съ его сюртука, онъ воспротивился этой операціи. «Пусть это пятно», проговорилъ онъ своимъ звучнымъ голосомъ, «останется у меня на память вашего радушія». Пятно это и оставалось на груди Нестерова: оно блестѣло на солнцѣ какъ тонкая, серебристая паутина, приставшая къ его сюртуку.

Тосты окончательно возвратили всѣхъ къ прежнему веселью. Первый тостъ провозгласилъ самъ генералъ за здоровье Золотухина. Золотухинъ отвѣчалъ на него тостомъ за дорогого и почетнаго гостя Петра Петровича Нестерова. Потомъ уже тостамъ не было конца: пили за здоровье каждаго изъ присутствующихъ,—а ихъ было болѣе полутораста человѣкъ, а когда перебрали присутствующихъ и даже отсутствующихъ, тѣхъ, кто любитъ кого, и кто никого не любитъ, перешли и къ нашимъ противникамъ; выпили за здоровье храбрыхъ чеченцевъ, потомъ стали перебирать чеченскихъ наибовъ: выпили за Абакара, теперь уже отсутствующаго, за Талгика, за Сабдуллу, за Бату, и не забыли даже помянуть Атабая, недѣли за двѣ передъ тѣмъ выбѣжавшаго изъ горъ къ намъ на Урусъ-Мартанъ, а за день передъ празднествомъ опять бѣжавшаго въ горы. Грозная фаланга бутылокъ всевозможныхъ форматовъ пришла въ замѣтное разстройство; убыль въ рядахъ ея становилась ощутительнѣе съ каждымъ новымъ тостомъ. Генералъ, какъ всегда, мало пилъ и мало говорилъ, да ему и разговаривать было не съ кѣмъ; нѣкоторые языки не въ мѣру развязались, другіе совсѣмъ прилипли къ гортани и отказывались повиноваться владѣльцамъ; онъ только сидѣлъ съ хорошею доброю улыбкою, да порою что-то смахивалъ съ глазъ, точно на нихъ набѣгала свѣтлая—свѣтлая слезинка. Онъ любилъ это неподдѣльное, честное веселье и настроеніе въ своихъ подчиненныхъ. Къ концу обѣда явились ораторы. О чемъ они говорили, объ этомъ сами они, конечно, знали менѣе всѣхъ; но Нестеровъ и ихъ выслушивалъ съ тою доброю улыбкой, съ которою взрослые обыкновенно слу-

шаютъ дѣтскій лепетъ. Поднялся съ мѣста даже самъ Димитрій Матвѣевичъ, но отъ избытка чувствъ уста онѣмѣли; онъ только махнулъ рукой и сѣлъ, не сказавши ни слова. Къ нему, нѣсколько балансируя, точно онъ шелъ по канату, приблизился одинъ изъ постороннихъ офицеровъ и, высоко поднявъ стаканъ, провозгласилъ: «Дай Богъ вамъ умереть такъ же весело, какъ вы родились»;—а расчувствовавшійся Димитрій Матвѣевичъ могъ только проговорить: «Постараемся, непремѣнно постараемся!»... Что они хотѣли этимъ сказать другъ другу, они, конечно, не знали сами. А между тѣмъ въ слова того и другого судьба вложила пророчество, которое сбылось черезъ три года къ великой скорби не одного Нижегородскаго полка, а всего Кавказскаго корпуса. По окончаніи обѣда все общество пирующихъ расположилось на полу той же храмины и группами, и въ одиночку. Составился хоръ любителей; начали протяжную русскую пѣсню, но скоро ее перервали, и отъ минорнаго тона перешли въ бравурный, какъ болѣе соотвѣтствовавшій настроенію, въ которомъ находилось общество.

Нестеровъ попрежнему сидѣлъ на складномъ стулѣ около стола, сидѣлъ и улыбался. У него достало терпѣнія досидѣть до конца этого столпотворенія, когда смѣшеніе языковъ дошло до своего апогея, и люди перестали понимать другъ друга. Только тогда онъ поднялся съ мѣста, и, никѣмъ не замѣченный, удалился въ свой шатеръ въ сопровожденіи казака. Гости невѣрными шагами стали расходиться по палаткамъ гостепріимныхъ драгунъ, за невозможностью отыскать свои собственныя. Нѣкоторые изъ нихъ расположились бивуакомъ. Подъ навѣсомъ стало тихо, такъ тихо, какъ на полѣ битвы послѣ удаленія съ него воюющихъ сторонъ.

Черезъ три-четыре часа отдыха всѣ опять подняты были на ноги. Пиръ еще не окончился, прошла только первая половина его; во второй обѣщана была гостямъ жженка, какъ самое надежное средство для приведенія въ нормальное состояніе нѣсколько расклеившихся организмовъ. Пришелъ опять и самъ начальникъ лѣваго фланга генералъ Нестеровъ. Ему очень понравился кавалерійскій напитокъ, и на этотъ разъ онъ сидѣлъ уже не одинъ, а съ маіоромъ Золотухинымъ, разсказы котораго видимо интересовали молодого генерала. Разошлись поздно; но прежде чѣмъ разойтись по своимъ палаткамъ, всѣ проводили генерала до его шатра, а когда возвращались отъ него, гдѣ-то далеко подъ мар-

китантскимъ навѣсомъ пропѣлъ пѣтухъ, давая знать, что лагерю пора подниматься на утреннюю работу.

Черезъ день послѣ этого, 10-го сентября, Нестеровъ также отвѣтилъ драгунамъ обѣдомъ, на который приглашены были опять всѣ офицеры отряда. «Я предупреждаю васъ, господа», сказалъ генералъ, садясь за столъ, «что вы будете стѣснять меня, если будете стѣсняться сами. Мы здѣсь всѣ свои, и я желалъ бы видѣть васъ у себя такими же веселыми, какими видѣлъ васъ на обѣдѣ достойнѣйшаго начальника кавалеріи». Гости не заставили себя упрашивать и держались съ тою же непринужденностью, но и съ тѣмъ тактомъ, къ которому такъ чутко относилась старая Кавказская армія.

День прошелъ по той же программѣ, какъ и 8-го числа; не было только перерыва передъ жжонкой, да послѣ празднества, окончившагося далеко позднѣе того, какъ пѣтухи возвѣстили утро, драгунамъ пришлось прямо сѣсть на коней и итти съ колонной на фуражировку ([10]). На этотъ разъ колонна выступила подъ командой самого начальника отряднаго штаба, полковника Рудановскаго; она миновала весь Гехинскій округъ, и вышла къ Валерику. Такъ далеко войска еще никогда не заходили. Рудановскій, собравъ къ себѣ всѣхъ частныхъ начальниковъ, сталъ отдавать приказанія, куда какая часть назначалась, гдѣ ей надобно стать, что дѣлать. Кавалерія обрекалась имъ на бездѣйствіе въ резервѣ. Золотухинъ это предвидѣлъ, и потому прибѣгнулъ къ своей обычной системѣ недоразумѣній. Когда Рудановскій окончилъ говорить и оглянулся, онъ увидѣлъ, что лѣвая цѣпь уже была занята драгунами. «Когда успѣли?» проворчалъ онъ сердито, и недовольный поѣхалъ къ драгунамъ. Его встрѣтилъ командиръ дивизіона, въ сопровожденіи адъютанта и неизмѣннаго трубача Тихоненки.

— Вы напрасно, совсѣмъ напрасно разсыпали свои эскадроны, говорилъ Рудановскій, стараясь придать своему голосу болѣе мягкую интонацію.—Драгунъ всего два эскадрона, а пѣхоты много: ея достало бы на всѣ цѣпи.

— Драгуны разсыпались по привычкѣ, они на всѣхъ фуражировкахъ всегда занимали лѣвую цѣпь,—доложилъ Золотухинъ спокойно:—они такъ къ этому привыкли, что даже не ждали моего приказанія.—«А впрочемъ, и то сказать», добавилъ онъ, сдвинувъ свои брови: «драгуны могутъ заржавѣть, и совсѣмъ разучатся драться, если ихъ будутъ держать подъ стекляннымъ колпакомъ».

Рудановскій замахалъ руками и отъѣхалъ отъ безпокойнаго дивизіонера ([11]).

Фуражировка на этотъ разъ продолжалась не болѣе часа. Но едва колонна стала отступать, и эскадроны, сѣвъ на коней, заѣхали повзводно кругомъ, какъ изъ лѣвой опушки разомъ высыпали чеченцы и стали насѣдать на драгунъ съ такою дерзостью, что дивизіонеръ принялъ это за личное оскорбленіе. «Тихоненко! труби!» крикнулъ онъ громовымъ голосомъ. Тихоненко зналъ уже, что надо трубить. И еще въ воздухѣ дрожала послѣдняя нота «походъ», какъ драгуны очутились уже лицомъ къ непріятелю, и съ мѣста ринулись карьеромъ.

Чеченцы отступить не успѣли; они слишкомъ далеко отошли отъ опушки лѣса, и встрѣтили драгунъ на открытой полянѣ. Они дрались отчаянно, точно все, что накипѣло у нихъ на сердцѣ за многіе годы, всѣ вынесенныя ими обиды и страданія—вымещались въ каждомъ взмахѣ руки, въ каждомъ наносимомъ ударѣ. Выхвативъ кинжалы, они прыгали, какъ пантеры, то уклоняясь отъ шашечныхъ ударовъ противника, то нанося свои удары страшнымъ, короткимъ, обоюдо-острымъ оружіемъ. Раненые продолжали борьбу на землѣ. Одинъ старикъ, истекая кровью, почти въ предсмертной агоніи ползкомъ добрался до драгунской лошади, и кинжаломъ подрубилъ ей ноги; другой, еще совсѣмъ юноша, сынъ одного изъ наибовъ, съ разбитымъ черепомъ, кинулся на лошадь, какъ кидается волкъ, и всадилъ кинжалъ въ ея грудь по самую рукоятку. Лошадь взвилась на дыбы, и вмѣстѣ съ всадникомъ рухнула на земь. Драгунъ, очутившійся подъ нею, едва не былъ изрубленъ, но его выручили товарищи. Двѣ-три минуты шла эта рукопашная свалка, и въ эти короткія мгновенія съ нашей стороны раненъ кинжаломъ поручикъ Ключаревъ, два драгуна убито и восемь ранено; изъ числа послѣднихъ двоихъ не довезли до лагеря: они покончили расчеты съ жизнію, не успѣвъ даже сойти съ боевого поля. Здѣсь же на глазахъ всего дивизіона въ боевую драму вмѣшалась одна изъ тѣхъ непостижимыхъ случайностей, которыя невольно заставляютъ мысли человѣка обратиться къ Провидѣнію. Лошадь командира 1-го эскадрона штабсъ-капитана Джемарджидзе, горячій тушинскій скакунъ, темнокараковый въ черныхъ яблокахъ, чего-то испугавшись, ринулся впередъ, и закусивъ удила, понесъ его къ лѣсу. Драгунъ, стоявшій возлѣ эскадроннаго командира, поскакалъ за нимъ, стараясь схватить разгорячившагося тушина за поводъ. Оба они

пронеслись черезъ всю непріятельскую цѣпь, врѣзались въ толпу чеченцевъ, стоявшихъ позади, пронеслись еще дальше, и описавъ круговой вольтъ, вернулись къ своимъ. Ихъ обоихъ считали погибшими; они сто разъ могли погибнуть изстрѣленные, изрубленные, захваченные въ плѣнъ,—и оба возвратились назадъ невредимыми (12).

Свалка еще продолжалась, когда на помощь къ драгунамъ подоспѣлъ батальонъ пѣхоты и, разсыпавъ цѣпь, открылъ наступленіе. Эскадроны отозваны были назадъ. Чеченцы скрылись въ опушку лѣса. Въ эту минуту прискакалъ ординарецъ колоннаго начальника и что-то сказалъ Золотухину. «Драгуны, въ правую цѣпь!» послышался голосъ дивизіонера, и драгуны, не успѣвъ выстроить еще эскадроны, толпою поскакали туда, гдѣ въ нихъ оказывалась надобность. Въ правой цѣпи шло горячее дѣло. Чеченцы, кинувшись въ шашки, разорвали наши звенья и пробились къ самымъ фуражирамъ. Къ счастію послѣдніе успѣли присоединиться къ отряду. Никогда еще не доводилось видѣть чеченцевъ, сражавшихся съ такою яростью. Резервы, вдвинутые въ интервалы разорванной цѣпи, едва сдерживали ихъ залпами. Въ это время принеслись драгуны. «Благослови, Господи!» послышался обычный возгласъ дивизіонера, и, выхвативъ шашку, онъ молча выпустилъ въ карьеръ своего скакуна. Эскадроны понеслись за нимъ безъ команды. Но чеченцы уже скрылись въ опушку, и оттуда открыли батальный огонь. Пришлось остановиться и отойти назадъ изъподъ выстрѣловъ. Впрочемъ и эта острастка оказалась достаточной: въ присутствіи драгунъ чеченцы не осмѣливались больше удаляться отъ опушки, и отрядъ отступилъ благополучно (13).

Это былъ заключительный эпизодъ лѣтней экспедиціи 1848 года, послѣдняя сцена многоактной драмы, главный интересъ которой сосредоточивался тогда на Гойтѣ и Мартанѣ.

Чеченская экспедиція окончилась, и окончаніе ея ознаменовалось для 1-го дивизіона объявленіемъ новыхъ наградъ: Золотухинъ получилъ чинъ подполковника; Джемарджидзе Анну 2 ст., Петровъ золотую шашку; поручикъ князь Грузинскій—чинъ штабсъ-капитана, поручики Шанъ-Гирей и Ключаревъ Анну 3-й, а прапорщики Докукинъ и Фогель—4-й степени. Нижнимъ чинамъ пожаловано 14 знаковъ отличія Военнаго ордена (14).

Вернувшись съ береговъ Валерика, драгуны стали мало по малу готовиться къ далекому походу въ свою штабъ-квартиру. Задача чеченскаго отряда была окончена. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ сороковомъ

году чеченцы присягали на вѣрность имаму, выросла русская крѣпость, и тамъ, гдѣ передъ нимъ держали открытый коранъ, теперь сверкалъ золоченый крестъ церковнаго намета. Въ лагерѣ, все чаще и чаще окутываемомъ сѣдыми туманами, которыми такъ богата здѣшняя осень, начались прощальные обѣды. Дружная семья, проведшая два мѣсяца въ лѣсахъ Малой Чечни, сжилась между собою и разставалась со скорбію. Наступило наконецъ 20-е сентября—день, назначенный для выступленія дивизіона въ свою штабъ-квартиру. Многіе драгуны съ ранняго утра отправились на тотъ берегъ рѣки, въ послѣдній разъ поклониться могилкамъ и почтить память своихъ убитыхъ товарищей. Объ этой трогательной чертѣ, характеризующей бытъ кавказскаго солдата, съумѣвшаго остаться вѣрнымъ лучшимъ сторонамъ русской жизни и на этой далекой азіатской окраинѣ, никто, можетъ быть, не узналъ бы, если бы одинъ офицеръ, посланный съ какимъ-то порученіемъ на ту сторону рѣки, случайно, собственными глазами, не увидѣлъ солдатъ, усердно молящихся у могильныхъ насыпей ([15]).

Въ 9 часовъ утра эскадроны выстроились на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ выстраивались всегда, когда экспедиція назначалась къ сторонѣ Гойтинскаго лѣса. Проводы были многолюдные, сказано было много спичей, имѣвшихъ характеръ овацій; они нигдѣ не записаны, но ихъ долго помнили тѣ, къ кому они относились. Генералъ Нестеровъ, обходя ряды, не прощался съ драгунами; онъ говорилъ имъ «до свиданья». Онъ уже писалъ о нихъ Воронцову, и съ тою же настойчивостью, съ которою прежде заявлялъ нежеланіе имѣть ихъ у себя гостями, теперь настаивалъ на обязательномъ назначеніи драгунъ въ составъ экспедиціонныхъ чеченскихъ отрядовъ. Вопросъ этотъ, однакоже, не могъ разрѣшиться въ безусловно удовлетворительномъ смыслѣ. Вотъ что отвѣчалъ ему на это письмо начальникъ главнаго штаба генералъ Коцебу: «Усиленіе лѣваго фланга кавалеріею, и именно дивизіонами драгунъ, главнокомандующій находитъ весьма полезнымъ, но онъ не желаетъ принять за правило, чтобы непремѣнно всякую весну командировать дивизіоны въ Грозную, предоставляя, однакоже, себѣ дѣлать это по мѣрѣ возможности и необходимости» ([16]). Но эта-то возможность, къ сожалѣнію, и представилась не скоро. Весною 1849 года серьезной экспедиціи на лѣвомъ флангѣ не было, а въ 50-мъ не стало уже самого Нестерова. Драгуны въ первый и въ послѣдній разъ видѣли его въ своемъ кругу во время экспедиціи на Урусъ-Мартанѣ.

На проводы драгунъ собрались всѣ офицеры отряда и верхами провожали ихъ до самой Гойты, гдѣ уже стояла новая колонна, высланная на встрѣчу къ нимъ изъ Воздвиженской. Здѣсь, такъ сказать, была станція. Всѣ сошли съ лошадей, и на Гойтѣ, говоритъ одинъ очевидецъ, столько было выпито на прощаніе портеру, сколько, можетъ быть, никогда не было пролито крови на берегахъ этой негостепріимной рѣчки. Наконецъ раздалась команда: «садись!»—и драгуны потянулись по воздвиженской дорогѣ, съ новою, только что появившеюся пѣснею:

Веселитесь! Мы въ Чечнѣ
Снова побѣдили,
И пѣшкомъ и на конѣ
Славу заслужили.

Эскадронъ нашъ и въ горахъ
Смерти не боялся,
Въ Кутишахъ и на Мятлахъ
Молодецки дрался.

И Чечня намъ ни почемъ,
И въ Чечнѣ ребята,
Не ударя въ грязь лицомъ,
Били супостата.

На Мартанѣ по ночамъ
Ядрами палили;
Но не страшны ядра намъ,
Мы ихъ полюбили.

И на Гойтѣ сколько разъ
Врагъ палилъ съ опушки;
Но едва увезъ отъ насъ
Онъ четыре пушки.

Мы въ атаку на Чеченъ
По лѣсамъ ходили,
И не брали сволочь въ плѣнъ—
Головы рубили.

За Мартаной не одна
Подъ шестомъ могила, —
Все драгунская жена,
Шашка уложила.

Насъ считаютъ за шайтанъ
Все за то, что ловки,
Рубимъ, колемъ бусурманъ
И беремъ винтовки.

Отличиться всякъ готовъ,
Станетъ братъ за брата,
Намъ сказалъ и Воронцовъ
«Молодцы ребята!»

Пѣсня эта была написана командиромъ 2-го эскадрона штабсъ-капитаномъ Петровымъ, оставившимъ послѣ себя въ полку цѣлый циклъ подобныхъ пѣсенъ, которыя полкъ бережетъ какъ воспоминанія прошлой жизни. «Онѣ такъ характерны», пишетъ о нихъ одинъ старый отставной Нижегородецъ—«что, перечитывая ихъ теперь, въ глуши деревни, такъ и видишь Чиръ-Юртъ со всѣми его боевыми обитателями» (17).

Въ Воздвиженской драгуны были встрѣчены своимъ старымъ начальникомъ барономъ Меллеръ-Закомельскимъ. Золотухинъ, не любившій, чтобы его драгунъ конвоировала пѣхота, тутъ же обратился съ просьбой позволить дивизіону одному пройти разстояніе отъ Воздвиженской до Грозной. «На это я не имѣю права», отвѣчалъ баронъ, «да если бы и имѣлъ, то едва ли бы разрѣшилъ вамъ. Вы не знаете, Димитрій Матвѣевичъ, чего вы просите: слѣва у васъ будутъ Андійскіе хутора, справа Аргунъ и вся Большая Чечня. Прежде чѣмъ вы дойдете до половины Ханкальскаго ущелья, чеченцы успѣютъ запереть его со стороны Грозной». — Мы отопремъ! возразилъ энергически Золотухинъ. «Я болѣе нежели убѣжденъ, что вы сдѣлаете попытку отпереть, но сомнѣваюсь, чтобы ваша попытка увѣнчалась успѣхомъ». Послѣ довольно продолжительнаго спора, баронъ наконецъ сказалъ: «Я подумаю, и, будьте увѣрены, сдѣлаю все, что возможно».

На другой день, когда драгуны выстроились, на ту же площадь выѣхало нѣсколько повозокъ, и одна за другою пришли четыре роты съ двумя орудіями. Онѣ расположились поодаль. Прибылъ, наконецъ, и Меллеръ-Закомельскій. Онъ объѣхалъ эскадроны, благодарилъ ихъ за прекрасную боевую службу, и затѣмъ, обращаясь къ дивизіонеру, сказалъ ему громко, такъ чтобы всѣ могли слышать: «Маіоръ Золотухинъ! Оказія, которую вы здѣсь видите, должна была выступить въ Грозную двумя часами позже. Я нарочно приказалъ ей выступить вмѣстѣ съ вами. До-

рога опасна, и я надѣюсь, что въ крайности вы не откажете ей въ помощи. Для меня это прекрасный случай: драгуны не каждый день проходятъ по нашей линіи».—Драгуны, баронъ, никогда, никому не отказывали въ помощи. Вы можете положиться на насъ. Я все время буду итти въ авангардѣ.

Изъ Воздвиженской выступили въ 8 часовъ утра. Золотухинъ со всѣми офицерами ѣхалъ впереди. «А тонкій дипломатъ этотъ рыжій баронъ», говорилъ онъ: «я, молъ, ничего не имѣю противъ того, чтобы вы одни прошли черезъ Ханкальское ущелье; идите, съ Богомъ. Только вотъ возьмите подъ свое покровительство эти четыре роты съ артиллеріею; я боюсь, чтобы безъ васъ съ ними чего не случилось. Ловко придумалъ, нечего сказать; я бы такъ не вывернулся» ([18]).

До Грозной дошли благополучно; чеченцы, утомленные лѣтнимъ походомъ, махнули рукой и не тревожили колонну. Старая ермоловская крѣпость произвела въ этотъ разъ на драгунъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ прежде, когда они шли черезъ нее въ Воздвиженскую. И крѣпость смотрѣла привѣтливѣе, и люди были привѣтливѣе. Отсюда драгуны пошли уже не по старой дорогѣ черезъ Кумыкскую плоскость, а по Тереку черезъ богатую, прославленную своими красавицами Червленную станицу. Тамъ была дневка, и воспоминаніе о ней выразилось опять-таки въ слѣдующей характерной пѣснѣ Нижегородцевъ:

Возвращался не съ парада,
Изъ чеченскаго отряда
Эскадронъ второй;
Эскадронъ второй все хваты,
Удалые все ребята,
Молодецъ любой!
Молодецъ любой на шашки,
И штыкомъ не дастъ промашки,—
Знаетъ то Чечня;
Знаютъ то Чечня и горы,
И забудутъ насъ не скоро —
Всякъ собралъ коня.
Всякъ собралъ коня бойчѣе,
Подбочился, сѣлъ стройнѣе—
Шапка набекрень.

Шапку набекрень невольно...
Отъ чего же такъ довольны? —
Дневка въ этотъ день.
Дневка въ этотъ день въ станицѣ.
Ну, червленскія дѣвицы —
Принимать путемъ!
Принимать путемъ не ново, —
Угощеніе готово,
Поятъ чихиремъ.
Поятъ чихиремъ молодки,
Командиръ же далъ намъ водки —
И пошли гулять...
И пошли гулять ребята!
Что за жизнь у насъ солдата,
Въ пѣснѣ не сыграть.

Такъ весело и привольно дошли драгуны до Хассавъ-Юрта. Онъ былъ все тотъ же, какимъ оставили его драгуны за два мѣсяца тому назадъ; только его молодой хозяинъ, командиръ Кабардинскаго полка, былъ произведенъ уже въ генералы и сталъ еще солиднѣе, нежели прежде. «Очень, очень радъ дорогимъ гостямъ», сказалъ онъ Золотухину: — «я съ особымъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ военныхъ событій въ Малой Чечнѣ, и въ особенности за вашими боевыми отличіями. Утро и вечеръ 14-го августа—это прекрасныя страницы къ вашей полковой исторіи».

За ужиномъ князь Барятинскій сказалъ Золотухину: «Не хотите ли, Димитрій Матвѣевичъ, воспользоваться маленькимъ развлеченіемъ, которое, кстати, я обѣщалъ доставить вамъ ранѣе: мы завтра идемъ въ набѣгъ,— что вы на это скажете?» Золотухинъ ничего не сказалъ; онъ только благодарными глазами взглянулъ на князя, и толкнувъ колѣномъ сидѣвшаго рядомъ съ нимъ Петрова, шепнулъ ему: «Сегодня до свѣту драгуны должны быть на коняхъ».—«Будутъ, объ этомъ не безпокойтесь», отвѣчалъ Петровъ.

Сборный пунктъ назначенъ былъ у Герзель-аульскихъ воротъ. За три часа до разсвѣта колонна выступила такъ тихо, что надо было приложить ухо къ землѣ, чтобы по глухому шуму шаговъ догадаться объ ея движеніи. Только привидѣнія, которыя по народному повѣрью скользятъ, не касаясь земли, прошли бы тише. Проводникъ ѣхалъ впереди и указывалъ дорогу, а звѣзды, едва мерцавшія съ высокаго темнаго неба, освѣ-

Возвращеніе эскадрона изъ Чеченской экспедиціи.

(Станица Черлёная).

щали путь. Но вотъ, сквозь влажную атмосферу сентябрьской ночи пронесся предразсвѣтный вѣтерокъ, и въ то же время одна за другою начали гаснуть звѣзды. На востокѣ показалась узкая, блѣдная полоса разсвѣта. Лошади тихо заржали. «Это онѣ Богу молятся», говорили драгуны, и снявъ фуражки, усердно крестились. На дворѣ уже былъ бѣлый день, когда кавалерія, взобравшись на вершину Качкалыковскихъ горъ, вдругъ ринулась карьеромъ въ глубокую долину, чернѣвшуюся внизу, среди дремучаго бора. Тамъ стоялъ разоренный аулъ Хошъ-Гяльды, ютившійся въ верховьяхъ одного изъ притоковъ Аксая. Въ аулѣ жителей не было; но, благодаря туманамъ, довольно часто посѣщающимъ эти горы, да дождямъ, перепадающимъ осенью, поляна сохранила еще свѣжую, сочную зелень, и сюда-то, на это обширное пастбище, горцы со всѣхъ окрестныхъ хуторовъ сгоняли свои табуны и стада. На этотъ разъ, къ сожалѣнію, ихъ было не много—головъ полтораста, не больше, но за то изъ этой добычи не спаслось уже ни одного быка, ни одной лошади. Казаки, окруживъ ихъ цѣпью, быстро перегнали за горы; драгуны прикрывали отступленіе. Но ударъ кавалеріи былъ до того неожиданъ, что горцы стали собираться на тревогу тогда, когда колонна удалилась отъ Качкалыковскаго хребта больше чѣмъ на два пушечные выстрѣла ([19]). Войска даже не видѣли непріятеля; но именно это-то обстоятельство Барятинскій и ставилъ себѣ въ заслугу. Много было, однакоже, людей, которые смотрѣли на это иными глазами; они непремѣнно дождались бы горцевъ, затѣяли бы жаркую перестрѣлку, потеряли бы много людей, но за то имѣли бы право сказать, что дѣло было славное. Другое дѣло вопросъ—стоили ли, напр., полтораста головъ скота нѣсколькихъ человѣческихъ жизней? Но и на этотъ вопросъ, пожалуй, пришлось бы отвѣчать утвердительно, такъ какъ за нѣсколько возовъ грошевой кукурузы иногда платили гораздо дороже.

Цѣлый день провели драгуны еще въ Хассавъ-Юртѣ, и только поутру 1-го октября выступили въ свою штабъ-квартиру. Чипчакская башня, стоявшая одиноко надъ глухимъ оврагомъ, опять увидѣла стройную массу всадниковъ, за которыми слѣдила 26 іюля. Разница состояла въ томъ, что тогда было 200 человѣкъ, а теперь возвращалось только 150. Уже вечерѣло, когда 1-й дивизіонъ, послѣ своей двухмѣсячной Одиссеи, приблизился къ Чиръ-Юрту, и на правомъ нагорномъ берегу Сулака передъ нимъ показалась наконецъ штабъ-квартира, отчетливо вырѣзывавшаяся въ прозрачной атмосферѣ прелестнаго октябрьскаго вечера. Драгуны

еще разъ перенеслись мыслію въ свое недавнее прошлое. Голая мѣстность и отсутствіе деревъ напоминало имъ обиліе лѣсовъ въ Чечнѣ, и живописные виды на Гойтѣ, Мартанѣ или Валерикѣ. Тамъ была жизнь; здѣсь не было именно жизни. Только однѣ горы и мирили еще съ окружающимъ пустыннымъ ландшафтомъ; онѣ не распростерты съ подобострастіемъ на землѣ, какъ эта жалкая шамхальская равнина; онѣ подымаютъ свое пасмурное чело къ ясному небу такъ высоко, какъ можетъ возноситься только мысль человѣка. И человѣкъ, глядя на нихъ, чувствуетъ себя бодрѣе и сильнѣе духомъ. На Хубарскихъ высотахъ еще бродили облака, отыскивая себѣ пріютъ для ночлега, но Андійскій хребетъ весь, до самаго гребня, уже занавѣсился на ночь туманами.

Почти совершенно стемнѣло. Невѣрный свѣтъ сгустившихся сумерокъ, свѣтъ отъ воды въ рѣкѣ, свѣтъ отъ загоравшихся на небѣ звѣздъ позволилъ драгунамъ издалека различить по дорогѣ черную движущуюся массу. То была кавалькада: на встрѣчу къ нимъ ѣхалъ Круковскій со всѣми офицерами. Поравнявшись съ фронтомъ, онъ осадилъ коня, и крикнувъ своимъ звучнымъ басомъ: «Здорово, братцы! Спасибо!» молча обнялъ дивизіонера, и подалъ всѣмъ офицерамъ свою широкую, мохнатую честную руку. Эскадроны двинулись дальше. Пѣсенники, вызванные впередъ, пѣли слѣдующую пѣсню:

Эскадронъ драгунъ идетъ
По шести;
Молодецкій хоръ поетъ
Впереди.
Ружья блещутъ за спиной
Безъ штыковъ;
Чуть гдѣ дѣло—боевой
Штыкъ готовъ.
Съ командиромъ господа
На коняхъ,
Вспоминаютъ какъ всегда
Мы во бояхъ.
Запѣвало, разскажи,
Распотѣшь:
Какъ мы брали Кутиши,—
Правду рѣжь.

Разскажи намъ о Чечнѣ,
Да путемъ,
Какъ мы дрались на конѣ,
И пѣшкомъ.
Старый полкъ нашъ двѣсти лѣтъ
Ходитъ въ бой,
Много знаетъ онъ побѣдъ
За собой.
Много пушекъ, и не разъ,
Онъ отбилъ.
Закавказье и Кавказъ
Исходилъ.
Покажи чеченъ значки—
Мы на нихъ
Грянемъ въ шашки и штыки,
Схватимъ вмигъ.
Предъ атакой не зѣвай
Эскадронъ,
Строить фронтъ;—Трубачъ играй!
«Шашки вонъ!»
Чрезъ овраги въ лѣсъ стрѣлой
Полетимъ,
И чеченцевъ быстротой
Удивимъ.
Предъ заваломъ мы съ коней—
Штыкъ впередъ!
Барабанщикъ громче бей,
Бей походъ.
Бѣглымъ шагомъ на завалъ
Побѣжимъ,
А кто первый прибѣжалъ
Крестъ предъ нимъ.
Такъ нашъ старый полкъ живетъ
Двѣсти лѣтъ,
Молодѣя каждый годъ
Отъ побѣдъ.

Прошли Старую слободку и стали подниматься въ гору, къ рогаткамъ, запиравшимъ входъ въ штабъ-квартиру. Въ низенькихъ домикахъ изъ сырцоваго кирпича, съ ощетинившимися камышевыми крышами, привѣтливо свѣтились огоньки, точно маня и приглашая путниковъ на отдыхъ.

Походъ кончился, и вступила въ свою будничную колею монотонная, отшельническая жизнь отрѣзаннаго отъ интересовъ всего остального міра Чиръ-Юрта. И здѣсь-то подъ яснымъ, почти никогда не хмурящимся небомъ, подъ говоръ волнъ сердитой, вѣчно чѣмъ-то недовольной рѣки, незамѣтно и безслѣдно будутъ уходить въ вѣчность все лучшіе годы ихъ жизни. Но, какъ выразился нѣкогда Батюшковъ, описывая угрюмую Финляндію, и здѣсь, какъ въ странахъ, благословенныхъ природою, люди могли находить и находили себѣ счастіе.

В. В.

Типъ казака изъ Червленной.

Мискинджи.

XI.

Ахты и Мискинджи.

(1848 г.).

Сводный дивизіонъ въ Шурѣ.—Извѣстіе о вторженіи Шамиля въ Самурскій округъ.—Быстрое выступленіе войскъ.—Слухъ объ отчаянномъ положеніи Ахтынскаго гарнизона.—Форсированный маршъ.—Невозможность переправиться черезъ Самуръ, и отступленіе отряда въ виду осажденной крѣпости.—Трудное обходное движеніе черезъ горныя выси.—Мискинджинскій бой, и Джафаръ-Кули-Ага-Бакихановъ въ роли начальника кавалеріи.—Дѣйствія въ бою маіора Тихоцкаго.—Вступленіе въ Ахты.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о геройской защитѣ крѣпости.—Царскія награды за Ахты и Мискинджинскій бой.—Движеніе войскъ по Самуру.—Грозныя кары Аргутинскаго.—Разгромъ аула Хрюкъ.—Усмиреніе мятежа и роспускъ отряда.—Обычныя тревоги въ Чиръ-Юртѣ съ началомъ 1849 года.—Тревога 15-го марта—послѣдняя въ командованіе Круковскаго.—Назначеніе его наказнымъ атаманомъ.—Сдача полка и выѣздъ его изъ Чиръ-Юрта.

Въ то время, какъ 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка находился въ Малой Чечнѣ, другой дивизіонъ, сводный (5-й и 9-й эскадроны), подъ командой маіора Тихоцкаго все еще продолжалъ стоять въ Темиръ-Ханъ-

Шурѣ, гдѣ была расположена часть дагестанскаго отряда послѣ Гергебильской экспедиціи. Военныя дѣйствія въ горахъ считались оконченными, но князь Аргутинскій все-таки не распускалъ войска, такъ какъ ходили какіе-то темные слухи о замыслахъ Шамиля, хотя ни одинъ лазутчикъ не могъ передать съ достовѣрностью, въ чемъ они заключаются. Только 10-го сентября прискакали въ Шуру гонцы съ такими вѣстями, которыя поразили всѣхъ своею неожиданностью: Шамиль съ 15-тысячнымъ скопищемъ бросился въ Самурскій округъ и пошелъ на Ахты, чтобы открыть себѣ свободный путь въ Закавказье. Войска шуринскаго лагеря подняты были по тревогѣ, и разсвѣтъ 11-го числа засталъ уже ихъ въ движеніи къ границамъ Казикумыкскаго ханства. Передовой отрядъ съ Турчидага ушелъ еще раньше. Войска шли быстро, но событія опереживали войска, и въ Курахѣ князь Аргутинскій, слѣдовавшій съ передовымъ эшелономъ, встрѣтилъ капитана Бучкіева, который пробрался изъ осажденной крѣпости, чтобы сообщить объ отчаянномъ положеніи гарнизона. «Весь округъ», говорилъ онъ, «въ возстаніи; Шамиль осадилъ Ахты и, послѣ взрыва порохового погреба, штурмовалъ разрушенный бастіонъ; штурмъ былъ отбитъ, но потеря гарнизона такъ велика, что подъ ружьемъ не осталось и 350 нижнихъ чиновъ; комендантъ укрѣпленія полковникъ Ротъ опасно раненъ, и обороною завѣдуетъ капитанъ Новоселовъ; гарнизонъ держится, но уже безъ всякой надежды на спасеніе»... Такія извѣстія вынудили Аргутинскаго, не ожидая сбора всѣхъ войскъ, двинуться въ Ахты лишь съ тѣмъ, что было у него подъ рукою, и только драгунамъ, слѣдовавшимъ во второмъ эшелонѣ, приказано было догонять отрядъ форсированнымъ маршемъ. Драгуны и безъ того шли безъ дневокъ, а теперь пошли и безъ горячей пищи, которую некогда было готовить. Въ восемь дней прошли они триста верстъ по горамъ, гдѣ съ трудомъ двигалась пѣхота, и 18-го сентября въ полдень настигли, наконецъ, головной эшелонъ, остановившійся уже надъ самымъ спускомъ къ Самуру (1). Но по этому пути проникнуть въ Ахты было, однако, нельзя. Мостъ на Самурѣ горѣлъ, и переправы не было. Съ одного изъ уступовъ горы, обрывавшейся крутыми террасами, крѣпость, закутанная клубами порохового дыма, виднѣлась явственно во всей красѣ своего разрушенія; дальше за нею, надъ сѣрою массой Ахтынскаго аула, вѣяло зеленое знамя Шамиля, а кругомъ, на сколько могъ видѣть глазъ, вездѣ стояли толпы непріятеля. Ахты были

въ опасномъ положеніи. Аргутинскій видѣлъ это—и не могъ подать имъ помощи. Кто знаетъ, какія мысли тѣснились тогда въ его сѣдой головѣ. У ногъ его гибла русская крѣпость, гибла медленно, но несомнѣнно; тамъ умирали русскіе солдаты, но тамъ были и женщины, которымъ также грозила смерть, или участь хуже самой смерти. Вокругъ полуразрушенныхъ стѣнъ волновалось населеніе, покорное намъ уже девять лѣтъ, и сразу перешедшее на сторону нашихъ враговъ. Паденіе крѣпости могло охватить пожаромъ весь южный Дагестанъ и перебросится въ Кубинскій уѣздъ. Всѣ горы съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали рѣшенія, чѣмъ кончится грозное нашествіе имама. Аргутинскій съ тоскою смотрѣлъ на укрѣпленіе. «Захаръ Семеновичъ», – сказалъ онъ, обратившись къ командиру Ширванскаго полка полковнику Манюкину,—«здѣсь можетъ быть потеряно все, надъ чѣмъ я трудился шесть лѣтъ». Онъ отвернулся, сѣлъ на коня и приказалъ отступать (2).

Изъ укрѣпленія сотни глазъ наблюдали за каждымъ движеніемъ нашей колонны, за каждымъ колебаніемъ ея штыковъ, и когда увидѣли, что князь Аргутинскій повернулъ назадъ, безотрадное чувство охватило всѣхъ, такъ недавно еще переполненныхъ надеждой на спасеніе. Могильная тишина водворилась въ укрѣпленіи, и всѣ медленно, апатично стали сходить съ брустверовъ и крышъ, кое-гдѣ еще уцѣлѣвшихъ построекъ. Разочарованіе осажденныхъ было ужасно. Солнце, блеснувшее на мгновеніе послѣ долгаго мрака, сослужило плохую службу, потому что послѣ него мракъ показался еще грознѣе, еще зловѣщѣе.

Аргутинскій пошелъ обходною дорогой, чтобы переправиться черезъ Самуръ въ другомъ мѣстѣ; но это ближайшее мѣсто находилось верстахъ въ сорока отъ укрѣпленія, и чтобы добраться до него, войскамъ предстояло перевалить два горные хребта, гдѣ не было даже вьючныхъ дорогъ. Погода въ горахъ стояла отвратительная: снѣгъ, дождь и туманы; отрядъ задерживался на каждомъ шагу, потому что вьюки, зарядные ящики и даже горныя орудія то и дѣло срывались съ тропъ, и надо было много усилій, чтобы не допустить ихъ скатиться въ бездонныя пропасти. Солдаты двигались въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. О крѣпости, для спасенія которой подняты были войска, давно уже не получали никакихъ извѣстій; да и держится ли еще она? Пушечные выстрѣлы, которые были слышны явственно, что-то замолкли. Наконецъ, 21-го сентября взобрались на послѣдній перевалъ, и передъ отрядомъ открылась

опять красивая долина Самура. Здѣсь, на гребнѣ перевала, были снѣга и туманы, а тамъ, внизу, свѣтило яркое солнце, шумѣли зеленые лѣса, и поля пестрѣли цвѣтами... Но посреди этой чудной картины бѣшено мчался Самуръ. Удастся ли еще перейти его? Кавалерія, изслѣдовавшая броды, дала знать, что вода выше пояса; но войска тѣмъ не менѣе двинулись впередъ, и послѣ долгой, отчаянной борьбы съ стремительнымъ напоромъ волнъ, вышли, наконецъ, на противоположный берегъ. Тамъ встрѣтили ихъ опять два солдата, выбѣжавшіе изъ крѣпости; они сообщили, что Ахты еще держатся, но что непріятель разрушилъ уже другой бастіонъ, и гарнизонъ, по всей вѣроятности, не выдержитъ новаго штурма. Но выдержитъ или не выдержитъ—этотъ вопросъ былъ еще впереди, а теперь для полнаго ободренія отряда довольно было знать, что гарнизонь еще живъ, и крѣпость стоитъ. Мрачная, душная атмосфера ахтынской экспедиціи точно исчезла; непогоды и таинственная будущность остались позади; впереди было солнце, бивуакъ и непріятель. Ахты лежали отсюда въ разстояніи одного перехода, и на другой день, такъ или иначе, войска должны были встрѣтиться съ непріятелемъ (3).

22-го сентября, еще ночные костры не успѣли потухнуть на бивуакахъ, какъ Аргутинскій уже двинулся дальше. Первые слѣды разрушенія и смерти были встрѣчены имъ въ Тифлисскомъ укрѣпленіи, отъ котораго остались только стѣны, почернѣвшія отъ пожара, да дворъ, наполненный тѣлами русскихъ солдатъ, очевидно преданныхъ мучительной смерти. Гарнизонъ погибъ весь до послѣдняго человѣка. Но въ то тяжелое время никто не остановился на этомъ кровавомъ эпизодѣ, потому что болѣе важныя событія поглотили общее вниманіе, и о горькой участи ничтожной крѣпостцы узнали только по наглядному обзору той страшной картины разрушенія, которая такъ неожиданно представилась дагестанскому отряду.

За этимъ-то укрѣпленіемъ и начиналась Мискинджинская долина, которую надо было перейти, чтобы явиться подъ Ахтами. Но входъ въ долину былъ занятъ огромными завалами, вѣнчавшими собой и вершину и скаты горы. Значки, развѣвавшіеся надъ этими завалами, принадлежали лучшимъ наибамъ Шамиля, а въ распоряженіи Аргутинскаго были только три батальона пѣхоты, и, слѣдовательно, открытый бой являлся дѣломъ крайне рискованнымъ. Аргутинскій попытался было обойти позицію; но обойти ее было нельзя: для этого опять потребовались бы

два-три дня, а Ахты бились уже въ предсмертной агоніи. Тогда онъ подозвалъ полковника Манюкина и, переговоривъ съ нимъ, приказалъ Ширванскому полку итти на завалы (4).

Въ то же время вся кавалерія, подъ начальствомъ генералъ-маіора Джафаръ-Кули-Аги-Бакиханова, должна была перейти обратно Самуръ, и скрытно обскакавъ непріятельскую позицію по ту сторону рѣчки, снова перейти Самуръ уже въ тылу непріятеля. Едва кавалерія тронулась къ переправѣ, какъ три батальона Ширванскаго полка стали готовиться къ штурму. Это былъ поистинѣ одинъ изъ блистательнѣйшихъ кавказскихъ приступовъ. Ширванскіе батальоны потеряли четвертую часть нижнихъ чиновъ, но Мискинджи были взяты, и главныя силы Шамиля, разбитыя на голову, бѣжали по ахтынской дорогѣ. Къ сожалѣнію, расчетъ Аргутинскаго, что эти бѣгущія толпы попадутъ подъ ударъ кавалеріи, не удался. Кавалерія, дѣйствительно, перешла Самуръ, но вмѣсто того, чтобы заскакать въ тылъ непріятеля, выстроилась и стояла на томъ берегу неподвижно. Напрасно Аргутинскій выходилъ изъ себя, и подавалъ сигналъ за сигналомъ, чтобы тронуть съ мѣста эту неподвижную массу. Джафаръ-Кули-Ага ничему не внималъ, и началъ переходить Самуръ въ другой разъ только тогда, когда отрѣзать бѣгущимъ отступленіе было уже невозможно. Къ этой ошибкѣ прибавилась другая. Джафаръ держалъ въ головѣ колонны Кубинскую милицію, которая не только атаковать, но даже не смѣла приблизиться къ Хаджи-Мурату. Она топталась на мѣстѣ, и задерживала остальную конницу, которая не могла обойти ее стороной, такъ какъ тропа, по которой пробирались всадники, обрамлялась отвѣсными кручами. Тихоцкій, поставленный съ своимъ дивизіономъ въ самомъ хвостѣ колонны, потерялъ наконецъ терпѣніе. Въ поведеніи Джафаръ-Кули-Аги онъ усмотрѣлъ если не прямую измѣну, то ничѣмъ не оправдываемую робость, и рѣшилъ дѣйствовать самъ, на личную отвѣтственность. По его командѣ драгуны устремились впередъ, смяли милицію, и пробившись сквозь ея ряды, первые вынеслись изъ-подъ обрыва (5). Они захватили только арріергардъ непріятеля, но за то изъ этого арріергарда не спаслось уже почти ничего: вся долина до самыхъ Мискинджинскихъ садовъ покрылась тѣлами убитыхъ.

Побѣда была полная; но Аргутинскій все-таки былъ недоволенъ результатомъ боя, и въ большой потерѣ, понесенной Ширванцами, безусловно винилъ Джафаръ-Кули-Агу, опоздавшаго съ своею кавалеріей. Въ

самомъ дѣлѣ, появись она во-время, и горцы, по всей вѣроятности, покинули бы завалы безъ боя. Очень можетъ быть, что непріятель не позволилъ бы нашей кавалеріи даромъ переправиться черезъ бѣшеную рѣку, но для Нижегородцевъ, если бы они стояли въ головѣ колонны, подвигъ этотъ не составилъ бы ничего особеннаго. Они и теперь одни приняли участіе въ битвѣ, и, положивъ на мѣстѣ больше ста человѣкъ, привели съ собою 70 плѣнныхъ; только имъ и были обязаны тѣмъ, что непріятель не остановился въ мискинджинскихъ садахъ, а бѣжалъ дальше, распространяя панику до самой ставки Шамиля. Впослѣдствіи, не разъ приходилось встрѣчать въ печати такія сужденія, которыя неподвижность Джафаръ-Кули-Аги называли благоразуміемъ, находя, что обходное движеніе кавалеріи являлось бы слишкомъ рискованнымъ, если бы она не выждала успѣховъ пѣхоты. Но если это такъ, то вѣдь и Ширванцы могли остановиться, выжидая успѣховъ кавалеріи. Такое благоразуміе съ обѣихъ сторонъ, конечно, не увѣнчало бы наше оружіе лаврами.

Изъ Мискинджи князь Аргутинскій въ сопровожденіи дивизіона драгунъ отправился прямо въ Ахты, и не встрѣтилъ въ окрестностяхъ ихъ уже ни одного непріятеля. Мискинджинскій разгромъ заставилъ Шамиля снять осаду и удалиться поспѣшно за перевалъ Дульчи-дагъ. Окрестные аулы были также пусты. Драгуны первые вступили въ освобожденную крѣпость, и первые увидѣли героя ахтынской защиты капитана Новоселова, когда онъ, блѣдный и изпуренный ранами, безстрастно рапортовалъ Аргутинскому о состояніи гарнизона и укрѣпленія. Этотъ маленькій, тщедушный офицеръ вовсе не казался героемъ, а между тѣмъ безсмертное дѣло его было налицо, и всѣ, други и недруги, называли его виновникомъ той холодной рѣшимости, съ которою гарнизонъ обрекъ себя на смерть.

Только теперь можно было узнать о томъ, что пережили ахтынцы въ страшные дни шестидневной осады. Драгунамъ разсказывали, что однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ былъ раненъ комендантъ укрѣпленія полковникъ Ротъ, у котораго пуля повредила дыхательное горло, и остановилась въ груди. Рану считали смертельной, и военный совѣтъ, собранный изъ наличныхъ офицеровъ, тутъ же единодушно порѣшилъ избрать въ начальники гарнизона капитана Новоселова. Ротъ утвердилъ выборъ, но потребовалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ. Они нашли его въ углу полутемной комнаты, лежащимъ на походной кровати. Передъ нимъ

Шамиль въ ауле Ахты.

на колѣняхъ стояла рыдающая семнадцати-лѣтняя дочь его, только что пріѣхавшая изъ института. Картина была трогательная. Подозвавъ къ себѣ офицеровъ, Ротъ слабымъ голосомъ сказалъ имъ: «Клянитесь взорвать укрѣпленіе при послѣдней крайности—это моя послѣдняя воля». Офицеры дали клятву, и, успокоивъ больного, вышли. Кто можетъ сказать, что происходило въ душѣ израненнаго страдальца въ тѣ минуты, когда онъ остался одинъ на одинъ съ своими мрачными думами. Ему, какъ старому воину, смерть не могла быть страшна; но при немъ была любимая дочь,—и ей надо было погибнуть на самомъ разсвѣтѣ своей жизни. Онъ самъ объявилъ ей объ этомъ рѣшеніи. Бѣдная дѣвушка безропотно покорилась своей ужасной судьбѣ, и не отходила отъ отца, стараясь своимъ спокойнымъ видомъ облегчить его душевныя пытки (6).

Шесть дней защищались Ахты; нѣсколько штурмовъ было отбито, но положеніе дѣлъ съ каждымъ днемъ становилось хуже и безнадежнѣе. Это сознавали всѣ,—и всѣ стали готовиться къ смерти. 20-го сентября Шамиль повелъ рѣшительный приступъ, и были минуты, когда можно было бояться за участь укрѣпленія. Малиновое знамя имама, нѣсколько разъ опрокидываемое и нѣсколько разъ поднимаемое, уже стояло на бастіонѣ, а на валахъ кругомъ пестрѣли значки мюридовъ. Но гарнизонъ напрягъ послѣднія силы—и паденіе крѣпости еще разъ было отсрочено. Малиновое знамя свалилось въ ровъ и больше уже не показывалось.

Весь слѣдующій день мюриды готовились къ новому приступу. Изъ укрѣпленія хорошо былъ виденъ большой зеленый наметъ, подъ которымъ сидѣлъ Шамиль, окруженный своими наибами, и его суровая фигура, казалось, говорила: «Возьму—и никому пощады». Всю ночь на 22-е число гарнизонъ не ложился спать, ожидая нападенія, и у пороховыхъ погребовъ курились зажженные фитили. Всѣ понимали, что отстоять укрѣпленіе, обратившееся въ груду развалинъ, уже невозможно. Но наступилъ разсвѣтъ, а въ непріятельскомъ станѣ все было тихо и неподвижно. Гарнизонъ терялся въ догадкахъ, какъ вдругъ въ самый полдень со стороны Мискинджей показались бѣгущія, разбитыя толпы, а еще полчаса,—и на краю той же долины появилась русская конница...

Получивъ донесеніе о геройской защитѣ Ахтынскаго гарнизона, императоръ Николай Павловичъ написалъ собственноручно: «Славно». Аргутинскій получилъ александровскую ленту; Ротъ — чинъ генералъ-маіора

и аренду *); капитанъ Новоселовъ—два чина и георгіевскій крестъ; генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Исаковъ, присланный изъ отряда съ донесеніемъ, назначенъ флигель-адъютантомъ **).

Не замедлили выйти награды и за Мискинджинское дѣло: Тихоцкій произведенъ въ подполковники, капитаны Товбичъ и Шульцъ—въ маіоры, прапорщикъ Симашкевичъ въ поручики; старшій вахмистръ Юркевичъ, юнкера: Курамидзе, Симсонъ, Кожинъ, Кондиба, Качановскій, и унтеръ-офицеръ Бруновъ—въ прапорщики; рядовой Дмитрій Зоринъ (изъ разжалованныхъ) въ унтеръ-офицеры. Ордена св. Анны 4 ст. пожалованы поручикамъ: Суринову, Ялбржиковскому, Елагину, Павало-Швейковскому, и прапорщикамъ: Фелькерзаму, Зубанову, Беклешову, Конце и Мердеру. Кромѣ того за гергебильскую экспедицію Тихоцкій получилъ орденъ св. Анны 2 ст. съ Императорскою короною, а Товбичъ—золотую шашку. Нижнимъ чинамъ пожаловано 15 знаковъ отличія Военнаго ордена (7).

Освободивъ Ахты, Аргутинскій повелъ отрядъ вверхъ по Самуру, и въ два дня обошелъ весь округъ. Походъ этотъ остался въ памяти драгунъ прежде всего головоломною переправою черезъ Ахты-Чай по воздушному мосту, который былъ шириною въ шагъ, безъ перилъ, и висѣлъ надъ страшною пропастью. Доски качались и прыгали такъ, что драгунамъ пришлось спѣшиться и проводить своихъ лошадей по одиночкѣ, а нѣкоторымъ завязывать даже глаза. На томъ берегу Ахты-Чая старшины вездѣ выѣзжали на встрѣчу къ Аргутинскому съ повинною головою, но грозный князь находилъ, что не пришла пора еще миловать мятежниковъ, и за днями кроваваго бунта наступили не менѣе кровавые дни кары. Еще въ Ахтахъ, Аргутинскій, подъѣхавъ къ кучкѣ плѣнныхъ, вывелъ одного молодого лезгина къ караулу и приказалъ тутъ же заколоть его штыками. Такой же участи подверглись и многіе лезгины во время похода по Самурскому округу. Наконецъ князь пропустилъ безъ вниманія нѣсколько мелкихъ ауловъ, и остановился передъ большимъ, многолюднымъ селеніемъ Хрюкъ, откуда по-

*) Ротъ впослѣдствіи вылѣчился отъ раны, но не могъ продолжать боевую службу и былъ назначенъ комендантомъ въ Тифлисъ. Дочь его, свидѣтельница тяжкихъ дней ахтынской осады, обѣщанная Шамилемъ въ награду храбрѣйшему мюриду, который первый войдетъ въ укрѣпленіе,—вышла замужъ за одного изъ ахтынскихъ же героевъ подпоручика Бенета, также, какъ и Новоселовъ, украшеннаго георгіевскимъ крестомъ.

**) Николай Васильевичъ. Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и главный начальникъ Военно-Учебныхъ заведеній.

сланы были на встрѣчу къ Шамилю первые депутаты. Аулъ былъ пустъ, такъ какъ жители, зная нравъ Аргутинскаго, сочли за лучшее избѣжать первыхъ порывовъ его гнѣва, и бѣжали въ горы. Но ихъ разыскали, и князь рѣшилъ показать надъ ними примѣръ ускореннаго правосудія. Онъ вызвалъ караулъ и сказалъ ему съ своимъ неподражаемымъ хладнокровіемъ: «Это, ребята, большіе мошенники,—возьмите ихъ на штыки». И солдаты исполнили суровый приговоръ мгновенно. Впрочемъ, это были уже послѣднія жертвы гнѣвнаго князя. Дагестанъ трепеталъ, и въ остальныхъ случаяхъ для вразумленія заблудшихъ оказывалось достаточнымъ одного чубука, игравшаго обыкновенно въ княжескихъ рукахъ роль исправительной дубинки. Войскамъ онъ приказалъ войти въ аулъ и разграбить его до чиста.

Солдаты ринулись исполнять приказаніе, и тащили не только движимое имущество жителей, но даже и недвижимое, которое рѣшительно никому не было нужно. Очевидцы расказываютъ по этому поводу массу анекдотовъ ([8]). Стоятъ, напр., два драгуна и разсуждаютъ между собою: «Вотъ, братъ, ворота-то знатныя», говоритъ одинъ изъ нихъ.—Знатныя-то, знатныя, да что въ нихъ проку? «Какъ что? Если возьмутъ Самурцы, жалко будетъ, вишь, какъ они къ нимъ подбираются». Солдаты снимаютъ ворота и, обливаясь потомъ, тащатъ ихъ въ лагерь. На встрѣчу идетъ офицеръ. «Что вы, братцы, тащите?»—Ворота, ваше благородіе. «Зачѣмъ?» Солдаты, не зная на что имъ понадобились ворота, нѣсколько конфузятся.—«Самурцы хотѣли снять,—наконецъ говоритъ одинъ изъ нихъ:—а мы думаемъ—зачѣмъ чужимъ отдавать, лучше снесемъ въ свой лагерь». А Самурцы, которые и не думали подбиваться къ воротамъ, тоже говорятъ между собою: «Вонъ какія ворота тащатъ, должно же на что-нибудь да пригодятся: эхъ, опоздали малость»... Одинъ драгунъ несетъ на себѣ здороваго пса. Песъ огрызается и старается вырваться. Драгунъ до того измучился, что спотыкается на каждомъ шагу и, наконецъ, садится отдыхать, но пса не бросаетъ.—Брось! говоритъ ему встрѣтившійся офицеръ: видишь, какъ ты измучился. «Ничего, ваше благородіе, вотъ отдохну маленько».—Да на что тебѣ песъ? «А мы его служить выучимъ», наивно отвѣчаетъ драгунъ. И лезгинскій песъ, прикомандированный къ эскадроннымъ котламъ, дѣйствительно, ушелъ вмѣстѣ съ дивизіономъ.

До самаго вечера, пока барабаны не пробили «отбой», солдаты хозяйничали въ аулѣ, а на слѣдующій день въ лагерѣ открылся цѣлый

базаръ. Разграбленіе Хрюка было заключительнымъ актомъ самурской экспедиціи; войска были распущены, и драгуны въ началѣ ноября возвратились наконецъ въ Чиръ-Юртъ. 9-й эскадронъ не видѣлъ своей штабъ-квартиры болѣе года.

Такъ наступилъ 1849 годъ,—послѣдній въ командованіи Круковскаго. Онъ начался обычными тревогами, которыми всегда сопровождались на Сулакѣ первые зимніе мѣсяцы; и, надо сказать, что этихъ тревогъ было не мало: у Хутумбаша чеченцы едва не захватили въ плѣнъ инженернаго офицера, подъ Казіюртомъ напали на казаковъ, въ Капчугаѣ перебили солдатъ, отставшихъ отъ оказій, у Чонтъ-аула пытались отбить обывательскій скотъ, и, наконецъ, 15-го марта, устроили даже засаду, чтобы схватить драгунскій разъѣздъ, высланный къ Міатлинскому броду. Разъѣздъ, однакоже, во-время замѣтилъ опасность и, спѣшившись, завязалъ сильную перестрѣлку *). Съ міатлинской башни глухо прокатился въ ночной тишинѣ призывный выстрѣлъ, и дежурный трубачъ въ Чиръ-Юртѣ тотчасъ подхватилъ тревогу. Въ офицерскихъ домикахъ сквозь щели ставень замелькали огни, въ казармахъ также проснулись. Круковскій былъ уже на площади и, встрѣтивъ дежурный эскадронъ маіора Шульца, приказалъ ему скакать къ Міатламъ, а вслѣдъ за нимъ двинулся и самъ съ четырьмя эскадронами. Выстрѣлы, между тѣмъ, смолкли. Въ Міатлахъ Круковскій узналъ, что партія ушла въ Салатавію, но тѣмъ не менѣе драгуны провели на коняхъ цѣлую ночь, и вернулись домой только къ полудню.

Это была послѣдняя тревога на Сулакѣ при Круковскомъ. Черезъ два дня послѣ нея пришелъ Высочайшій приказъ о назначеніи его наказнымъ атаманомъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, а 9-го апрѣля 1849 года прибылъ въ Чиръ-Юртъ и новый командиръ Нижегородскаго полка князь Чавчавадзе.

Пріемъ и сдача полка окончились въ четыре дня, и Круковскій, отклонивъ всѣ проводы, 16-го числа выѣхалъ изъ Чиръ-Юрта, который онъ больше никогда уже не видѣлъ. Очередной эскадронъ проводилъ его только до плашкоутнаго моста, а на томъ берегу атамана ожидала уже пѣхота. Солдаты и офицеры долго провожали глазами удалявшуюся колонну. Круковскій былъ на томъ же бѣломъ конѣ, на которомъ привыкла его видѣть вся Сулакская линія. Онъ ѣхалъ совершенно одинъ; пѣхота

*) Отбиваясь отъ горцевъ, драгуны въ короткое время выпустили 312 патроновъ (9).

тянулась стороною. День былъ пасмурный; штыки не играли на солнцѣ, да и солнце въ то утро ни разу не выглянуло изъ-за сѣрыхъ тучъ, низко проносившихся надъ Шамхальскою равниною. Скоро колонна скрылась за неровностями Кумыкской плоскости. Въ послѣдній разъ на сѣромъ грунтѣ пасмурнаго неба мелькнулъ бѣлый конь—и все исчезло изъ глазъ. Отъ дорогого человѣка остались одни дорогія воспоминанія ([10]).

Мостъ черезъ рѣку Ахты-Чай.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Томъ V стр.

ГЛАВА I.

[1]) Штаты. Прилож. къ Пр. по Воен. вѣдомству 11 января 1846 г. № 10 . . . 2
[2]) Воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ (рукопись) 3
[3]) Книга пр. по полку за 1846 г. и путевыя донесенія кап. Яневича. Тиф. Арх. Окр. Шт. дѣло о передвиженіяхъ войскъ за 1846 г. 4
[4]) Тоже. Путевыя донесенія полков. Круковскаго 6
[5]) Приказы инспектора Резервной кав. за № 1845 и 46 г. 8
[6]) Тамъ же 9
[7]) Тамъ же . . . . . —
[8]) Разсказы и записки Шульца, Зорина и др. (рукопись) . . . . . —
[9]) Пр. по войск. пр. фл. Кав. линіи за 1846 г. 10
[10]) Разсказы старыхъ Нижегородцевъ 11
[11]) Воен. Сб. 1862 г. № 12 «Былое». В. Каченовскаго 12
[12]) Записки Шульца (рукопись) 13
[13]) Воен. Сб. 1862 г. № 12 «Былое», и записки Шульца 14
[14]) Записки старыхъ Нижегородцевъ (рукопись) 17
[15]) Записаны авторомъ со словъ мѣстныхъ жителей 18

ГЛАВА II.

[1]) Арх. Войск. Штаба Дагест. об. Дѣло 1846 г. № 507. О взрывѣ Евгеніевскаго укрѣпленія 22
[2]) Тамъ же. Дѣла 1846 г. № 479 и 492. О происшествіяхъ 24
[3]) Тамъ же дѣло 1846 г. № 459 объ устройствѣ полковой штабъ-квартиры . . 25
[4]) Тамъ же 26
[5]) Записки старыхъ Нижегородцевъ (рукопись) 27
[6]) Воен. Сб. 1862 г. № 12 «Былое», В. Каченовскаго 28
[7]) Записки старыхъ Нижегородцевъ (рукопись) 31
[8]) Кав. Сбор. Лѣвый флангъ Кавказской линіи 1848 г. IX; К* 33
[9]) Записки стараго Нижегородца К* (рукопись) 35

ГЛАВА III.

[1]) Арх. штаба Даг. об. Дѣло 1846 г. о происшествіяхъ, № 479 и 492 38

[2]) Записки стараго Нижегородца К* (рукопись). Воен. Сб. 1862 г. № 12 «Былое». 39

[3]) Тамъ же . . . . . —

[4]) Тиф. Арх. Окр. Шт., дѣло 1846 г. о военныхъ дѣйствіяхъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Записки стараго Нижегородца (рукопись). Воен. Сб. 1862 г. № 12 «Былое» . . 44

[5]) Приказы по отд. Кав. кор. 24 окт. 1846 г. № 245 и 3 декаб. № 264. . . . 45

[6]) Письмо къ князю Бебутову 24 октября 1846 г. «Русск. Стар.» январь 1873 г. —

[7]) Письмо Воронцова отъ 1 нояб. 1846 г. № 108. Ар. Тиф. Окр. Шт. дѣло 1847 г. № 5. —

[8]) Письмо Воронцова къ кн. Бебутову отъ 18 ноября 1846 г. «Русс. Ст.» янв. 1873 г. 46

[9]) Приказъ по 3-му Резервному кавалерійскому корпусу 12 дек. 1846 г. № 54. . —

[10]) Арх. Штаба Даг. об. Дѣло 1846 г. № 52. О слѣдствіи произведенномъ надъ подполковникомъ Обуховымъ и штабсъ-капитаномъ Мочабѣли 47

[11]) Тамъ же. Дѣло 1846 г. О происшествіяхъ № 492 48

[12]) Тамъ же. Дѣло 1846 г. О похищеніи ханши Нохъ-Бике, № 477 и разсказы мѣстныхъ жителей, записанные авторомъ 49

Кромѣ уже указанныхъ наградъ за Кутишинское дѣло: прапорщику Клюеву исключенъ штрафъ изъ послужнаго списка, прапорщикъ милиціи Колотузовъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Нижегородскій полкъ; старшіе вахмистра Емельянъ Рѣчкинъ и Никифоръ Раковскій; юнкеръ Александръ Фогель; ун.-офиц. Степанъ Григоровичъ, Михаилъ Ширингинъ, Федоръ Штейнъ, Иванъ Мурашко, Еремѣй Щербаковъ и Алексѣй Евреиновъ—произведены въ прапорщики; юнкеръ Александръ Самбикинъ въ фанен-юнкера, рядовые: Стредининъ, Кононенко, Линниковъ, Золотаревъ, Величенко, Кусочкинъ, Шанъ-Гирей, Александровъ и Никитинъ—въ унтеръ-офицеры; унтеръ-офицеру Мирону Черевко—исключенъ штрафъ; а младшему врачу Глаголеву, старшему фельдшеру Авдѣеву и рядовымъ Бочкову, Тименеву и Воробьеву—пожалованы денежныя награды.

Знаки отличія военнаго ордена получили:

Старшіе вахмистры:

Василій Свистюлькинъ.
Владиміръ Щеголевъ.

Юнкеръ

Сергѣй Сумароковъ.

Младшіе вахмистры:

Димитрій Башковъ.
Федоръ Носовъ.

Унтеръ-офицеры:

Федоръ Полежаевъ.
Иванъ Курмыкинъ.

Рядовые:

Тимофей Остапенко.
Григорій Шанинъ.
Василій Фомичевъ.
Иванъ Кондратьевъ.
Романъ Безпаловъ.
Лазарь Праздниковъ.
Осипъ Наливайко.
Тимофѣй Сидоровъ.
Василій Падуновъ.
Савва Жученко.
Федоръ Красноярскій.
Яковъ Карусь.
Трофимъ Гладченко.

ГЛАВА IV.

[1]) Записки К* (рукопись) 52
[2]) Тамъ же 53
[3]) Арх. Штаба Дагест. об. Дѣло 1847 г. О чрезвычайныхъ происшествіяхъ № 546 —
[4]) Тамъ же . . . . . —
[5]) Записки стараго Нижегородца К* (рукопись). Воен. сб. 1862 г. № 12 «Былое». 61
[6]) Арх. Шт. Дагест. об. Дѣло 1847 г. № 546 62
[7]) Записки старыхъ Нижегородцевъ (рукописи) 63
[8]) Ар. Шт. Даг. об. Дѣло 1847 г. О дуэли прапорщика Покатилова № 556 и Кав. Сб. Лѣвый флангъ Кавказской линіи 1848 г. т. IX, статья К*. Записки его же (рукоп.). 65

ГЛАВА V.

[1]) Воспоминанія стараго Нижегородца К* (рукопись) 69
[2]) Арх. Шт. Дагест. обл. Дѣло 1847 г. № 26 и Арх. Округ. Тиф. Штаба, дѣло 1847 г. № 5. О военныхъ дѣйствіяхъ Дагестанскаго отряда 70
[3]) Тамъ же . . . . . —
[4]) Тамъ же. Наградные листы за Гергебильскую экспедицію 71
[5]) Ар. Шт. Даг. об. Дѣло 1847 г. № 32. Приказы по войскамъ Дагестанскаго отряда. 72
[6]) Арх. Тиф. Округ. Шт., дѣло 1847 г. № 5. За дѣла подъ Гергебилемъ и Салтами пожалованы слѣдующія награды: маіору Дитмару, штабсъ-капитану Тимошенкѣ, поручикамъ Шарыгину и Кистеру и прапорщику князю Чавчавадзе—слѣдующіе чины; штабсъ-капитану Ассѣеву орденъ св. Владиміра 4 ст., штабсъ-капитану Вернеке—Анны 3 ст. съ бантомъ; поручикамъ: Орловскому, Аксамитному, и прапорщикамъ: Гребскому, Капписту и Гаспринскому—Анны 4 ст.; унтеръ-офицеру Конце—чинъ прапорщика; рядовому Карасинскому (изъ разжалованныхъ) прощенъ штрафъ. Старшему вахмистру Кабылянскому—вторая треть прибавочнаго жалованья на знакъ отличія Военнаго ордена.

Нижнимъ чинамъ 2-го дивизіона—четыре знака отличія Военнаго ордена. Объ именахъ ихъ свѣдѣній не имѣется. (Дѣло о наградахъ за 1847 г. Арх. Тиф. Окр. Шт.). 74
[7]) Тамъ же 75
[8]) Это были: унтеръ-офицеры: Адольфъ Конце, Петръ Беклешовъ, Николай Астафьевъ, и рядовые Никифоръ Бѣловъ и Александръ Столовскій 76
[9]) Это были: унтеръ-офицеры: Николай Шангирей и Иванъ Мурашкинъ, и рядовые: Иванъ Грузовъ, Филиппъ Мясниковъ, Василій Фельтеговъ, Сидоръ Ивановъ и Иванъ Пересѣчинскій 78

Въ томъ же 47-мъ году унтеръ-офицеръ Беклешовъ (изъ разжалованыхъ) за отличія въ бояхъ и тяжкую рану, полученную въ отрядѣ генерала Фрейтага въ Малой Чечнѣ, произведенъ въ прапорщики, а юнкеръ Александръ Оболенскій и рядовой Лихаревъ (тоже изъ разжалованныхъ) награждены знакомъ отличія Военнаго ордена.

Кромѣ того рядовому Степану Пахомову за спасеніе утопавшаго въ Сулакѣ солдата линейнаго батальона пожалована серебряная медаль съ надписью: «За спасеніе погибавшихъ» (Ар. Тиф. Окр. Шт., дѣло о наградахъ за 1847 г.).

ГЛАВА VI.

[1]) Книга приказовъ по полку за 1847 г. и Арх. Шт. Дагестанс. об. Дѣло 1847 г. № 613, о чрезвычайныхъ происшествіяхъ 81

[2]) Тамъ же. Дѣло 1847 г. № 580, объ устройствѣ Чиръ-Юрта, и записки старыхъ Нижегородцевъ 82

[3]) Тамъ же. Дѣло 1847 г. № 546 83

[4]) Тамъ же. Дѣло 1847 г. № 26. О передвиженіи войскъ . . . . . —

[5]) Арх. Тиф. Окр. Шт. Дѣло 1847 г. № 5. О военныхъ дѣйствіяхъ въ Дагестанѣ. 84

[6]) Записка Шульца и К* (рукописи) 86

[7]) Записки стараго Нижегородца К* (рукопись) 87

[8]) Арх. Шт. Дагест. области. Дѣло 1847 г. № 546. 90

[9]) Тамъ же. . . . . —

[10]) За дѣло подъ Міатлами пожалованы слѣдующія награды: поручикамъ Моисѣеву и Сарычеву—Анны 3 ст. съ бантомъ; поручику Буковскому и прапорщику Григоровичу тотъ же орденъ 4 ст. Знаки отличія Военнаго ордена получили младшій вахмистръ Гавріилъ Хаванскій и рядовой Иванъ Горбуновъ . . . . . —

[11]) Арх. Шт. Даг. об. Дѣло 1848 г. № 613, о чрезвычайныхъ происшествіяхъ . 91

[12]) Записки Шульца и К* (рукописи) 94

ГЛАВА VII.

[1]) Арх. Тифл. Окр. Штаба. Дѣло о военныхъ дѣйствіяхъ въ Дагестанѣ въ 1848 г. 102

[2]) Тамъ же. О дѣйствіи нашихъ войскъ въ 1848 г. на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи и записки Бакланова (рукопись) 105

[3]) Тамъ же. Дѣла о наградахъ за экспедиціи 1848 г. . . . . —

[4]) Знаки отличія Военнаго ордена получили младшій вахмистръ Максимъ Русановъ и унтеръ-офицеры: князь Гавріилъ Ратіевъ и Венедиктъ Шуевъ. Кромѣ того, рядовой Преклонскій (изъ разжалованныхъ) произведенъ въ унтеръ-офицеры, а рядовымъ Тимофѣю Кириченко и Ивану Ткаченко уничтожены штрафы 106

ГЛАВА VIII.

[1]) Кав. сбор. т. IX, X, XI. Лѣвый флангъ Кавказской линіи въ 1848 году. 108

[2]) Записки К* (рукопись) . . . . . —

[3]) Кав. Сбор. т. IX, X, XI. Лѣвый флангъ Кавказской линіи въ 1848 году . . —

[4]) Тамъ же 109

[5]) Разсказы и воспоминанія о Золотухинѣ сослуживцевъ. Его послужной списокъ. 110

[6]) Арх. Шт. Даг. об. Дѣло 1848 г. № 40 . . . . . —

[7]) Воспоминанія стараго Нижегородца К* (рукопись) . . . . . —

[8]) Тамъ же 112

[9]) Кав. Сбор. т. IX, X, XI. Лѣвый флангъ Кавк. линіи въ 1848 г. и Записки К* 116
(рукопись) . . . . . —

[10]) Тамъ же 117

[11]) Тамъ же 119

Томъ V стр.

ГЛАВА IX.

[1]) Кав. Сбор. т. IX, X, XI. Лѣвый флангъ Кавказской линіи въ 1848 г. . . . 122
[2]) Воспоминанія стараго Нижегородца К—а (рукопись) 124
[3]) Тамъ же. Арх. Тиф. Окр. Шт. дѣло 1848 г. о воен. дѣйст. въ Малой Чечнѣ. 126
[4]) Разсказъ отставного Нижегородца Ушакова 128
[5]) Кав. Сб. т. IX, X, XI. Лѣвый флангъ Кавказской линіи въ 1848 г. 129
[6]) Записки К—а (рукопись) 131
[7]) Арх. Тифл. Окр. Шт. Дѣло о наградахъ 1848 г. Знаки отличія Военнаго ордена за 4-е августа пожалованы: юнкеру Ипполиту Петрову и рядовымъ Вильгельму Гольцу и Сергѣю Герасимову . . . . . —
[8]) Арх. Тиф. Окр. Шт. Дѣло 1848 г. о военныхъ дѣйствіяхъ въ Малой Чечнѣ . —
[9]) Записки К—а (рукопись) 134
[10]) Кав. Сб. IX, X, XI . . . . . —
[11]) Тамъ же 135
[12]) Тамъ же, и разсказъ К—а 137
[13]) Арх. Тиф. Окр. Шт. Дѣло 2848 г. о военныхъ дѣйствіяхъ въ Малой Чечнѣ . —
[14]) Записки К—а (рукопись) . . . . . —
[15]) Арх. Тиф. Окр. Шт. Дѣло 1848 г. о военн. дѣйств. на лѣв. фл. Кавк. линіи . 138
[16]) Тамъ же . . . . . —
[17]) Воспоминанія стараго Нижегородца К—а (рукопись) 139
[18]) Тамъ же 140

ГЛАВА X.

[1]) Арх. Тиф. Окр. Шт. Дѣло 1848 г. о военныхъ дѣйствіяхъ на лѣвомъ флангѣ . 142
[2]) Воспоминанія стараго Нижегородца К—а (рукопись) . . . . . —
[3]) Тамъ же 144
[4]) Тамъ же 145
[5]) Арх. Тиф. Окр. Шт. Дѣло 1848 г. о военныхъ дѣйствіяхъ на лѣвомъ флангѣ . —
[6]) Тамъ же 146
[7]) Воспоминанія и разсказы старыхъ Нижегородцевъ . . . . . —
[8]) Тамъ же . . . . . —
[9]) Арх. Тиф. Окр. Шт. О военныхъ дѣйствіяхъ на лѣвомъ флангѣ въ 1848 г. . 147
[10]) Воспоминанія стараго Нижегородца К—а (рукопись) 153
[11]) Тамъ же 154
[12]) Тамъ же 155
[13]) Арх. Тиф. Окр. Шт. О военныхъ дѣйствіяхъ на лѣвомъ флангѣ въ 1848 г. . —
[14]) Тамъ же. Дѣло о наградахъ 1848 г. . . . . —

Знаки отличія Военнаго ордена пожалованы:

Старшему вахмистру
Федору Носову.
Младшимъ вахмистрамъ:
Архипу Гончарову.
Борису Зубакину.

Трубачу:
Михаилу Тихоненко.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БИБЛИОТЕКА

Ивану Хохлову.
Матвѣю Сопіенко.

Унтеръ-офицерамъ:
Михаилу Христову.
Федору Шведову.

Рядовымъ:
Макару Рурскину.
Игнату Хицову.
Кондратію Шмакову.
Игнату Чевкину.
Григорію Ефимову.

Младшему вахмистру Терентію Пересѣкину вторую треть прибавочнаго жалованья по знаку отличія Военнаго ордена.

[15]) Разсказы старыхъ Нижегородцевъ 156
[16]) Арх. Тиф. Окр. Шт. О военныхъ дѣйствіяхъ на лѣвомъ флангѣ въ 1848 г. . —
[17]) «Русскій Инвалидъ» 1857 г. № 263 158
[18]) Рукопись. Воспоминанія стараго Нижегородца К—а 159
[19]) Тамъ же 161

ГЛАВА XI.

[1]) Арх. Тиф. Окр. Шт. Дѣло 1848 г. О военныхъ дѣйствіяхъ въ Дагестанѣ, и воспоминанія старыхъ Нижегородцевъ (рукопись) 166
[2]) Кав. сбор. т. VI изъ Кавказской жизни 1848 г. въ Дагестанѣ 167
[3]) Записки Нижегородца (рукопись) 168
[4]) Кав. сбор. т. VI изъ Кавказской жизни 1848 г. въ Дагестанѣ 169
[5]) Тамъ же. Разсказы и воспоминанія Шульца (рукопись) . . . . . —
[6]) Кав. сбор. т. VI изъ Кавказской жизни 1848 г. въ Дагестанѣ 172
[7]) Арх. Тиф. Ок. Шт. Дѣло 1848 г. о наградахъ 173

Знаки отличія Военнаго ордена получили:

Старшіе вахмистры:
Карлъ Юрьевичъ.
Осипъ Петровъ.

Младшіе вахмистры:
Карпъ Егоровъ.
Степанъ Гордіенко.

Унтеръ-офицеры:
Денисъ Касимовъ.
Степанъ Коршуненко.
Макаръ Пластунъ.

Рядовые.
Евстафій Дашкевичъ.
Габріель Шульцъ.
Петръ Скрыпковскій.
Тимофей Проскуряковъ.
Федоръ Земновъ.
Денисъ Петровъ.

Младшему вахмистру Егорову единовременно 25 р. с. Кромѣ того, унтеръ-офицеру Федору Румянцову вторую треть, а унтеръ-офицеру Василію Афонасенкѣ—полный окладъ жалованья по знаку отличія Военнаго ордена.

[8]) Записки Шульца (рукопись) 174
[9]) Арх. Шт. Даг. об. Дѣло 1848 г. № 613, о чрезвычайныхъ происшествіяхъ . 175
[10]) Записки стараго Нижегородца К—а (рукопись) 176

КАРТА ЧЕЧНИ

Масштабъ

10 Верстъ въ Англійскомъ дюймѣ

КАРТА
ПРИКАСПІЙСКАГО КРАЯ
И
НАГОРНАГО ДАГЕСТАНА
Масштабъ
въ Англійскихъ дюймахъ 10 верстъ
ОКР.
КУМЫКСКІЙ
АУХЪ
САЛАТАУ
БОЛ. ЧЕЧНЯ
ШАМХАЛЬСТВО ТАРКОВСКОЕ
ЕЛИСАВЕТИНСКОЕ
ПЕТРОВСКОЕ
ТЕМИРХАНЪ ШУРА
ЧУМБЕТЪ
АНДІЙ
КОЙСУБУ
МЕХТУЛА
ТЕХНУЦАЛЪ
КАРАТА
АВАРІЯ
АНДАЛАЛЪ
КУНДА
КАРАХЪ
МАРАЛЪ
КАЗЫ
КУМУХСКІЙ
ТЛЕССЕРУХЪ
ТАБАСАРАНЪ
ДЕРБЕНТСКІЙ
ДЕРБЕНТЪ
КЮРИНСКІЙ
САМУРСКІЙ
УѢЗ.
КУБИНСКІЙ
Каспійское
Море